

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 22. № 6

2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Язык и текст в историческом аспекте: современные подходы к исследованию»

“Contemporary Studies of Language and Text from a Historical Perspective”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 22. No. 6

2023

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023

Том 22. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023

Volume 22. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023. Vol. 22. No. 6

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

“Contemporary Studies of Language and Text from a Historical Perspective”

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Vovodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Nov. 21, 2023.

Date of publication: Mar. 7, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16.0. Published pages 17.2.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 175. «C» 43.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023. Т. 22. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

«Язык и текст в историческом аспекте: современные подходы к исследованию»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 21.11 2023 г.

Дата выхода в свет: 07.03.2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,0.

Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 175. «С» 43.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

- Баранов В.А.* Кирилло-мефодиевская и восточноболгарская лексика в рукописях X–XV вв. (корпусное исследование) 5
- Жолобов О.Ф.* Контрасты квантификации глаголов *творити* – *сѣтворити* и их синонимов в древнерусских источниках (на материале исторического корпуса «Манускрипт») 21
- Пенькова Я.А.* Модальные предикаты в конструкциях с инфинитивом в русской письменности XV–XVII вв.: семантика и дистрибуция 40
- Русанова С.В.* Славянизация языка законодательных актов в Петровскую эпоху 55

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Косова М.В.* Научная школа профессора С.П. Лопушанской: развитие теоретических подходов к исследованию современных документов [На англ. яз.] 66
- Куприянов Р.В., Солнышкина М.И., Лехницкая П.А.* Параметрическая таксономия учебных текстов 80
- Дмитриева О.И., Орлова Д.Г.* Тенденции неологизации глагольной лексики в старорусском языке (XV–XVII вв.) 95
- Сафонова И.А.* Метафорическая репрезентация зрительной перцепции в современном русском языке (модель «движение – восприятие») 106

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Мухин С.В.* Соматическая лексика Веспасиановой Псалтири 120
- Клинкова Ю.С.* Виды информации в текстах эпистолярного жанра и способы их передачи в переводе 132

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Позднякова Е.Ю.* Актуализация дискурса имени собственного (на материале лингвистического эксперимента) 143

ДИСКУССИИ

- Зеликов М.В.* Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания. Часть 1 155

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Baranov V.A.* Cyril-Methodian and Eastern Bulgarian Words in the Manuscripts of the 10th – 15th Centuries (Text Corpus Study) 5
- Zholobov O.F.* Quantification Contrasts of *tvoriti* – *sѣtvoriti* Verbs and Their Synonyms in Old East Slavic Sources (Based on the “Manuscript” Historical Corpus) 21
- Penkova Ya.A.* Modal Predicates in Constructions with an Infinitive Clause in Russian Writing of the 15th – 17th Centuries: Semantics and Distribution 40
- Rusanova S.V.* Legislative Acts in Peter the Great Period: Slavization of the Language 55

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Kosova M.V.* Development of Theoretical Approaches to Modern Document Studies in Linguistic School of Professor Sofiya P. Lopushanskaya 66
- Kupriyanov R.V., Solnyshkina M.I., Lekhnitskaya P.A.* Parametric Taxonomy of Educational Texts 80
- Dmitrieva O.I., Orlova D.G.* Trends in Neologization of Verbal Vocabulary in the Old Russian Language (15th – 17th Centuries) 95
- Safonova I.A.* Metaphorical Representation of Visual Perception in the Modern Russian Language (“Movement – Perception” Model) 106

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Mukhin S.V.* Somatic Lexis of the Vespasian Psalter 120
- Klinkova Yu.S.* Types of Information in the Texts of Epistolary Genre and Ways of Their Rendering in Translation 132

MATERIALS AND REPORTS

- Pozdnyakova E.Yu.* Proper Name Discourse Actualization (Exemplified by Linguistic Experiment) 143

DISCUSSIONS

- Zelikov M.V.* G. Guillaume’s Glottogenesis in the Frameworks of General, Indo-European and Romance Linguistics. Part 1 155

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.1>

UDC 811.163'04
LBC 81.416-03

Submitted: 19.07.2023
Accepted: 09.10.2023

CYRIL-METHODIAN AND EASTERN BULGARIAN WORDS IN THE MANUSCRIPTS OF THE 10th – 15th CENTURIES (TEXT CORPUS STUDY)¹

Victor A. Baranov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia;
Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The correlation of statistical characteristics of the so-called Cyrillo-Methodian and Eastern Bulgarian words in groups of texts characterized by different textological and(or) codicological meanings is presented: Glagolitic – Cyrillic, service – non-service, archaic – Eastern Bulgarian subcorpora. Synonymous pairs of *vrētishche – vlasēnitsa* ‘rough (horsehair) clothes’; *zhrtva – trēba* ‘sacrifice’; *radi – dēlya* ‘because of, due to, on account of, for’; *тъкътo – тъchiyu* ‘only, just, merely’; *vrat'nikъ – vratar* ‘gatekeeper, doorkeeper’; *outro – zautra* ‘(early) in the morning’; *yako – aky* ‘how, as, like’; *aminъ – parvo* ‘rightly’; *aromatъ – vonya* ‘(fragrant) spices’; *iyudēi – zhidъ* ‘Jew’ are analyzed. The method of comparing the statistical meaning of the word observed in the subcorpora with the expected meaning is applied. The statistics measures Log-Likelihood, TF*ICTF and Weirdness were used. The components of synonymic pairs were extracted from subcorpora and evaluated using the historical corpus statistics module. Comparison of the statistical preference of the components of synonymic pairs in different subcorpora made it possible (a) to confirm the known confinement of each of the components to archaic and Eastern Bulgarian texts opposed to each other, (b) to show a different ratio of the components of pairs in different subcorpora, and also (c) to draw conclusions about the dependence of the preference of components on the lexical and lexical-derivational characteristics of lexemes.

Key words: Cyrillic-Methodian words, Eastern Bulgarian words, synonymic pairs, linguistic statistics, text corpus.

Citation. Baranov V.A. Cyril-Methodian and Eastern Bulgarian Words in the Manuscripts of the 10th – 15th Centuries (Text Corpus Study). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 5-20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.1>

УДК 811.163'04
ББК 81.416-03

Дата поступления статьи: 19.07.2023
Дата принятия статьи: 09.10.2023

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ И ВОСТОЧНОБОЛГАРСКАЯ ЛЕКСИКА В РУКОПИСЯХ X–XV ВВ. (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)¹

Виктор Аркадьевич Баранов

Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, г. Ижевск, Россия;
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Представлено соотношение статистических характеристик так называемой кирилло-мефодиевской и восточноболгарской лексики в группах текстов, характеризующихся различными текстологическими и / или кодикологическими значениями: глаголический – кириллический, служебный – неслужеб-

ный, архаичный – восточноболгарский. Рассмотрены синонимические пары *врѣтище – власѣница*; *жрътва – трѣба*; *ради – дѣля*; *тъкъмо – тъчию*; *вратъникъ – вратарь*; *оутро – заутра*; *яко – акы*; *аминь – право*; *ароматъ – воня*; *шюдѣи – жидь*. Применен метод сопоставления наблюдаемого в подкорпусе статистического значения слова с ожидаемым. В качестве статистик использованы меры Log-Likelihood, TF*ICF и Weirness. Компоненты синонимических пар извлечены из подкорпусов и оценены с помощью модуля статистики исторического корпуса. Сопоставление статистической предпочтительности компонентов синонимических пар в разных подкорпусах позволило подтвердить известную приуроченность каждого из компонентов противопоставленным друг другу архаичным и преславским текстам, показать различия в соотношении компонентов пар в разных подкорпусах и сделать выводы о зависимости предпочтительности компонентов от лексических и лексико-словообразовательных характеристик лексем.

Ключевые слова: кирилло-мефодиевская лексика, восточноболгарская лексика, синонимические пары, лингвистическая статистика, текстовый корпус.

Цитирование. Баранов В. А. Кирилло-мефодиевская и восточноболгарская лексика в рукописях X–XV вв. (корпусное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 5–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.1>

Введение

Традиционно в историко-лингвистических исследованиях при анализе материала письменных источников используют количественные сведения об анализируемых фактах, которые приводятся в абсолютных или относительных величинах или описательно: «присутствует – отсутствует», «больше – меньше», «чаще – реже», «значительно чаще – значительно реже», «преобладает – единично» и под. Однако подобного рода количественные сопоставления не учитывают, например, существенного фактора случайности отсутствия либо единичной представленности языковой единицы в некотором документе (группе документов) или отсутствия сведений о значимости (незначимости) обнаруженного различия в частоте употребления одной и той же единицы в нескольких документах. Чрезвычайно критичным отсутствие сведений о значимости (незначимости) выявленных различий становится в том случае, когда нет возможности проверить выводы на большом объеме текстового материала: например, количество рукописей начала славянской письменности, которые сохранились до настоящего времени, крайне ограничено.

Вопрос о кирилло-мефодиевских и преславских лексических элементах в древнеболгарской письменности

Одним из наиболее активно обсуждающихся на протяжении более чем ста пятидесяти лет вопросов из области кирилло-мефодиевской проблематики является вопрос о

лексической маркированности кирилло-мефодиевских текстов, с одной стороны, и преславских – с другой [Димитрова, 2016; Добрев, 1979; Желязкова, 2016а; 2016б; Илиев, 2016; Милтенов, 2008; 2020; Новикова, 2013; Славова, 1989; 2013; Станков, 2018; Шафарик, 1860/1861; Jagić, 1913; Voss, 1996; и др.] (историографию вопроса см., например, в: [Станков, 2018, с. 121–140]). Изучение древнеболгарских глаголических и кириллических рукописей показало, что переводчики, редакторы, правщики, переписчики использовали во многом разные графико-орфографические и языковые средства для создания текста. Отчетливые различия обнаружены между наиболее древними (кирилло-мефодиевскими / охридско-моравскими) или восходящими к ним письменными памятниками и рукописями, созданными в период Первого Болгарского царства. Наиболее ярко эти различия проявляются в лексике: при наличии в древнеболгарских рукописях синонимов в конкретном списке наблюдается предпочтение одних лексем другим. В работах представлены перечни таких синонимических рядов, извлеченных из различных текстов и рукописей (см., например: [Славова, 1989, с. 25–117; Станков, 2018, с. 141–153; Voss, 1996, S. 100–103]), определен круг памятников, которые ориентированы на различные переводческие и редакторские традиции, и соответственно в которых предпочитается кирилло-мефодиевский или преславский компонент синонимического ряда, выявлены греческие соответствия славянских лексем, предложены различные гипотезы о историко-культурных и языковых связях и отно-

шениях двух болгарских книжных центров в период второй половины IX – начала XI века.

Исследователями по-разному понимается природа лексических различий: от утверждений о сознательно, последовательно и системно осуществляемой в Преславской книжной школе редакционной работе над древнейшими переводами и работе над новыми (см., например: [Милтенев, 2008, с. 43; Славова, 1989, с. 19]) до категорического отрицания существования особых преславских лексем: «Вывод ясен, преславской редакции как таковой нет. Это означает, что нет и преславской лексики» [Станков, 2018, с. 137], «...“преславская” лексика просто не существует и что так называемые “преславизмы” не могут быть лексическими маркерами в поисках текстов преславского происхождения» [Станков, 2018, с. 139].

Болгарский исследователь Татьяна Славова указывает на наличие трех типов соотношений в синонимических рядах: оба компонента являются славянскими, славянское слово соответствует непереуведенному греческому, компоненты являются словообразовательными синонимами [Славова, 1989, с. 117], Явор Милтенев к этому ряду добавляет компоненты-словосочетания [Милтенев, 2008, с. 42].

В работах последних лет медиевисты приходят к выводу о динамичности и неоднородности возникновения, существования явления, которое традиционно называют языковыми преславизмами, подчеркивают, что основой переводческого и редакторского подхода к тексту в Восточной Болгарии являлся выбор предпочитаемых языковых средств из имеющихся – лексических синонимов и грамматических вариантов, последовательное использование которых делает их маркированными [Милтенев, 2020, с. 60, 63, 65].

Другое направление исследований – выявление текстологических различий между первоначальными и преславскими переводами: исследователями показано, что в Восточной Болгарии были созданы особого типа тексты – толковые и четьи, расширившие корпус первоначальных служебных, указываются дошедшие до наших дней рукописи, сохраняющие эту редакцию [Милтенев, 2008, с. 42; Славова, 1989, с. 120–121; Станков, 2018, с. 139]. При этом ученые все чаще указывают на необходимость более активного использования лексического

критерия для установления близости рукописей и текстов, созданных в рамках одной переводческой или редакторской традиции [Милтенев, 2008, с. 48]. В работах А.А. Пичхадзе показано, что отход от традиционного, «атомистического» подхода и применение сопоставительных приемов исследования лексических особенностей группы рукописей открывает новые перспективы в изучении письменного наследия [Пичхадзе, 2011, с. 17, 53, 54].

Кирилло-мефодиевские и восточноболгарские языковые особенности в письменных памятниках Руси

Известно, что начало церковнославянской книжности на Руси было положено письменными памятниками, переписанными с южноболгарских оригиналов: «Подавляющее большинство произведений переводной древнеславянской письменности возникло у южных славян. Оригинальная письменность восточных славян на церковнославянском языке с самого начала в той или иной степени подражала южнославянским образцам, и проникновение в текст специфически восточнославянских языковых элементов допускалось в минимальной степени» [Пичхадзе, 2011, с. 7].

Это наследие неоднородно. Оно включает рукописи, восходящие к кирилло-мефодиевским переводам богослужебных текстов, свидетельствующих «о преемстве книжных элементов языковой нормы, формирование которой началось одновременно с первыми переводами» [Максимович, 2000, с. 73], и рукописи Преславской книжной школы – ее писцы осуществили редактуру первоначальных переводов и сделали новые переводы [Максимович, 2000, с. 75].

Исследователями отмечается, что при возможности выбрать из нескольких синонимичных лексем русский книжник ориентируется на восточноболгарский образец: «Однако по всем этим позициям словоупотребление преславских памятников совпадает в древнерусском узусом» [Пичхадзе, 2011, с. 54]; и далее: «Восточноболгарская книжность, чрезвычайно популярная на Руси, своим авторитетом поддерживала включение в текст древнерусских элементов, чуждых кирилло-мефодиевскому лексикону» [Пичхадзе, 2011, с. 56].

Таким образом, разнообразие существующих выводов о соотношении кирилло-мефодиевского и симеоновского наследия, различные интерпретации одних и тех же текстологических и лингвистических данных свидетельствуют о сложности изучения истории ранней южнославянской письменной традиции и ее противоречивой судьбы на Руси.

Неоднократно указывалось, что для понимания соотношения западно- и восточноболгарских языковых особенностей, их судьбы в восточнославянской книжной традиции недостаточно исследований отдельных рукописей или использования созданных к настоящему времени лексикографических работ: необходим анализ широкого круга рукописей, анализ лексики в ее реальном, текстовом употреблении (с учетом сведений о происхождении и истории текстов), и не только с учетом ее наличия в тех или иных списках, но и отсутствия [Милтенев, 2020, с. 67, 68, 70].

Цель работы – выявить посредством количественно-статистического анализа соотношение представленности характеризующихся различными текстологическими и/или кодикологическими значениями кирилло-мефодиевских и восточноболгарских лексем в подкорпусах исторического корпуса «Манускрипт».

Материал и методы

Исходным является положение о том, что частота использования компонента синонимического ряда зависит от текстологической истории рукописей, входящих в подкорпус. Поисковым – предположение о том, что количественно-статистическое соотношение между компонентами синонимической пары в группе текстов (подкорпусе), близких своими текстологическими и кодикологическими характеристиками, носит неслучайный характер, зависит от нескольких характеристик компонентов лексической пары, в том числе лингвистических. Оно может быть в различных подкорпусах как типичным, так и индивидуальным для конкретной пары лексем.

Основными вопросами анализа являются:

– существует ли корреляция между количественными и статистическими характеристикам слова, входящего в синонимический

ряд, и текстологическими и/или кодикологическими характеристиками текстов;

– каковы количественно-статистические отношения компонентов синонимической пары в подкорпусе;

– существует ли зависимость отношения компонентов синонимической пары в подкорпусах от их лингвистических или иных характеристик.

Синонимические пары

Синонимические пары выбраны из перечней, имеющихся в работах [Пичхадзе, 2011, с. 23, 54; Славова, 1989, с. 25–117; Станков, 2018, с. 146, 149, 153; Voss, 1996, S. 100–103], так, чтобы были представлены различные виды соотношения компонентов: разноосновные славянские (*врѣтище* – *власѣница*; *жрътва* – *трѣба*; *ради* – *дѣля*; *тѣкъмо* – *тѣчию*), одноосновные славянские (*вратъникъ* – *вратарь*; *оутро* – *заутра*; *яко* – *акы*), греческий – славянский (*аминь* – *право*; *аромать* – *воня*), заимствованный – заимствованный (*шодѣи* – *жидѣ*).

Методы

Одним из методов корпусного анализа является сопоставление лингвистических данных, извлеченных из подкорпусов, противопоставленных друг другу по какой-либо характеристике – времени создания, жанру, автору и т. д. Обнаружение между подкорпусами различий в таком случае интерпретируется как существование различий в языке разного времени, жанров или авторов и т. п.

Основным приемом стала статистическая оценка встречаемости лексемы в подкорпусах в сопоставлении со статистической величиной частотности слова в контрольном корпусе (модуль статистики – <https://manuscripts.ru/mns/!cred2.stat>). В качестве статистических мер оценки отклонения встречаемости от ожидаемой использованы статистики Log-Likelihood [Ляшевская, Шаров, 2009; Rayson, Garside, 2000], TF*ICF (Term Frequency * Inverse Collection Term Frequency) [Kwok, 1995; Robertson, 2004; Roelleke, 2013; Roelleke, Wang, 2006; Salton, Yang, 1973; Sparck, 1972; Wu et al., 2008], Weiridness [Бессмерт-

ный и др., 2017; Бессмертный, Юй Чуцяо, Ма Пенюй, 2016; Клышинский, Кочеткова, 2014; Ahmad, Gillam, Tostevin, 1999; Gillam, Tariq, Ahmad, 2005]. Статическое значение лексемы сопоставляется с аналогичным синонимичного ему слова. Соотношение статистических значений двух лексем сопоставляется с их соотношением в нескольких подкорпусах.

Известно, что методы TF*ICTF и Weirdness присваивают слову значение тем выше, чем чаще слово встречается в анализируемом подкорпусе и реже – в контрастном корпусе [Бессмертный и др., 2017, с. 83]. Методы считаются эффективным при работе с небольшими коллекциями для извлечения часто встречающихся терминов [Бессмертный, Юй Чуцяо, Ма Пенюй, 2016, с. 1097, 1098]. Относительно Weirdness экспериментальным путем установлено, что для «обычных слов формула странности возвращает значения, близкие к 1, а для терминов – значения, намного превышающие 1, так как в этом случае знаменатель формулы близок к 0» [Бессмертный и др., 2017, с. 83]. В метрике LL используются не только относительные, но и абсолютные частоты слов [Ляшевская, Шаров, 2009, с. VIII], значения меры LL чувствительны как к редко, так и часто встречающимся словам. Для метрики также известно значение, превышение которого дает возможность отнести слово к лексемам, значимым для подкорпуса, – 15.31 [Ляшевская, Шаров, 2009, с. VIII].

Каждая из мер имеет свои диапазоны значений. Наиболее высокие значения назначает статистика LL – десятки, а то и сотни условных единиц, значения Weirdness колеблются около 1,0, величины TF*ICTF существенно меньше 1,0. Для приведения значений к сопоставимым величинам используется нормализация данных с помощью логарифмирования².

Текстовый материал

В качестве контрольного (контрастного) корпуса выступает коллекция рукописей корпуса «Манускрипт». Подкорпуса сформированы из текстов, характеризующихся аналогичными текстологическими и/или кодикологическими свойствами, противопоставленными по этим свойствам другим рукописям корпуса. Первым основанием для противопоставления выбрана

графика списка – глаголический / кириллический алфавит (далее – Глаг³, Кир⁴).

Вторым – служебный / неслужебный тип кириллического текста (далее – КирСл⁵, КирНСл⁶). Особо из четырех текстов XI в., восходящих к восточноболгарской переводческой традиции, сформирован отдельный подкорпус (далее – ВБ⁷).

Третий – кирилло-мефодиевский / преславский: подкорпус, включающий Христинопольский апостол XII в. (содержащий «древнюю редакцию Апостола, осложненную преславскими чтениями» [Пентковская, 2009, с. 19]) и глаголическую Псалтырь Димитрия XI в., (далее – ПсАп-ЗБ⁸), и подкорпус, в который входят Толстовский апостол конца XIV в. («яркий представитель преславской редакции») [Новак, 2015, с. 232]) и Чудовская псалтырь XI в. – представитель симеоновской книжной школы (далее – ПсАп-ВБ⁹).

Инструментарий

Информационно-аналитическая система «Манускрипт» в настоящее время является одной из немногих систем хранения, обработки и демонстрации машиночитаемых транскрипций средневековых славянских письменных памятников. Корпус содержит транскрипции славянских текстов X–XV вв. общим объемом более 3,5 млн словоупотреблений, имеет мета, аналитическую и лингвистическую разметку, снабжен корпусным менеджером, обеспечивающим подготовку транскрипций, лемматизацию текстов, формирование подкорпусов, выборку лингвистических единиц и их демонстрацию (о корпусе см., например: [Baranov, 2018; Баранов, 2019а]).

Модуль статистики¹⁰ предназначен: а) для демонстрации распределения единиц корпуса (символов, текстовых форм, лемм) в рукописи или нескольких рукописях; б) для нахождения количественных и/или статистических характеристик (соответствия или несоответствия ожидаемым статистическим характеристикам) слов в подкорпусе (подкорпусах). Модуль позволяет на основе метаданных транскрипций сформировать подкорпус, сохранить его для многократного исполь-

зования, указать тип анализируемой единицы и ее маску, выбрать контрольный (контрастный) корпус, указать меру статистической оценки. Результат выводится на экран в виде таблицы со сведениями о количестве и статистическом значении лингвистических единиц в подкорпусах [Baranov, Gnutikov, 2018; Баранов, 2019б].

Возможности модуля статистики сформировать подкорпусы на основе выборок необходимых документов и извлечь из них с помощью маски регулярных выражений все текстовые формы анализируемых слов и сведения об их количественных и статистических характеристиках позволили получить информацию о соответствии или несоответствии (значимости) частотности слов их средней частоте в контрастном (контрольном) корпусе, роль которого выполнила выборка, включающая практически все транскрипции корпуса.

Результаты. Количественные и статистические данные

Синонимический ряд жертва – трѣба

Маски регулярных выражений: ^ж[ьѣ]? р[ьѣ]?т.?в.?[^н]\$ – ^треб([ауьѣ]|о[юи]|ах[ъ]?|ам[ьѣ])?\$

Слово *жертва* зафиксировано во всех подкорпусах (табл. 1, 2). Относительное количество во всех подкорпусах, кроме ПсАп-ВБ, в котором оно значительно ниже, примерно одинаковое. Слово *трѣба* отсутствует в глаголическом подкорпусе (см. табл. 3, 4). Максимальное относительное количество – в подкорпусе четырех восточноболгарских рукописей; минимальное – в подкорпусе кириллических служебных.

Количественные соотношения соответствуют текстологическим свойствам списков: слово *жертва* не характерно для подкорпуса рукописей, восходящих к ЗБ редакции, слово *трѣба* – отсутствует в подкорпусе глаголических рукописей и часто используется в рукописях, созданных в Восточной Болгарии.

Статистическая активность слова *жертва* по-разному оценивается мерами: LL выделяет слово в КирНСл, ВБ, ПсАп-ВБ, Weirdness – в КирСл, ВБ, ПсАп-ЗБ. Статистическая активность слова *трѣба* также различается: LL – в КирСл, КирНСл, ВБ, ПсАп-ВБ, Weirdness – в ВБ и ПсАп-ВБ. При этом оценка статистиками в двух последних подкорпусах совпадает, а в LL выше, чем в КирСл и КирНСл.

Средние логарифмированных статистических метрик (см. рис. 1) показывают су-

Таблица 1. Количественные и статистические значения слова *жертва*

Table 1. Quantitative and statistical values of the word *zhrtva* ‘sacrifice’

Подкорпус	Все рукописи	Глаг	Кир	КирСл	КирНСл	ВБ	ПсАп-ВБ	ПсАп-ЗБ
Объем подкорпуса	2986201	97138	2889063	1583956	1329303	262429	103908	99577
Объем выборки	629	21	608	389	197	95	4	34
Среднее	0,02106	0,02162	0,02104	0,02456	0,01482	0,03620	0,00385	0,03414
LL	–	2,01357	2,00270	7,48186	21,84683	23,06930	23,73787	8,49934
TF*ICTF	–	0,00079	0,00077	0,00090	0,00054	0,00133	0,00014	0,00126
Weirdness	–	1,02473	0,99753	1,16408	0,70246	1,71590	0,18247	1,61845

Таблица 2. Логарифмированные количественные и статистические значения слова *жертва*

Table 2. Logarithmic quantitative and statistical values of the word *zhrtva* ‘sacrifice’

Подкорпус	Глаг	Кир	КирСл	КирНСл	ВБ	ПсАп-ВБ	ПсАп-ЗБ
ln(LL)	0,69991	0,69450	2,01248	3,08406	3,13850	3,16707	2,13999
ln(TF*ICTF)	-7,14348	-7,16912	-7,01312	-7,52394	-6,62258	-8,87387	-6,67664
ln(Weirdness)	0,02443	-0,00247	0,15193	-0,35317	0,53994	-1,70117	0,48147
ln(средн.)	-3,83420	-3,86110	-3,70669	-4,21179	-3,31869	-5,55980	-3,37716

Таблица 3. Количественные и статистические значения слова *трѣба*

Table 3. Quantitative and statistical values of the word *trĕba* ‘sacrifice’

Подкорпус	Все рукописи	Глагол	Кир	КирСл	КирНСл	ВБ	ПсАп-ВБ	ПсАп-ЗБ
Объем подкорпуса	2986201	97138	2889063	1583956	1329303	262429	103908	99577
Объем выборки	279	0	279	78	219	105	41	13
Среднее	0,00934	0,00000	0,00966	0,00492	0,01647	0,04001	0,03946	0,01306
LL	–	0,00000	2,12333	30,27670	39,68686	126,35074	54,06898	3,23649
TF*ICTF	–	0,00000	0,00039	0,00020	0,00066	0,00161	0,00159	0,00053
Weirdness	–	0,00000	1,02993	0,52518	1,75704	4,26717	4,20821	1,39234

Таблица 4. Логарифмированные количественные и статистические значения слова *трѣба*

Table 4. Logarithmic quantitative and statistical values of the word *trĕba* ‘sacrifice’

Подкорпус	Глагол	Кир	КирСл	КирНСл	ВБ	ПсАп-ВБ	ПсАп-ЗБ
ln(LL)	–	0,75299	3,41038	3,68102	4,83906	3,99026	1,17449
ln(TF*ICTF)	–	-7,84936	-8,51719	-7,32327	-6,43152	-6,44402	-7,54263
ln(Weirdness)	–	0,02949	-0,64401	0,56363	1,45095	1,43704	0,33099
ln(средн.)	–	-4,64006	-5,31356	-4,10592	-3,21861	-3,23252	-4,33857

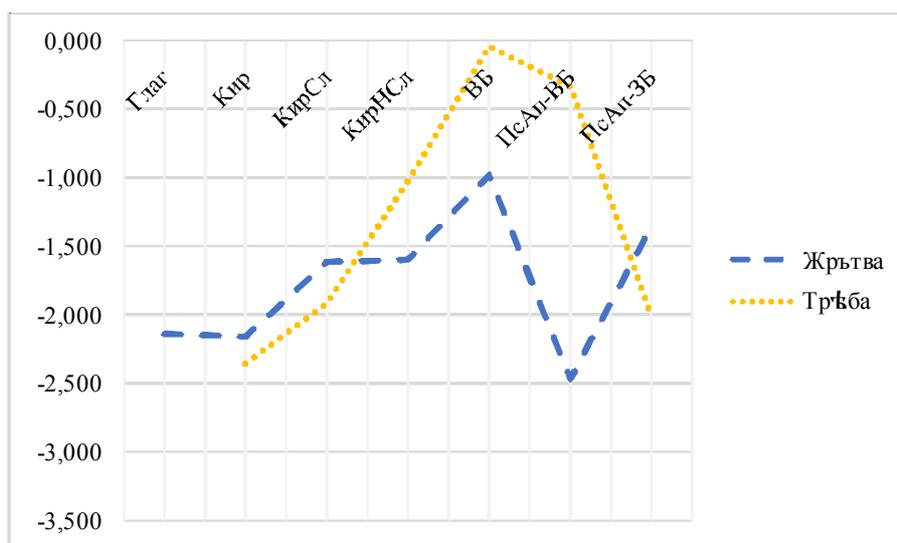

Рис. 1. *Жрътва* – *трѣба*. Средние логарифмических значений ln(LL), ln(TF*ICTF), ln(Weirdness)

Fig. 1. *Zhrĕtva* – *trĕba* ‘sacrifice’. Mean of logarithmic values ln(LL), ln(TF*ICTF), ln(Weirdness)

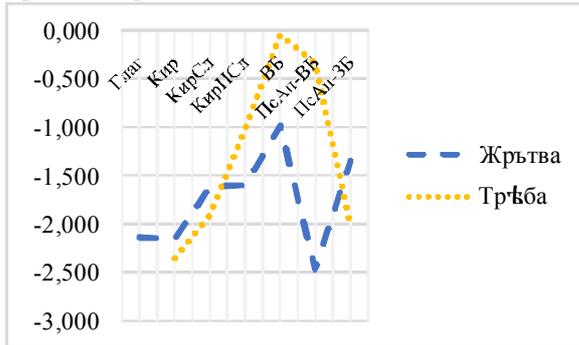
ществленные отличия между статистической активностью слов как между собой, так и между подкорпусами: а) в Глагол и ПсАп-ЗБ преобладает *жрътва*, в ВБ, ПсАп-ВБ – *трѣба*, в КирСл – *жрътва*, в КирНСл – *трѣба*; б) при большей статистической активности *жрътва* максимальный контраст обнаруживается в ПсАп-ЗБ, минимальный – в Кир и КирСл; в) при большей активности *трѣба* – максимальная контрастность в ПсАп-ВБ, меньшая – в ВБ, еще меньшая – в КирНСл.

Аналогично были исследованы и все другие пары лексем. Приведем итоговые диаграммы.

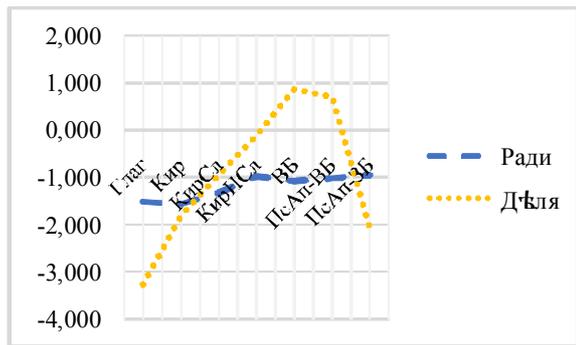
Обсуждение

Использованная в работе методика сопоставления статистических значений слов в текстовых подкорпусах позволяет увидеть ряд закономерностей в соотношении западноболгарских и восточноболгарских компонентов синонимического ряда (см. рис. 2).

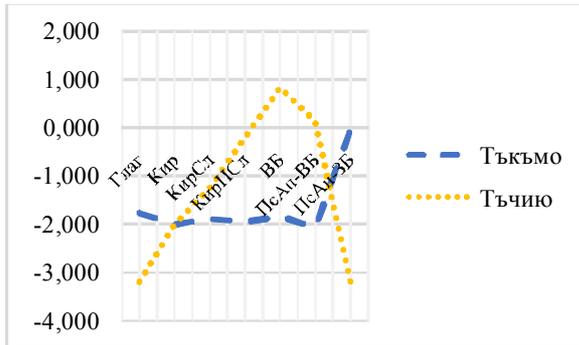
Жрътва – трѣба

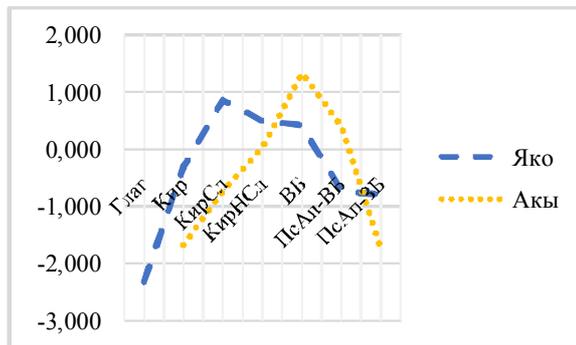
Ради – дѣля

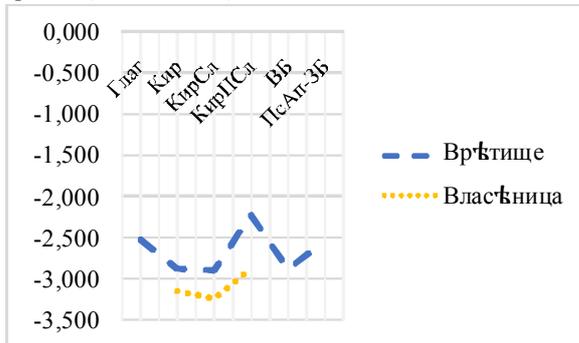
Тѣкмо – тѣчию

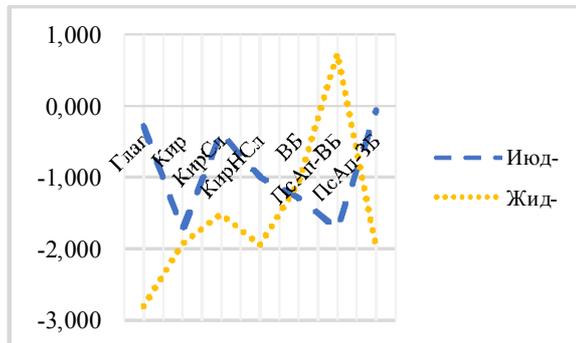
Яко – акы

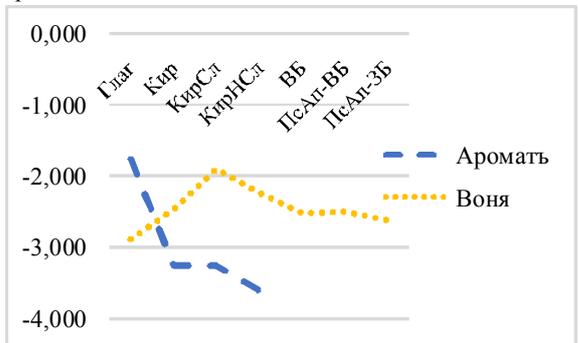
Врѣтище – власѣница

Июдѣи – жидѣ

Ароматъ – воня

Аминъ – право

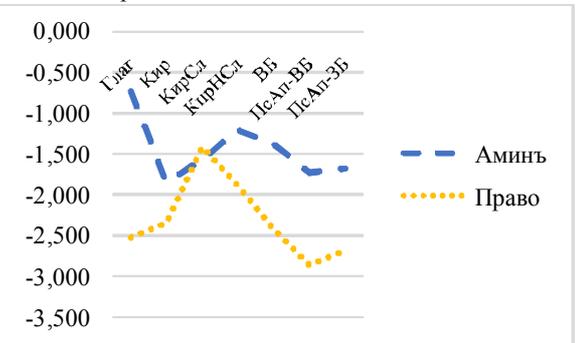

Рис. 2. Средние логарифмических значений десяти пар синонимов (см. также с. 13)

Fig. 2. Average logarithmic values of ten pairs of synonyms (see also p. 13)

Рис. 2. Окончание
Fig. 2. Final part

1. Во всех синонимических рядах статистическая активность западноболгарского компонента выше (или он единственно возможен) в подкорпусе глаголических текстов и подкорпусе ПсАп-ЗП, включающем списки, восходящие к кирилло-мефодиевской традиции. По этой особенности подкорпус глаголических текстов отчетливо противопоставлен подкорпусу, включающему все кириллические рукописи, а подкорпус ПсАп-ЗП – подкорпусу ПсАп-ВБ, содержащему списки, восходящие к восточноболгарским рукописям.

2. Отчетливая предпочтительность восточноболгарских компонентов обнаруживается в подкорпусах ВБ и ПсАп-ВБ, включающих тексты, восходящие к Преславской традиции. О преимущественном тяготении восточноболгарского компонента именно восточноболгарской книжной школе свидетельствует и последовательная его большая активность в подкорпусе неслужебных рукописей КиНСл по сравнению с текстами подкорпуса более архаичных служебных списков.

Обнаруженная корреляция членов ряда и текстологических характеристик рукописей характеризует лишь славянские разноосновные синонимические ряды *жрътва – трѣба*, *ради – дѣля*, *тъкъмо – тъчию*, *яко – акы*. В рядах, членами которых являются заимствованные слова и одноосновные словообразовательные синонимы, отношения несколько иные.

3. В парах с заимствованными словами греческий компонент в глаголическом подкорпусе и в ПсАп-ЗБ также предпочтительнее, чем негреческий, ср. пары *шодѣи – жидь*, *аромать – воня*, *аминь – право* (*аромать* в

ПсАп-ЗБ отсутствует). В паре *аминь – право* в КирСл, КирНСл, ВБ, ПсАп-ВБ нет отчетливого предпочтения *право* – статистически более активным является западноболгарское *аминь*. В паре *шодѣи – жидь* картина аналогичная, за исключением преобладания в ПсАп-ВБ слова *жидь*. Вторым отличием этой группы является иное соотношение статистической активности западноболгарского компонента между КирСл и КирНСл, с одной стороны, и ВБ и ПсАп-ВБ – с другой: если в славянских парах (*жрътва – трѣба* и др.) первый компонент был более предпочтителен в ВБ и ПсАп-ВБ, чем в КирСл и КирНСл, то в парах греческим компонентом *шодѣи – жидь*, *аминь – право* и *аромать – воня* ситуация обратная. Особенностью соотношений компонентов в этих трех рядах является, в отличие от славянских рядов, и их существенная индивидуальность по отношению друг к другу.

4. Словообразовательные одноосновные синонимы, наряду с похожим в обоих случаях последовательно более высоким статистическим значением восточноболгарского лексического компонента в трех подкорпусах – КирСл, КирНСл и ВБ, – достаточно индивидуальны: имеют статистическое равенство обоих компонентов и несколько более высокое значение восточноболгарского в паре *оутро – заоутра*, с одной стороны, и более высокие значения восточнославянского *вратарь* в Кир, КирСл и ВБ при преобладании западноболгарского *вратъникъ* в КирНСл – с другой.

5. Пары, в которых один из компонентов в одном или нескольких подкорпусах отсут-

ствуется, демонстрируют те же тенденции и соотношения компонентов синонимического ряда, что и в тех, где компоненты встречаются во всех подкорпусах: в паре *врѣтнице* – *власѣница* активность второго компонента выше в подкорпусе КирНСл рукокопий, в паре *аромать* – *воня* слово *аромать* статистически более активно в подкорпусе служебных списков КирСл, а *воня* наименее предпочтительна в ПсАп-ЗБ, чем в КирНСл, ВБ, ПсАп-ВБ; в паре *вратъникъ* – *вратарь* второй компонент имеет стабильно высокую статистическую активность во всех кириллических подкорпусах.

Обнаруженные закономерности демонстрируют, с одной стороны, типичность соотношения компонентов всех рассмотренных синонимических рядов в том или ином подкорпусе, с другой стороны – индивидуальность соотношения синонимов. Важным представляется существование связи между соотношением синонимов и их лексическими и лексико-словообразовательными характеристиками: заметно отличаются соотношения в группах разноосновных и одноосновных синонимов, в славянская пара синонимов и паре, одним из компонентов которой является греческое по происхождению слово.

Продемонстрированная корреляция между статистическими соотношениями западноболгарского и восточноболгарского компонентов синонимического ряда и текстологическими и кодикологическими характеристиками текстов (глаголический – кириллический, кирилло-мефодиевский – восточноболгарский) ожидаема, но одновременно является дополнительной достаточно надежной характеристикой текста / рукописи или группы текстов / рукописей наряду с традиционно используемыми критериями, основанными на соотношениях «есть – нет» и на соотношениях «больше – меньше» / «чаще – реже» в абсолютном или относительном выражении.

Наличие такой корреляции позволяет с доверием относиться и к различиям в соотношении синонимических рядов, компоненты которых характеризуются отличающимися лексическими или лексико-словообразовательными свойствами, а кроме того, увидеть различия в степени устойчивости таких соотношений – последовательную, типовую про-

тивопоставленность западноболгарской и восточноболгарской разноосновных славянских лексем ряда в текстологически и кодикологически противопоставленных текстах и индивидуальную конфигурацию соотношений в паре одноосновных словообразовательных синонимов или в паре, компонентом которой является греческое заимствование.

Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов относительно вопроса о маркированности / немаркированности преславской лексики и о представленности кирилло-мефодиевских и восточноболгарских лексем в рукописях, созданных на Руси.

1. Аналогичность, а в ряде случаев и идентичность соотношений компонентов синонимических пар как в случаях представленности обоих во всех подкорпусах, так и в случаях отсутствия одного из них в некоторых из подкорпусов позволяют сделать вывод о том, что отсутствие компонента синонимической пары в подкорпусе является одним из двух аналогичных вариантов его соотношения с другим компонентом: компонент отсутствует, или его статистическая активность ниже или значительно ниже альтернативного компонента.

2. Не имеющая исключений противопоставленность компонентов исследованных синонимических рядов в глаголических и архаичных рукописях подкорпуса ПсАп-ЗБ, с одной стороны, и в текстах подкорпусов ВБ, ПсАп-ВБ – с другой, свидетельствует об устойчивых лексических предпочтениях этих текстологически противопоставленных групп текстов при использовании в них и того и другого компонентов. Статистическая предпочтительность восточноболгарских компонентов может отличаться в подкорпусах (ср. их соотношение в КирСл и КирНСл), выступая своеобразным маркером неслужебных рукописей.

3. Есть основания говорить о том, что предпочтительность того или иного компонента синонимического ряда зависит не только от того, в рамках какой писцовой школы он был переведен, создавался или редактировался, но и от собственно языковых характеристик слов пары: разноосновные славянские компоненты последовательно противопоставляются в текстологичес-

ки контрастных друг другу подкорпусов (текстах и рукописях); одноосновные славянские компоненты при аналогичном противопоставлении двух архаических подкорпусов (Глаг и ПсАп-ЗБ) не имеют подобного последовательного противопоставления в ряду кириллических; греческий и негреческий компоненты ряда конкурируют друг с другом, причем первый в ряду кириллических подкорпусов не уступает, а то и превосходит в статистической активности негреческий.

4. В восточнославянских списках, которые и составляют большую часть проанализированного материала, зафиксированы как западноболгарские, так и восточноболгарские компоненты синонимических рядов. Предпочтительность того или иного компонента зависит как от текстологических и кодикологических характеристик кириллических рукописей, так и от собственно языковых свойств лексем. При общей предпочтительности восточноболгарского компонента в ряде синонимических рядов наблюдается большая статистическая активность западноболгарского компонента, например, в парах *яко* – *акы*, *аминь* – *право*, *вратъникъ* – *вратарь*.

Заключение

Исследование доказало существование корреляции между текстами, характеризующимися различными текстологическими и/или кодикологическими свойствами, и соотношением в них компонентов синонимического ряда, а также наличие связи между соотношением компонентов ряда в различных подкорпусах и лексическими характеристиками синонимов.

Значимым результатом является доказательство результативности использования корпусных и статистических методов и приемов для анализа лингвистических данных средневековых славянских текстов и рукописей, в частности, для решения вопросов в рамках кирилло-мефодиевской проблематики.

Безусловно, полученные результаты должны быть подтверждены и уточнены в ходе анализа и других синонимических кирилло-мефодиевских – восточноболгарских лексических рядов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

The study is given a financial support by The Russian Science Foundation, the research project no. 20-18-00206 entitled “Distributional-quantitative analysis of semantic changes based on large diachronic text corpora”.

² «Процесс преобразования сырых частотностей с целью устранения зависимости от размера текста, а также приведения различных величин к единому виду в лингвистической информатике называется нормализацией. В качестве средства нормализации широко применяется логарифмирование по основанию 2» [Яцко, 2014, с. 3].

³ Глаголические рукописи и отрывки корпуса «Манускрипт». URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=41>; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=55>.

Всего 9 рукописей и отрывков, объем – 97 138 текстовых форм.

⁴ Кириллические служебные и неслужебные рукописи и отрывки. URL: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=1&p_lid=1.

Всего 74 рукописей и отрывков, объем – 2 889 063 текстовые формы.

⁵ Кириллические служебные рукописи и отрывки. URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=30>; http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=10&p_lid=1; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=39>; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=22>; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=58>; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=60>; http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=8&p_lid=1; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=72>.

Всего 52 рукописи и отрывка, объем – 1 583 956 текстовых форм: служебные (краткие и полные) Евангелия (11), служебные минеи (17), стихирари минейные (5), триоди (7), паримейники (5), апостолы (2), псалтыри (3), служебники (2).

⁶ Кириллические неслужебные рукописи и отрывки. URL: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=12&p_lid=1; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=63>; http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=44386403; http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=8&p_lid=1.

Всего 22 рукописи и отрывка, объем – 1 329 303 текстовые формы: летописи (5), сборники (4), Патерик синайский (1), поучения Ефрема Сирина (3), Слова Григория Богослова (2), Пандекты Антиоха Черноризца (1), отрывки (6).

⁷ Неслужебные рукописи и отрывки, восходящие к восточноболгарской письменной традиции. URL: [http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=8&p_lid=1\\$](http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=8&p_lid=1$); http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=85179364.

Всего 4 рукописи, объем – 262 429 текстовых форм:

1. Златоструй («Златоструй А.Ф. Бычкова»), XI в. // РНБ. Q.п.1.74. 4 л.

2. Изборник («Изборник Святослава / Симеона»), 1073 г. // ГИМ. Син. 1043 (Син. 31-д). 266 л.

3. Минея четья на март («Супрасльская рукопись»), сер. XI в. // Национальная библиотека Варшавы. Собр. Зав. № 21; Университетская библиотека Люблины. Cod. Кор. 2; РНБ. Q.п.72. 285 л.

4. Слова (13) Григория Богослова, XI в. // РНБ. Q.п.1.16. 377 л.

⁸ Псалтырь и Апостол, восходящие к архаичной традиции. URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=61>; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=42>.

Всего 2 рукописи, объем – 99 577 текстовых форм:

1. Христинопольский апостол, XII в. // Национальная библиотека Украины. ИР. Ф. VIII. № 3. Л. 1–8; Библиотека Чарторыйских, Краков, Польша. Л. 9–12; Львовский исторический музей. ОР. № 37. Л. 13–303. 303 л.

2. Псалтырь Димитрия Синайского, посл. четв. XI в., Синай/Египет // Монастырь св. Екатерины. Cod. Sin. slav. 3/N. 145 л.

⁹ Псалтырь и Апостол, восходящие к восточноболгарской традиции. URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=64>; http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=44342283.

Всего 2 рукописи, объем – 103 908 текстовых форм:

1. Толстовский апостол, XIV в. // РНБ. Q.п.1.5. 93 л.

2. Псалтырь толковая Феодорита Кирского («Чудовская псалтырь»), XI в. // ГИМ. Чуд. 7. 176 л.

¹⁰ URL: http://manuscripts.ru/mns/!cred2.stat#tabs|Tabs_Group_name:Tab_1_name

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов В. А., 2019а. Создание и использование исторических корпусов славянских письменных памятников // Scripta & e-Scripta. Vol. 19. С. 33–57.

Баранов В. А., 2019б. Модуль статистики исторического корпуса «Манускрипт»: функции и демонстрация данных. 2 // И. А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика. В 2 т. Т. 1 : Международный конф. : VII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31 окт. 2019 г.) : тр. и материалы. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 24–30.

Бессмертный И. А., Нугуманова А. Б., Мансурова М. Е., Байбурун Е. М., 2017. Метод контрастного извлечения редких терминов из текстов на естественном языке // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. Т. 17, № 1. С. 81–91. URL: <http://ntv.ifmo.ru/file/article/16383.pdf>

Бессмертный И. А., Юй Чуцяо, Ма Пенной, 2016. Статистический метод извлечения терминов из китайских текстов без сегментации фраз // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. Т. 16, № 6. С. 1096–1102. URL: <http://ntv.ifmo.ru/file/article/16157.pdf>

Димитрова А., 2016. Златоструят в преводаческата дейност на старобългарските книжовници. София: Авалон. 456 с.

Добрев И., 1979. Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужбени книги // Български език. Т. 29, № 1. С. 9–21.

Желязкова В., 2016а. Паримейные чтения в четьх списках Книги Исход // Studia Ceranea. Т. 6. С. 225–240.

Желязкова В., 2016б. Книга Исход в южнославянских списках XV–XVI вв. // Studia Slavistica. Vol. 13. С. 243–256.

Илиев И., 2016. Тълкуванието на Книга на пророк Даниил от Иполит Римски в старобългарската литература : автореферат на дисертация за присъждане на образователната и научна степен «доктор». София. 67 с.

Клышинский Э. С., Кочеткова Н. А., 2014. Метод извлечения технических терминов с использованием меры странности // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. № 17. С. 365–370. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21527004_14693581.pdf

Ляшевская О. Н., Шаров С. А., 2009. Введение к частотному словарю современного русского языка // Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник. С. V–XXII. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.pdf>

Максимович К. А., 2000. Славянизмы современного русского языка и кирилло-мефодиевское наследие // Folia Slavistica: Пале Михайловне Цейтлин. М. : [б. и.]. С. 72–84.

Милтенев Я., 2008. Лексический критерий как способ атрибуции преславских текстов (на материале славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария) // Славяноведение. № 5. С. 41–49.

Милтенев Я., 2020. Преславските лексикални маркери. 1. Опит за въведение // Palaeobulgarica. Vol. 44, № 2. С. 54–79.

- Новак М. О., 2015. Лексика древнеславянского перевода апостола: в поисках образа и смысла // *Перевод как средство взаимодействия культур*. № 1. С. 230–240.
- Новикова А. С., 2013. К вопросу об истории создания евангельского текста Чудовской рукописи // *Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии* : материалы Междунар. научн. конф. М. : [б. и.]. С. 268–273.
- Пентковская Т. В., 2009. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв. : Чудовская и афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон : дис. ... д-ра филол. наук. М. 497 с.
- Пичхадзе А. А., 2011. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М. : Рукопис. памятники Древ. Руси. 408 с.
- Славова Т., 1989. Преславска редакция на Кирило-Методиеви старобългарски евангелски превод // *Кирило-Методиеви студии*. Кн. 6. София : Кирило-Методиевски научен център при БАН. С. 15–129.
- Славова Т., 2013. Славянският превод на Посланието на патриарх Фотий до княз Борис-Михаил. София : Св. Климент Охридски. 344 с.
- Станков Р., 2018. Проблема «преславской» и «кирилло-мефодиевской» лексики в древнеболгарском переводе Хроники Георгия Амартола // *Преславска книжовна школа*. Т. 18. С. 121–158.
- Шафарик П., 1860/1861. О происхождении и родине глаголитизма // *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете*. № 4. Материалы Славянские. III. М. : Унив. тип. С. 29–30.
- Яцко В. А., 2014. Компьютерная лингвистика или лингвистическая информатика // *Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы*. № 5. С. 1–10.
- Ahmad K., Gillam L., Tostevin L., 1999. University of Surrey Participation in TREC8: Weirdness Indexing for Logical Document Extrapolation and Retrieval (Wilder) // *Proc. 8th Text Retrieval Conference TREC*. Gaithersburg : [s. n.]. P. 717–724.
- Baranov V., 2018. A Text Corpus of Medieval Manuscripts as a Goal and a Tool for Linguistic Research // *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions*. Leuven ; P. ; Bristol : Peeters. P. 283–308.
- Baranov V. A., Gnutikov R. M., 2018. The Statistics and n-Gram Modules of the Historical Corpus “Manuscript” // *Digital and Analytical Approaches to the Written Heritage* : Proceedings of the 7th International Conference El‘Manuscript “Textual Heritage and Information Technologies”. Sofia : Gutenberg. P. 9–28.
- Gillam L., Tariq M., Ahmad K., 2005. Terminology and the Construction of Ontology // *Terminology*, vol. 11, iss 1. P. 55–81.
- Jagić V., 1913. *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin : Weidmann. 540 p.
- Kwok K. L., 1995. A Network Approach to Probabilistic Information Retrieval // *ACM Transactions on Information Systems*. Vol. 13, № 3. P. 324–353.
- Rayson P., Garside R., 2000. Comparing Corpora Using Frequency Profiling // *Proceedings of the Comparing Corpora Workshop at ACL 2000*. Hong Kong. P. 1–6. URL: http://ucrel.lancs.ac.uk/people/paul/publications/rg_acl2000.pdf
- Robertson S., 2004. Understanding Inverse Document Frequency: On Theoretical Arguments for Idf // *Journal of Documentation*. № 60. P. 503–520. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.438.2284&rep=rep1&type=pdf>
- Roelleke T., 2013. *Information Retrieval Models: Foundations and Relationships*. Cham : Springer. 141 p.
- Roelleke T., Wang J., 2006. A Parallel Derivation of Probabilistic Information Retrieval Models // *Proceedings of the 29th Annual ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval*. Seattle ; N. Y. : ACM. P. 107–114.
- Salton G., Yang C. S., 1973. On the Specification of Term Values in Automatic Indexing // *Journal of Documentation*. Vol. 29. P. 351–372.
- Sparck J. K., 1972. A Statistical Interpretation of Term Specificity and Its Application in Retrieval // *Journal of Documentation*. Vol. 28. P. 11–21.
- Voss Chr., 1996. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Prslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränese Ephraims des Syrers. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung // *Anzeiger für slavischen Philologie*. Bd. 24. S. 95–127.
- Wu H. C., Luk R. W. P., Wong K. F., Kwok K. L., 2008. Interpreting TF-IDF Term Weights as Making Relevance Decisions // *ACM Transactions on Information Systems*. Vol. 26, № 3. Art. 13. URL: https://www.scss.tcd.ie/khurshid.ahmad/Research/Sentiments/tfidf_relevance.pdf

REFERENCES

Baranov V.A., 2019a. Soznanie i ispolzovanie istoricheskikh korpusov slavyanskikh

- pismennykh pamyatnikov [Creation and Use of Historical Corpora of Slavic Written Monuments]. *Scripta & e-Scripta*, vol. 19, pp. 33-57.
- Baranov V.A., 2019b. Modul statistiki istoricheskogo korpusa «Manuskript»: funktsii i demonstratsiya dannykh. 2 [Statistics Module of the Historical Corpus “Manuscript”: Functions and Data Demonstration. 2]. *I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. V 2 t. T. 1: Mezhdunar. konf.: VII Boduenovskie chteniya (Kazan. feder. un-t, 28–31 okt. 2019 g.): tr. i materialy* [I.A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics. In 2 Vols. Vol. 1. International Conference: The 7th Baudouin Readings (Kazan Federal University, October 28–31, 2019). Works and Proceedings]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, pp. 24-30.
- Bessmertny I.A., Nugumanova A.B., Mansurova M.E., Bayburin E.M., 2017. Metod kontrastnogo izvlecheniya redkikh terminov iz tekstov na estestvennom yazyke [Method of Rare Term Contrastive Extraction from Natural Language Texts]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], vol. 17, no. 1, pp. 81-91. URL: <http://ntv.ifmo.ru/file/article/16383.pdf>
- Bessmertny I.A., Yuy Chutsyao, Ma Penyuy, 2016. Statisticheskii metod izvlecheniya terminov iz kitayskikh tekstov bez segmentatsii fraz [Statistical Method for Extracting Terms from Chinese Texts Without Phrase Segmentation]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics], vol. 16, no. 6, pp. 1096-1102. URL: <http://ntv.ifmo.ru/file/article/16157.pdf>
- Dimitrova A., 2016. *Zlatostruyat v prevodacheskata deynost na staroblgarskite knizhovnitsi* [The Zlatostruy in the Translation Activity of Old Bulgarian Scribes]. Sofia, Avalon Publ. 456 p.
- Dobrev I., 1979. Tekst na Dobromirovoto evangelie i vtorata redaktsiya na staroblgarskite bogosluzhebni knigi [The Text of the Dobromirov’s Gospel and the Second Edition of the Old Bulgarian Liturgical Books]. *Blgarski ezik* [Bulgarian Language], vol. 29, no. 1, pp. 9-21.
- Zhelyazkova V., 2016a. Parimeynye chteniya v chetikh spiskakh Knigi Iskhod [Parimea Readings in the Manuscripts of the Book of Exodus]. *Studia Ceranea*, vol. 6, pp. 225-240.
- Zhelyazkova V., 2016b. Kniga Iskhod v yuzhnoslavyanskikh spiskakh XV–XVI vv. [The Book of Exodus in the South Slavic Copies of the 15th – 16th Centuries]. *Studi Slavistici*, vol. 13, pp. 243-256.
- Iliev I., 2016. *Tlkuvanieto na Kniga na prorok Daniil ot Ipolit Rimski v staroblgarskata literatura: avtoreferat na disertatsiya za priszhdane na obrazovatelnata i nauchna stepen «doctor»* [The Interpretation of the Book of Prophet Daniel by Hippolytus of Rome in Old Bulgarian Literature. Dr. philol. sci. diss.]. Sofia. 67 p.
- Klyshinskiy E.S., Kochetkova N.A., 2014. Metod izvlecheniya tekhnicheskikh terminov s ispolzovaniem mery strannosti [Method for Extracting Technical Terms Using a Weirdness Measure]. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh* [New Information Technologies in Automated Systems], no. 17, pp. 365-370. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21527004_14693581.pdf
- Lyashevskaya O.N., Sharov S.A., 2009. Vvedenie k chastotnomu slovaryu sovremennogo russkogo yazyka [Introduction to the Frequency Dictionary of the Modern Russian Language]. *Chastotnyy slovar sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. V-XXII. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.pdf>
- Maksimovich K.A., 2000. Slavyanizmy sovremennogo russkogo yazyka i kirillo-mefodievskoe nasledie [Slavicisms of the Modern Russian Language and Cyril and Methodius Legacy]. *Folia Slavistica: Rale Mikhaylovne Tseytlin* [Folia Slavistica: For Ralya Tseytlin]. Moscow, s.n., pp. 72-84.
- Miltenov Ya., 2008. Leksicheskiy kriteriy kak sposob atributsii preslavskikh tekstov (na materiale slavyanskogo perevoda Dialogov Psevdo-Kesariya) [Lexical Criterion as a Way of Attributing Preslav Texts (Based on the Slavic Translation of the Dialogues of Pseudo-Caesarea)]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], no. 5, pp. 41-49.
- Miltenov Ya., 2020. Preslavskite leksikalni markeri. 1. Opit za vvedenie [Preslav Lexical Markers. 1. Introduction Attempt]. *Palaeobulgarica*, vol. 44, no. 2, pp. 54-79.
- Novak M.O., 2015. Leksika drevneslavyanskogo perevoda apostola: v poiskakh obraza i smysla [Vocabulary of the Old Slavonic Translation of the Apostle: In Search of Image and Meaning]. *Perevod kak sredstvo vzaimodeystviya kultur*

- [Translation as a Means of Interaction Between Cultures], no. 1, pp. 230-240.
- Novikova A.S., 2013. K voprosu ob istorii sozdaniya evangelskogo teksta Chudovskoy rukopisi [To the Question of the History of the Creation of the Gospel Text of the Chudovskaya Manuscript]. *Slavyanskije yazyki i literatury v sinkhronii i diakhronii: materialy Mezhdunar. nauchn. konf.* [Slavic Languages and Literatures in Synchrony and Diachrony. Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, s.n., pp. 268-273.
- Pentkovskaya T.V., 2009. *Vostochnoslavyanskije i yuzhnoslavyanskije perevody bogoslužebnykh knig XIII–XIV vv.: Chudovskaya i afonskaya redaktsii Novogo Zaveta i Ierusalimskij Tipikon: dis... d-ra filol. nauk* [East Slavic and South Slavic Translations of Liturgical Books of the 13th – 14th Centuries. Chudovskaya and Athos Editions of the New Testament and the Jerusalem Typicon. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 497 p.
- Pichkhadze A.A., 2011. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongolskoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt* [Translation Activity in Pre-Mongol Rus: Linguistic Aspect]. Moscow, Rukopis. pamyatniki Drev. Rusi. 408 p.
- Slavova T., 1989. Preslavskaja redaktsiya na Kirilo-Metodievija staroblgarski evangelski prevod [Preslav Edition of the Cyril-Methodiev Old Bulgarian Gospel Translation]. *Kirilo-Metodievi studii. Kn. 6* [Cyril and Methodius Studies. Book 6]. Sofia, Kirilo-Metodievski nauchen tsentr pri BAN, pp. 15-129.
- Slavova T., 2013. *Slavyanskiyat prevod na Poslanieto na patriarkh Fotiy do knyaz Boris-Mikhail* [The Slavic Translation of the Message of Patriarch Photius to Prince Boris-Mikhail]. Sofia, Sv. Kliment Okhridski. 344 p.
- Stankov R., 2018. Problema «preslavskoy» i «kirillo-mefodievskoy» leksiki v drevnebolgarskom perevode Khroniki Georgiya Amartola [The Problem of “Preslav” and “Cyrillic-Methodiev” Lexicons in Ancient Bulgarian Translation Georgy Amartol’s Chronicles]. *Preslavskaja knizhovna shkola* [Preslav Literary School], vol. 18, pp. 121-158.
- Shafarik P., 1860/1861. O proiskhozhdenii i rodine glagolitizma [On the Origins and Homeland of Glagoliticism]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete. № 4. Materialy Slavyanskiye, III* [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. No. 4. Slavic Proceedings. 3]. Moscow, Univ. tip., pp. 29-30.
- Yatsko V.A., 2014. *Kompyuternaya lingvistika ili lingvisticheskaya informatika* [Computational Linguistics or Linguistic Informatics]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2. Information Processes and Systems], no. 5, pp. 1-10.
- Ahmad K., Gillam L., Tostevin L., 1999. University of Surrey Participation in TREC8: Weirdness Indexing for Logical Document Extrapolation and Retrieval (Wilder). *Proc. 8th Text Retrieval Conference TREC*. Gaithersburg, s.n., pp. 717-724.
- Baranov V., 2018. A Text Corpus of Medieval Manuscripts as a Goal and a Tool for Linguistic Research. *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions*. Leuven, Paris, Bristol, Peeters, pp. 283-308.
- Baranov V.A., Gnutikov R.M., 2018. The Statistics and n-Gram Modules of the Historical Corpus “Manuscript”. *Digital and Analytical Approaches to the Written Heritage: Proceedings of the 7th International Conference El'Manuscript “Textual Heritage and Information Technologies”*. Sofia, Gutenberg Publ., pp. 9-28.
- Gillam L., Tariq M., Ahmad K., 2005. Terminology and the Construction of Ontology. *Terminology*, vol. 11, iss. 1, pp. 55-81.
- Jagić V., 1913. *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin, Weidmann. 540 p.
- Kwok K.L., 1995. A Network Approach to Probabilistic Information Retrieval. *ACM Transactions on Information Systems*, vol. 13, no. 3, pp. 324-353.
- Rayson P., Garside R., 2000. Comparing Corpora Using Frequency Profiling. *Proceedings of the Comparing Corpora Workshop at ACL 2000*. Hong Kong, pp. 1-6. URL: http://ucrel.lancs.ac.uk/people/paul/publications/rg_acl2000.pdf
- Robertson S., 2004. Understanding Inverse Document Frequency: On Theoretical Arguments for Idf. *Journal of Documentation*, no. 60, pp. 503-520. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.438.2284&rep=rep1&type=pdf>
- Roelleke T., 2013. *Information Retrieval Models: Foundations and Relationships*. Cham, Springer. 141 p.
- Roelleke T., Wang J., 2006. A Parallel Derivation of Probabilistic Information Retrieval Models. *Proceedings of the 29th Annual ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval*. Seattle, New York, ACM, pp. 107-114.
- Salton G., Yang C.S., 1973. On the Specification of Term Values in Automatic Indexing. *Journal of Documentation*, vol. 29, pp. 351-372.

Sparck J.K., 1972. A Statistical Interpretation of Term Specificity and Its Application in Retrieval. *Journal of Documentation*, vol. 28, pp. 11-21.

Voss Chr., 1996. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Preslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränesis Ephreaims des Syrsers. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung.

Anzeiger für slavischen Philologie, Bd. 24, S. 95-127.

Wu H.C., Luk R.W.P., Wong K.F., Kwok K.L., 2008. Interpreting TF-IDF Term Weights as Making Relevance Decisions. *ACM Transactions on Information Systems*, vol. 26, no. 3, art. 13. URL: https://www.scss.tcd.ie/khurshid.ahmad/Research/Sentiments/tfidf_relevance.pdf

Information About the Author

Victor A. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Studencheskaya St, 7, 426069 Izhevsk, Russia; Project Executor, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, victor.a.baranov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1730-6359>

Информация об авторе

Виктор Аркадьевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики, Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, ул. Студенческая, 7, 426069 г. Ижевск, Россия; исполнитель проекта, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, victor.a.baranov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1730-6359>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.2>UDC 811.161.1'04:81'366.58
LBC 81.411.2-03Submitted: 18.07.2023
Accepted: 09.10.2023**QUANTIFICATION CONTRASTS OF *TVORITI* – *SЪTVORITI* VERBS
AND THEIR SYNONYMS IN OLD EAST SLAVIC SOURCES
(BASED ON THE “MANUSCRIPT” HISTORICAL CORPUS) ¹****Oleg F. Zholobov**

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article presents the first attempt to describe the quantification contrasts of verbs belonging to lexical series *dělati* – *sъdělati*, *dějati* – *sъdějati*, *tvoriti* – *sъtvoriti*. Quantification is understood as a quantitative measurement of qualitative characteristics, namely grammatical parameters of lexical units. The research is based on the “Manuscript” historical corpus. For the analysis, the author selects the Gospels and Chronicles subcorpora; birchbark letters data are also involved. The author discovers that the named verb pairs express the aspectual meaning as long as they are represented by identical lexical meanings. The entire lexical range is related by synonymy. Secondary imperfectivization led to the series expansion with three more lexemes: *sъdēlovati*, *sъdēvati*, *sъtvaryati*. The quantification results demonstrate a group of contrasting correlations: a quantitative predominance of the verb pair *tvoriti* – *sъtvoriti*; a larger quantitative weight of the perfective verb, unlike the other two verb pairs; a noticeable quantitative predominance of Present forms, primarily from imperfective verbs in the Gospels; a significant predominance of perfective Aorist forms, and so on. The contrasting relations reveal the discursive features of texts, as well as the special role of the *tvoriti* – *sъtvoriti* verbs in expressing predication and substitution. The replacement of the *tvoriti* verb with the *dělati* verb is first noticed in the Suzdal Chronicle.

Key words: quantification, verb, synonymic series, aspectual pairs, contrast, grammatical positions, Old East Slavic manuscript, the “Manuscript” historical corpus.

Citation. Zholobov O.F. Quantification Contrasts of *tvoriti* – *sъtvoriti* Verbs and Their Synonyms in Old East Slavic Sources (Based on the “Manuscript” Historical Corpus). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 21-39. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.2>

УДК 811.161.1'04:81'366.58
ББК 81.411.2-03Дата поступления статьи: 18.07.2023
Дата принятия статьи: 09.10.2023**КОНТРАСТЫ КВАНТИФИКАЦИИ ГЛАГОЛОВ *ТВОРИТИ* – *СЪТВОРИТИ*
И ИХ СИНОНИМОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРПУСА «МАНУСКРИПТ») ¹****Олег Феофанович Жолобов**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье предпринят первый опыт описания контрастов квантификации глаголов лексического ряда *дѣлати* – *сѣдѣлати*, *дѣяти* – *сѣдѣяти*, *творити* – *сѣтворити*. Под квантификацией понимается количественное измерение качественных характеристик – грамматических параметров лексических единиц. Исследование выполнено на материале исторического корпуса «Манускрипт». Для анализа избраны подкорпусы Евангелия и летописей, привлекаются также данные берестяных грамот. Установлено, что названные глагольные пары являются видовыми в той мере, в какой они представлены идентичными лексическими значениями. Весь лексический ряд связан отношениями синонимии. Вторичная имперфективация привела к расширению ряда тремя лексемами: *сѣдѣловати*, *сѣдѣвати*, *сѣтваряти*. Результаты квантификации демонстрируют следующую группу контрастных отношений: количественное преобладание глагольной пары *творити* – *сѣтворити*; больший количественный вес совершенного глагола, в отличие от двух других глагольных пар; заметный количественный перевес форм презенса прежде всего от имперфективных глаголов в Евангелии; существенное преобладание совершенных форм аориста. Контрастные отношения

вскрывают дискурсивные особенности текстов, а также особое место глаголов *творити* – *сътворити* в выражении общей идеи предикации и заместительной функции. Замена глагола *творити* на глагол *дѣлати* впервые отмечается в Суздальской летописи.

Ключевые слова: квантификация, глагол, синонимический ряд, видовая пара, контраст, грамматическая позиция, древнерусская рукопись, исторический корпус «Манускрипт».

Цитирование. Жолобов О. Ф. Контрасты квантификации глаголов *творити* – *сътворити* и их синонимов в древнерусских источниках (на материале исторического корпуса «Манускрипт») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 21–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.2>

Введение

Глагол *делать* занимает особое место в современном русском языке. В «Русском семантическом словаре», где впервые представлены как отдельный лексический разряд «дейктические глаголы», *делать* ‘о действиях, деятельности, исходящих от активного субъекта, а также в речи о любом состоянии субъекта: производить такие действия, пребывать в таком состоянии’ включен в ядерную группу «дейктических единиц», выражающих «наиболее абстрактные понятия, вокруг которых группируется вся номинативная лексика. <...>. Дейктические глаголы, наряду с местоимениями, принадлежат к области носителей собственно языковых смыслов. Они служат для обозначения ситуации в целом или собственно предикатов» (РСС, с. 4). Действительно, глагол *делать* может указывать фактически на любые другие действия, замещать их обозначения, выражая общекатегориальную семантику глаголов как части речи. Заместительная функция позволяет говорить о нем, как о «глагол-местоимении» (см.: [Крылов, Онипенко, 2020, с. 341]). Сказанное в полной мере относится и к видовой паре глагола несовершенного вида (далее – НСВ) *делать*– глаголу совершенного вида (далее – СВ) *сделать* (см. статью ДЕЛАТЬ в: РСС, с. 28). В этом плане глаголы *делать* и *сделать* представляют идеальную, образцовую видовую пару. Видовые значения других глаголов могут быть определены по замещающему их глаголу из данной видовой пары.

Какое же место в глагольной системе занимала эта видовая пара в раннедревнерусский и позднерусский периоды? Глаголы *дѣлати* – *сѣдѣлати* образуют видовую пару уже в старославянском, о чем свидетельствуют идентичные лексические значения ‘делать,

работать’ / ‘совершить работу’, ‘делать, совершать’ / ‘сделать, совершить’, с грамматической точки зрения характеризующие протекание действия, процесс или состояние, с одной стороны, и достижение предела, факт или событийность – с другой (ССС, с. 204, 649; SJS, t. 1, s. 548–549; t. 4, s. 259). Идентичность или близость лексических значений является условием формирования видовой пары [Грамматика..., 1970, с. 337; Шелякин, 2020, с. 69]. В Словаре древнерусского языка перечень тождественных значений шире, чем в СССР: ‘делать, изготавливать’ / ‘сделать, изготовить’, ‘строить’ / ‘построить’, ‘возделывать (землю)’, / ‘возделать (землю)’, ‘совершать, осуществлять’ / ‘совершить, осуществить’ (СДРЯ, т. 3, с. 156–157; т. 12, с. 363–365). Отдельные значения (‘действовать, поступать’, ‘создать, сотворить’) не связаны с видовой парностью, что, конечно, не означает утраты видовой характеристики глаголом. Видовые грамматические значения соотносятся с определенной асимметрией лексических значений, однако существование парных видовых значений ведет к заполнению пустых клеток и формированию полной симметрии. Отсюда в современных словарях для глагола *делать*, в частности, дается только одна словарная статья, а статья *сделать* лишь отсылает к ней (см., например: Ожегов, с. 128–129, 577).

Судя по заменам в одних и тех же или однотипных чтениях Евангелия, продолжающих старославянскую традицию, глаголы *дѣлати* и *сѣдѣлати* изначально входили в тесный синонимический ряд лексем, включающий глаголы того же корня *дѣяти* – *сѣдѣяти* и глаголы *творити* – *сътворити*, которые также образуют видовые пары. Рассмотрение контрастов квантификации синонимического ряда *дѣлати* и *сѣдѣлати*, *дѣяти* и *сѣдѣяти*, *творити* и *сътворити* позволит дополнить представления

о соотношении данных глагольных пар как лексической микросистемы в древнерусском языке. Квантификация рассматривается в качестве количественного измерения качественных различий лексических единиц – их грамматических показателей.

Результаты и обсуждение

Синонимический ряд

дѣлати – съдѣлати, дѣяти – съдѣяти,
творити – сътворити

Приведем контексты с варьированием глаголов данного ряда по подкорпусу Евангелий в списках XI–XIV вв., размещенному на портале исторического корпуса «Манускрипт» (см. список источников); в отсылке к источнику первая цифра обозначает номер листа, вторая – лицевую /1/ или оборотную /2/ сторону листа, третья – столбец; косая черта в цитируемых контекстах обозначает строчный перенос:

(1) и въ же · въ прѣвѣдѣ · достоинна бо · ꙗже дѣлаховѣ възприемлевѣ а съ же/ нигесоже зъла/ сътвори ОЕ 200.1.1 (Лука 23: 41)

vs

(2) и въ оубо въз правдоу · достоинна бо ꙗже дѣлаховѣ · възприимевѣ СЕ 140.2.2;

(3) иис же рече останитеса ѿнѣ/ чѣто ѿи троудзи дѣиете · добро бо дѣло съдѣла о мзнь ОЕ 230.1.1-2 (Марк 14: 6)

vs

(4) почѣто троудзи/ дѣиете женѣ / дѣло добро съдѣла о мзнь ОЕ 153.1.1 (Матфей 26: 10); чѣто троудз дѣиете/ женѣ дѣло бо добро съдѣла о мнѣ МЕ 141.2.1;

(5) азъ же глѣо вамъ / ꙗко вьсь поуцѣдѣи женѣ своѣ развѣт/ словесе любадѣина/дго · творить ю прѣлюбзи дѣяти · и иже/ потьвѣгоу пойметъ / прѣлюбзи дѣиеть ТЕ 10.1.1 (Матфей 5: 32);

vs

(6) ꙗко аще/ иже поустити же/нѣ своѣ · развѣт/ словесе любадѣа/нѣнадго · твори/тъ ѿ прѣлюбзи/ творити · и же/наиса потьвѣ/гоѣ прѣлюбзи/ творить ОЕ 74.2.1

vs

(7) всѣакъ поуцѣдѣи женоу свою · и привода/ иноу · прѣлюбзи дѣиеть / и женѣиса поуценою ѿ/ моужа · прѣлюбзи творить ТЕ 120.2.2 (Лука 16: 18).

Формы глаголов дѣлати и творити в одинаковом значении ‘делать, совершать, осуществлять’ используются при синтаксическом параллелизме:

(8) всѣакъ вѣ/ дѣлаѣи злѣа · ненави/дять свѣта · и не прихѣ/дять къ свѣтѣ · да не ѡбличатся дѣла ѿго · ѡ/ творѣи истинѣ · граде/тъ къ свѣтѣ · да ѿвѣтѣ/са дѣла ѿго ТЕ 141.2.1 (Иоанн 3: 20–21).

В том же значении синонимичные глаголы дѣлати и (съ)творити рядоположены в отдельных контекстах:

(9) рекоша же ꙗко немому · чѣто/ створимъ · да дѣлаѣи/ дѣла вѣина ТЕ 147.2.1 (Иоанн 6: 28);

(10) Рекоша же ꙗкому · коѣ оубо тѣи твориши знаме/ниѣ · да видимъ и вѣроу/ имемъ тебѣ · чѣто дѣлаѣи ТЕ 147.2.1 (Иоанн 6: 30).

Синонимические отношения глаголов дѣлати – съдѣлати, дѣяти – съдѣяти и творити – сътворити зафиксированы как в словаре классического старославянского языка (см. ССС, с. 204, 205, 649, 670–672, 690–692), так и в расширенной его версии (см. SJS, t. 1, s. 548–549, 553–554; t. 4, s. 259–261, 345–351, 435–441).

Расширение видовых пар в результате вторичной имперфективации

В пражском словаре старославянского языка приводится третий член видового ряда съдѣловати ‘делать, совершать’, возникший в ходе вторичной имперфективации, однако он представлен лишь одним примером из Христинопольского Апостола XII в. (SJS, t. 4, s. 260). Маргинальный характер глаголов съдѣловати, съдѣлзвати хорошо заметен по иллюстрациям в Словаре древнерусского языка, где эти единицы представлены единичными примерами из церковнославянских переводных текстов (второй глагол только в списке XIV в. переводных сочинений Григория Богослова), в оригинальных текстах их нет (СДРЯ, т. 12, с. 366–367) (в картотеке СДРЯ глагол съдѣлати фиксируется 154 раза, а глаголы съдѣловати, съдѣлзвати – 29 и 5 раз). В Словаре русского языка XI–XVII вв. второй глагол не зафиксирован, а первый представлен еще более скупо по сравнению со СДРЯ – двумя примерами, где

один воспроизводит упомянутую выше цитату из Христинопольского Апостола XII в. (СлРЯ, вып. 23, с. 245). Нет этих глаголов и в анализируемом далее материале – подкорпусе Евангелий и летописей. Отсутствуют они и в берестяных грамотах. В силу сказанного утверждение о том, что видовая пара дѣлати – съдѣлати сформировалась только в XVII в. после утраты имперфектива съдѣловати, трудно принять (ср.: [Петрухин, Силина, Крысько, 2020, с. 34–35]); вторичный имперфектив съдѣловати является третьим, маргинальным, членом видового ряда.

Глагольные видовые пары дѣяти – съдѣяти и творити – сътворити так же, как в случае с глаголами дѣлати – съдѣлати, расширены третьим членом в результате вторичной имперфективации – глаголами съдѣвати и сътворати ‘делать, совершать’, которые были маргинальными и в классическом старославянском языке представлены каждый лишь двумя примерами (в статьях ССС, как известно, приводится общее количество употреблений лексем) (ССС, с. 648, 670). Немного чаще они фиксируются в расширенной версии старославянского языка по пражскому словарю (SJS, t. 4, s. 258, 344). В древнерусской письменности эти глаголы остаются малочастотными и сугубо книжными. В подкорпусе Евангелия этих глаголов нет, в летописях глагол сътворати не встречается, а глагол съдѣвати отмечается лишь один раз в Киевской летописи в панегирике князю Роману Ростиславичу:

(11) память *здѣвати* родоу/ своемоу/ · паче же и дши своей/ · вставленийъ грѣховъ проса КЛ 217.1.2.

В берестяных грамотах эти глаголы ожидаемо не употребляются, за исключением грамоты № 128 к. XIV в., содержащей церковнославянский текст – ирмос, где встречается глагол съдѣвати [Зализняк, 2004, с. 641–642].

В связи с указанной ограниченностью употребления в дальнейшем изложении названные вторичные имперфективы не рассматриваются.

Глагол съдѣвати в SJS и СДРЯ характеризуется как двувидовой со значениями ‘совершить’ и ‘совершать’, однако в нашем корпусе примеров он выступает исключительно в СВ.

Глаголы дѣлати – съдѣлати, дѣяти – съдѣяти и творити – сътворити имеют в НСВ и

СВ несколько идентичных значений и, таким образом, потенциально формируют образцовые видовые пары, поскольку их лексическое значение может совпадать с категориальным значением глаголов как части речи ‘делать / сделать’.

*Тенденция к гармонизации
видовременных отношений в связи
с генезисом славянской категории вида*

Показательна динамика употребления простых претеритов в связи с видовой характеристикой глаголов данной группы в древнерусских списках Евангелия. Здесь рано наблюдается тенденция к однозначной соотносительности аориста с СВ, а имперфекта – с НСВ. См.:

(12) *Тъгда запльваша лице него · и пакости немюу/ дѣваша* ТЕ 55.1.1 (Матфей 26: 67);

vs

(13) *тъгда запльваша/ немюу лице · и пакости/ немюу дѣвадоху* ПЕ 179.1.2;

(14) *шъдъ/ же примѣи · ѣ · та/лантѣ · дѣла о ни/хъ · и приобрѣте/ дрѣвоу · ѣ · талл/нтѣ* ОЕ 84.1.2 (Матфей 25: 15).

vs

(15) *шъдъ же иже · ѣ · та/лантѣ въза · съдѣла ими/ и сътвори другоую · ѣ · та/лантѣ* МЕ 66.2.2.

Замены происходят, несмотря на то, что, в отличие от имперфекта, являвшегося видовременной формой глагола, аорист мог употребляться от глаголов обоих видов, поскольку, обозначая факты и события, не связанные с настоящим, был нейтральным в отношении семантики длительности или повторяемости действия (см.: [Жолобов, 2020, с. 521–523; Маслов, 1990; Мишина, 2016, с. 418]). В праславянский период «семантическим и формальным центром складывавшейся видовой системы была категория имперфективности» [Силина, 1995, с. 375–376]. Говоря об аористе от имперфективных глаголов, нельзя упускать из виду, что некоторые формы аориста восходят к индоевропейскому имперфекту (см.: [Мейе, 2000, с. 199; Семереньи, 1980, с. 317]). Согласно исследованию Р. Вечерки, в старославянском языке встречается только

1 % имперфектов от перфективных глаголов, в то время как в аористе на 60 % перфективных глаголов приходится 40 % имперфективных [Večerka, 1993, S. 157].

В зарубежной палеославистике, в том числе в лексикографических словарных трудах, весь свод глаголов в старославянском распределяется между имперфективными и перфективными глаголами, в редких случаях для отдельных глаголов допускается возможность употребления в значении обоих видов (см.: [Dostál, 1954; Eckhoff, Janda, 2014]; (SJS, t. 1–4)). Категория вида является универсальной категорией [Плунгян, 2012, с. 9]. У славян ее однородный характер свидетельствует о происхождении, относящемся к праязыковому состоянию.

Традиционное предположение о том, что видовое противопоставление охватывало в древнерусском языке только приставочные глаголы [Силина, 1982, с. 163; Кукушкина, Шевелёва, 1991. С. 47] опровергается в ходе анализа контекстов с формами аориста и причастиями прошедшего времени от бесприставочных глаголов, не имеющих приставочного видового коррелята, поскольку эти контексты обособлены в синтаксическом плане, а у данных глаголов преобладают маркированные по виду формы имперфекта и причастий настоящего времени (см.: [Мишина, 2016]).

Основополагающая бинарность видовой оппозиции в славянских языках (имперфективность vs перфективность), в отличие от других языков (см.: [Плунгян, 2012, с. 14]), обусловлена, по-видимому, источником данного аспектуального противопоставления в праславянском языке – претеритальным удвоением, образованием второго претерита – имперфекта, противопоставленного аористу. В имперфекте дуративная или итеративная семантика основы настоящего времени, от которой образовывался первоначально имперфект, была перенесена и на внутреннюю временную конфигурацию – процессную аспектуальную характеристику глагольной формы (см.: [Жолобов, 2020, с. 522]).

Как видно из приведенных выше контекстов с аористами *дѣла* и *дѣлаша*, употребление аориста не требует специального обоснования, поскольку оно допускалось и у парных по виду глаголов НСВ. В древнерусской письменности,

как было указано выше, вместе с тем наблюдается дальнейшая гармонизация соотношения видовой и темпоральной семантики – НСВ и имперфекта, СВ и аориста. Этот факт подчеркивает тесную связь аориста с СВ: парные по виду перфективные глаголы употребляются, как правило, в аористе в событийном значении, а в имперфекте они встречаются редко и получают специализированное значение неопределенно-кратного или дистрибутивно-кратного законченного действия [Жолобов, 2016; Мишина, 2017; Шевелева, 2018].

Квантификация и типологические тенденции динамики лексических рядов

Предпринятые недавно первые опыты квантитативного описания тесных трехчленных лексических рядов показали, что они претерпевают трансформацию и вектор изменений здесь единообразен: менее частотная и менее многозначная лексема постепенно вытесняет более частотную и более многозначную (см.: [Жолобов, 2022; Жолобов, Баранов, 2021; 2022]). В тесном лексическом ряду *дѣлати* и *сѣдѣлати*, *дѣяти* и *сѣдѣяти*, *творити* и *сѣтворити* наблюдается аналогичная тенденция. Гораздо менее употребительная и менее полисемичная пара глаголов *дѣлати* и *сѣдѣлати* замещает наиболее частотную и многозначную глагольную пару *творити* – *сѣтворити* (см. ниже), которая смещается на периферию, приобретая стилистическую маркированность, в то время как второй член группы *дѣяти* – *сѣдѣяти* вообще выпадает (ср. аналогичную динамику в группе глаголов знания *вѣдати* – *вѣдѣти* – *знати*). Глагол *творить* (с видовой парой *сотворить*) в новом основном значении 1. ‘создавать творчески, художественно’, утвердившемся при поддержке производных словообразовательной парадигмы *творение*, *творчество*, *творческий*, имеет помету «высокое» (РСС, с. 654) ², а в «дейктическом» употреблении со значением 2. ‘совершать, осуществлять’ – помету «устарелое и высокое» (РСС, с. 30). Как глагол *знать* в своей истории перенимает свойства глаголов *вѣдати* – *вѣдѣти*, которых у него первоначально не было, так глаголы *делать* – *сделать* приобретают свойства глаголов *творити* – *сѣтворити*. Они получают обобщенно-предикативную и

заместительную функции, которыми обладали два последних упомянутых глагола, а также образуют обязательные сочетания с существительными, которые определяют их семантику, что в древнерусский период было прерогативой глаголов *дѣяти* и *сздѣяти*, *творити* и *сътворити* (см.: РСС, с. 33; SJS, t. 1, s. 554; t. 4, s. 346, 437). Таким образом, семантические изменения происходили под влиянием членов тесной лексической группы, а не в отдельной независимой лексеме самой по себе.

**Опыт описания контрастов
квантификации лексического ряда**
дѣяти – *сздѣяти*, *дѣяти* – *сздѣяти*,
творити – *сътворити*

Ниже мы представляем результаты проведенной квантификации трех указанных глагольных пар. Под квантификацией понимается количественное измерение качественных грамматических характеристик – видовых, темпоральных и всех других глагольных грамматических параметров. Такая оценка синонимического аспектуального ряда глаголов по всем грамматическим позициям предпринимается впервые (см. пример квантификации претеритальных форм по отношению к тематическим группам глаголов: [Горбань и др., 2015, с. 44–45]). Количественные данные помогут представить место каждой глагольной пары в лексической группе, а также соотнести видовые характеристики с другими грамматическими показателями.

Материалом для квантификации были избраны тексты, входящие в исторический корпус «Манускрипт» – самый объемный в настоящее время. Тексты в корпусе сопровождаются онлайн-указателями словоформ, что позволяет проводить их количественное

измерение. Для анализа выбрано служебное четвероевангелие с лекционарным указателем – Типографское евангелие XII в. (далее – ТЕ); самостоятельные части Ипатьевской летописи ок. 1425 г. (далее – ИЛ); Повесть временных лет по Ипатьевской летописи (далее – ПВЛ-ИЛ, л. 2–106 об.), Киевская летопись по ИЛ (далее – КЛ, л. 106 об. – 245), Галицко-Волынская летопись по ИЛ (далее – ГВЛ, л. 245–307); Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г. (далее – СЛ, л. 96–173); берестяные грамоты по изданию [Зализняк, 2004].

Служебное Евангелие написано на строго церковнославянском языке, но в то же время это текст, который был постоянно на слуху, являясь центральным текстом богослужения, так что его влияние на древнерусский язык трудно переоценить. Летопись представляет гибридную разновидность литературного языка, при этом КЛ в контекстах с прямой речью отражает живую речь, в частности, княжеский социолект, а ГВЛ известна как наиболее светская по содержанию. Берестяные грамоты демонстрируют факты живой речи, а вместе с тем и разрыв между книжным и разговорным языком, проявляющийся прежде всего в семантической нагруженности соответствующих лексем, поскольку в грамотах они выступают как моносемичные (см. ниже).

Количество членов видовых пар и грамматических позиций в видовых парах представлено в таблице 1 (без учета рефлексивов на *са*, в том числе в препозиции, при употреблении в качестве вакернагелевской энклитики; первая цифра после знака равенства обозначает количество позиций, связанных только с НСВ, вторая – только с СВ, третья – как с НСВ, так и с СВ).

Далее в таблицах 2–4 приводится расшифровка количественных данных по грамматическим характеристикам.

Таблица 1. Общее количество форм и количество грамматических позиций

Table 1. The total number of forms and the number of grammatical positions

Количественные данные	Памятники письменности				
	ТЕ ³	ПВЛ-ИЛ	КЛ	ГВЛ	СЛ
Общее количество <i>дѣяти</i> / <i>сздѣяти</i>	14/3	8/6	1/1	0/0	2/0
Количество грамMAT. позиций	9=7+1+1	8=6+2+0	2=1+1+0	0	2=2+0+0
Общее количество <i>дѣяти</i> / <i>сздѣяти</i>	15/0	15/2	18/1	2/0	3/4
Количество грамMAT. позиций	7=7+0+0	7=5+2+0	9=8+1+0	2=2+0+0	5=2+3+0
Общее количество <i>творити</i> / <i>сътворити</i>	148/215	80/203	29/139	18/90	24/101
Количество грамMAT. позиций	28=5+14+9	32=5+20+7	30=3+19+8	21=5+13+3	17=5+8+4

Таблица 2. Количественное распределение грамматических форм глаголов *дѣлати* / *сѣдѣлати*

Table 2. Quantitative distribution of grammatical forms of the verbs *dělati* / *sědělati*

Грамматические характеристики	Памятники письменности				
	ТЕ	ПВЛ-ИЛ	КЛ	ГВЛ	СЛ
Общее количество словоформ	14/3	8/6	1/1	0/0	2/0
Инфинитив	3/0	2/0	0	0	0
Супин	0	0	1/0	0	0
Наст. вр. 1 л. ед.	1/0	0	0	0	0
Наст. вр. 2 л. ед.	1/0	0	0	0	0
Наст. вр. 3 л. ед.	2/0	0	0	0	0
Наст. вр. 2 л. мн.	0	1/0	0	0	1/0
Наст. вр. 3 мн.	0	1/0	0	0	0
Аорист 3 л. ед.	1/1	0/2 ⁴	0	0	0
Аорист 3 л. мн.	0	0/4 ⁵	0	0	0
Пов. накл. 2 л. ед.	1/0	0	0	0	0
Пов. накл. 2 л. мн.	2/0	0	0	0	0
Действ. прич. наст. вр.	3/0	1/0	0	0	1/0
Действ. прич. прош. вр.	0	0	0/1	0	0
Страд. прич. наст. вр.	0	1/0	0	0	0
Страд. прич. прош. вр.	0/2	2/0	0	0	0

Таблица 3. Количественное распределение грамматических форм глаголов *дѣяти* / *сѣдѣяти*

Table 3. Quantitative distribution of grammatical forms of the verbs *dějati* / *sědějati*

Грамматические характеристики	Памятники письменности				
	ТЕ	ПВЛ-ИЛ	КЛ	ГВЛ	СЛ
Общее количество словоформ	15/0	16/2	18/1	2/0	3/4
Инфинитив	1/0	2/0	7/0	1/0	1/0
Наст. вр. 2 л. ед.	0	0	2/0	0	0
Наст. вр. 3 л. ед.	2/0	3/0	1/0	0	0
Наст. вр. 1 л. дв.	0	0	1/0	0	0
Наст. вр. 2 л. дв.	2/0	0	0	0	0
Наст. вр. 3 л. мн.	0	1/0	1/0	0	0
Аорист 3 л. ед.	0	0/1	0/1	0	0/2
Аорист 1 л. мн.	0	0/1	0	0	0/1 ⁶
Аорист 3 л. мн.	1/0	0	0	0	0/1
Имперфект 3 л. ед.	1/0	0	0	0	0
Имперфект 3 л. мн.	0	1/0	0	0	0
Пов. накл. 2 л. ед.	0	0	1+1 ⁷ /0	0	0
Пов. накл. 2 л. мн.	6 ⁸ +1/0	0	0	0	0
Действ. прич. наст. вр.	1/0	10/0	3/0	1/0	2/0
Действ. прич. прош. вр.	0	0	1/0	0	0

Таблица 4. Количественное распределение грамматических форм глаголов творити / сътворити

Table 4. Quantitative distribution of grammatical forms of the verbs *tvoriti* / *stvoritii*

Грамматические характеристики	Памятники письменности				
	ТЕ	ПВЛ-ИЛ	КЛ	ГВЛ	СЛ
Общее количество словоформ	148/215	80/203	29/139	18/90	24/101
Инфинитив	22+1 ⁹ /17+1 ¹⁰	14+3 ¹¹ /31+3 ¹²	5/10+1 ¹³	1/12	1/8
Наст. вр. 1 л. ед.	13/18 ¹⁴	0/6	1/1	0	0
Наст. вр. 2 л. ед.	13/3	0/2	2/1	1+1 ¹⁵ /0	2/0
Наст. вр. 3 л. ед.	28/18	6/13	0/2	0/3	0
Наст. вр. 1 л. дв.	0/1	0	0	0	0
Наст. вр. 2 л. дв.	0	0	1/0	0	0
Наст. вр. 3 л. дв.	0	0	0	0	1/0
Наст. вр. 1 л. мн.	0/8	1/7	0/3	0/3	1/6
Наст. вр. 2 л. мн.	12/6	1/0	1/1	1/1	0/1
Наст. вр. 3 л. мн.	14/4	11/4	1/1	0/1	3/1
Буд. слож. 1 л. ед.	0	1/1	0	0	0
Буд. слож. 2 л. ед.	0	0/1	0/1	0	0
Буд. слож. 3 л. ед.	0/1	0	0	0	0
Буд. слож. II 3 л. ед.	0	0/1	0	0	0
Буд. слож. 2 л. мн.	1/0	0/1	0	0	0
Буд. слож. 3 л. мн.	0	2/0	0	0	0
Аорист 1 л. ед.	0/6	0/4	0/2	0/1	0/1
Аорист 3 л. ед.	0/63	0/57+1 ¹⁶	0/56	0/33	0/38
Аорист 3 л. дв.	0	0/2	0/6	0/5	0/2
Аорист 1 л. мн.	0/3	0/3	0/1	0	0/3
Аорист 2 л. мн.	0/6	0	0/3	0/2	0/3
Аорист 3 л. мн.	0/22	0/24	0/20+1 ¹⁷	0/13	0/18
Имперфект 1 л. ед.	0	0	0	1/0	0
Имперфект 3 л. ед.	8/0	16/1	3/0	6/0	3/0
Имперфект 3 л. мн.	3/0	11/0	5/0	2/0	1/0
Перфект 1 л. ед.	0	0/2	1/2+1 ¹⁸	0/1	0
Перфект 2 л. ед.	0/2	0/3	0/2	0/1	0
Перфект 3 л. ед.	1/5	0/7	0/1	0	0/1
Перфект 1 л. мн.	0	0/1	0/1 ¹⁹	0	0
Перфект 3 л. мн.	0/1	0	0/1	0	0
Плюсквамперфект 3 л. ед.	0	0	0/1	0/1	0
Пов. накл. 2 л. ед.	4/3	1/2	0	1/1	1/3
Пов. накл. 2 л. мн.	9/7	0/1	0/1	0	0
Сосл. накл. 1 л. ед.	0/1	0	0	0	0
Сосл. накл. 2 л. ед.	0	0/1	0/1	0	0
Сосл. накл. 3 л. ед.	0	0/1	0/1	0	0
Сосл. накл. 2 л. мн.	1/0	0	0	0	0
Сосл. накл. 3 л. мн.	0/1	0/1	0/1+1 ²⁰	0	0
Действ. прич. наст. вр.	19/0	15/0	8/1 ²¹	4/0	9/0
Действ. прич. прош. вр.	0/2+16 ²²	0/17+6	0/9+5	0/2+8	0/8+8
Страд. прич. наст. вр.	0	1/0	0	0	0
Страд. прич. прош. вр.	0/1	0/2	1/1	0/2	0

Отметим точки контраста в количественном распределении словоформ по мере убывания. Прежде всего обращает на себя внимание контраст в количестве словоформ видовых пар в целом. Члены глагольной пары *творити* – *сътворити* намного частотнее членов двух других синонимичных пар. Это обусловлено особой ролью глаголов *творити* – *сътворити* в древнерусской письменности, как и ранее в старославянской. Так, в пражском словаре старославянского языка для первого, основного значения глагола НСВ *творити* ‘делать, совершать, исполнять, творить’ дается 19 греческих параллелей, при том что общее количество самостоятельных значений достигает восьми и количество греческих соответствий при переводе также растет (SJS, t. 4, s. 435–441). В целом это положение сохраняется и в случае с глаголом СВ *сътворити*, где также, помимо большого числа оттеночных, выделяется восемь значений, начиная с основного ‘сделать, совершить, сотворить’ (SJS, t. 4, s. 345–351). Для глаголов *дѣлати* и *дѣяти* в значении ‘делать, совершать’ в заголовке приводится лишь одна греческая параллель (ἐργάζεσθαι) в первом случае и две (πράσσειν, ποιεῖν) – во втором (SJS, t. 1, s. 548, 554). Таким образом, высокая частотность глагольной пары *творити* – *сътворити* в древнерусской письменности является историческим наследием. Многозначность глаголов *творити* – *сътворити* только растет, судя по словарным данным: в СлРЯ у первого глагола выделено 19 значений, а у второго – 10 (СлРЯ, вып. 26, с. 236–237; вып. 29, с. 253–258). Большое количество греческих параллелей при переводе глаголом *творити* может свидетельствовать о недостаточной развитости лексической системы у славян, однако более точным объяснением для этого, по-видимому, была способность глагола *творити* обозначать действие вообще и в силу этого употребляться на месте других глаголов. Обобщенно-предикативная и отождествительно-заместительная функции глаголов *творити* – *сътворити* в рассмотренных текстах проявляются вполне определенно. Это выражается в употреблении как в начале глагольных рядов, проясняющих смысл обобщенного обозначения, так и в конце таких рядов. К данным глаголам вполне приложимо определение «дейктических» глаголов по РСС,

которое приводилось в начале статьи: ‘о действиях, деятельности, исходящих от активного субъекта, которые служат для означения ситуации в целом или собственно предикатов (РСС, с. 4). См., например:

(16) Аще бо любите любя/щя въ · кѣнѣ мѣдѣ/имате · не и мѣдѣ/ре ли тожде творять ·/ и аще цѣлѣете дрѣ/гѣ ваша · тѣмъ ѣто/ лихо творите · не и мѣдѣ/таре ли тожде творя/тъ ТЕ 10.2.1-2 (Матфей 5: 46–47);

(17) Въ то врѣмя иде иѣсѣ/ въ соуботу сѣво/зѣ свѣтѣ · оучѣ/ници же его въздѣ/лѣшася · и на чѣ/ша възсѣргати кѣл/сѣ · и іасти · и фари/сеи же видѣвше ре/коша іемоу · се оучѣ/ници твои творя/тъ · негоже не достои/тъ творити въ сѣво/тѣ · онъ же рече имѣ ·/ нѣсте ли чѣли · ѣто/ створи дѣдѣ · іегдѣ/ въздѣлѣ самъ · и соу/щии съ нимъ · како/ възиде въ храмъ бѣи/и · и хлѣбѣи прѣдѣло/жениѣ сънѣсть · іхѣже не достоино бѣ іемоу ѣсти · ни същии/имъ съ нимъ · тѣмъ/мо иерѣмъ іединѣ/мъ ТЕ 22.1.1-2 (Матфей 12: 1–4);

(18) и прѣвизлиха ді/вѣла хуосѣ глѣюще ·/ доврѣ все творить ·/ И глѣхъна творить/ слышати · и нѣмѣ/іѣ глаголати ТЕ 73.1.2 (Марк 7: 37);

(19) ѡвѣщавѣ/ же глѣ имъ · имѣвѣи/ дѣвѣ ризѣ да подасть не/имощному · имѣвѣи/ брашна · такожде да/ творить ТЕ 100.1.2 (Лука 3: 11).

Маркерами обобщенно-предикативного или отождествительно-заместительного употребления являются наречие тако(жде), союзные слова іакоже, іелико, местоимения в разных формах: всь, иже, съ, тѣ(жде), ѣто. См. в дополнение к приведенным примерам:

(20) Рѣ же іемоу ісѣ ·/ правѣ ѡвѣща · се твори/и живѣ боудеши ТЕ 109.1.1 (Лука 10: 28);

(21) рече же іемоу іс · иди і Тѣ/твори такожде ТЕ 109.2.1 (Лука 10: 37);

(22) іакоже азъ створи/хъ ва/мъ · і въи творите ТЕ 161.1.2 (Иоанн 13: 14);

(23) Въи друзи мои іесѣ ·/ аще творите іелико азъ/заповѣданѣ вамъ ТЕ 163.2.2 (Иоанн 15: 14);

(24) нъ да разоумѣ/іетъ миръ · іако люблю/ оцѣ · и іакоже заповѣ/да мнѣ оцъ тако творѣ ТЕ 163.1.2 (Иоанн 14: 31);

(25) не можетъ снѣ/творити ѡ себѣ ни/соже/ аще не іеже видитъ оцѣ/творѣща · іаже бо онъ тво/ритъ · си и снѣ такожде/творитъ · оцѣ бо любитъ/сѣ · и іако показѣетъ іемоу іаже самъ творитъ ТЕ 145.1.1-2 (Иоанн 5: 19–20).

В летописях подобное употребление представлено широко. См., в частности:

(26) и возмуть вѣникѣ · и на/чнутъ хвоста/ти · и того/ собѣ добыю ѡдва възлѣ/зуть ле живѣ · и ѡбольо/

тса водою студеною · и/ тако живиу · и тако тво/ратъ по вса дѣи · не му/чими никъимже · но са/ми са му/чатъ ПВЛ-ИЛ 5.1.1;

(27) си же вса/ да тво/ратъ русь грѣко ПВЛ-ИЛ 14.2.2;

(28) оу/моленъ бѣи ѿ живиуци/ ту створиши снѣ · ѿгна/ множество змии · и скоро/пинѣ изъ града · ꙗко не въ/режати са ѿбѣсомъ ѿ/ нихъ ПВЛ-ИЛ 15.2.2;

(29) и тако/ваѣ створиша бѣсо/вѣ его ради ПВЛ-ИЛ 16.1.2;

(30) ꙗще ли покуси/тса кто взати ѿ руси · / и ѿ людий цѣртва вашего · / иже то створишь покажи/ненъ будеть вельми · / ꙗще ли и взалъ будеть · / да заплаати сугубо · ꙗще/ ли створишь то же грѣци/нъ русину · да приимѣ/ ту же казнь ПВЛ-ИЛ 19.2.2;

(31) ѿна же ре ему ꙗще/ тѣи крѣтиши са · вси иму/ то же тво/ри ПВЛ-ИЛ 25.1.2;

(32) и/ тако по вса лѣта тво/раше ПВЛ-ИЛ 47.1.1;

(33) тѣмъ раздѣваху/ на по/требу · и се же тво/ра людёмъ/ своимъ · по вса недѣла ПВЛ-ИЛ 47.1.2;

(34) да ꙗще сице тво/римъ · / вси хъ грѣхъ процени будемъ ПВЛ-ИЛ 62.2.1-2;

(35) ѿво ли иного/ пременаше въ иного ѿбразъ · / в мечтанъи сице тво/рашеть ПВЛ-ИЛ 66.2.2;

(36) да оу/же поманиса · ко/ако еси зла створилъ · дѣдъ же/ на стѣполака нача извѣтѣ тво/рити · глѣ ци ꙗ се створилъ ци/ ли оу/ моёмъ городѣ · ꙗзъ и са/мъ боѣлзса · ꙗще взиша и мене/ не ꙗли · и створили то же ПВЛ-ИЛ 91.2.1;

(37) и створи тако · / всеволодъ · иде взишегородоу КЛ 112.1.2;

(38) въззгладъ ре ѿ иканъни/и не вѣсте са что тво/ра/ше · се бо створите невѣдн/немъ КЛ 129.1.1;

(39) а иѣи ꙗ того товѣ не тво/рю КЛ 136.1.2;

(40) андрѣева же/ дружина · призваде к нему/ жаловахоу/ть · что тво/риши кнѣже и поеди кнѣже прочъ КЛ 141.2.1;

(41) се бѣ волю свою ка/ко ему оу/годно · тако ство/рилъ естъ КЛ 167.1.2;

(42) а тѣи еси нашъ кнѣзъ а рости/слава ти емше · вдамъ в ру/цѣ · а еже хоцеша то створи/ши ему КЛ 177.2.1;

(43) том же лѣ · възгна андрѣи · / епѣа левна · изъ суждала/ и браго свою погна · мьсти/слава и василка · и два ро/стиславича сновца сво/ѣа · мужи ѿца своего пере/днии · се же створи хота/ самовластецъ взити КЛ 185.2.2;

(44) бѣ во любѣ/ дружиноу/ а злзша кажна тако/же подобаетъ · црѣмъ тво/ри/ти КЛ 241.2.1;

(45) мз/ же смиреннъ что воздамъ тѣи · / противоу/ блгодѣяннью тѣи · ꙗже/ тво/риши · и створилъ еси к намъ КЛ 244.1.1;

(46) что ти/ ѿбѣщахъ и того не ство/ри ГВЛ 264.2.1;

(47) завѣтѣ · положи въ нмъ ре/ко не помогайте кнѣзю своемоу/ ѿни же ѿбѣщася то створи/ти ГВЛ 268.1.2;

(48) и не/ створи того еже ѿнъ мзисла ГВЛ 270.2.2;

(49) и мнози ноу/дахоу/ вратитса · ѿнъ же не створи/ того ГВЛ 276.1.2;

(50) вачесла/ву же нудачно брата на миръ · / и не послуша него · но приимъ/ свѣтника гюрга ꙗрослави/ча · и тако тво/ра · ѿже оу/же ла/хове воротиса и оугри · при/имъ в срѣци си · ꙗкоже взиже/ну изаслава СЛ 107.2.2;

(51) часто во чташе книгъи съ/ прилежанѣе · и тво/раше все/ по писаному СЛ 152.1.1.

С обобщенно-предикативным значением глаголы творити – створити выступают в сочетаниях с существительными, обозначая действие по существительным: глагол переносит в предикативную плоскость семантику существительного. В словарях такое значение указывается в качестве оттенка значения ‘делать, совершать, осуществлять’ / ‘сделать, совершить, сотворить’ (СЛРЯ, вып. 29, с. 255; вып. 26, 236; SJS, t. 4, s. 346, 437). В подкорпусе летописей представлены сочетания с существительными вѣче, вина, дѣло, зѣло, льсть, любъи, миръ, молитва, пакости, плачь, послушество, слоужьба, съвѣтѣ, треба, чѣсть и некоторые другие. Частотными являются сочетания с существительными вѣче, зѣло, съвѣтѣ, сверхчастотными – со словом миръ. В ПВЛ-ИЛ встретилось 33 сочетания, в КЛ – 23 сочетания, в ГВЛ – 18, в СЛ – 14, все – с глаголом СВ, исключая два сочетания с глаголом НСВ в ПВЛ-ИЛ. См., например:

(52) ѿлегу/ же мало ѿступивъ ѿ горо/да · нача миръ творити/ съ црѣма грѣцкѣзѣма · съ/ левномъ и съ алекса/ро ПВЛ-ИЛ, 12.1.2;

(53) томъ же/ дѣи створи миръ к вѣче/роу КЛ 117.1.1;

(54) пошто миръ/ створи · соу/цию тѣи · с великими/ вой ГВЛ 259.2.1;

(55) веснѣ/ приспѣвши миръ створиша СЛ 108.2.2.

Хотя имеются однословные обозначения миритиса, примирити, оумиритиса, сочетание (съ)творити миръ сохраняется, в силу формульного характера. См.:

(56) володимѣрци же не терпаче/ глѣа рѣша ми халку мириса · / любо промъшлѣи совѣ КЛ 210.2.1;

(57) изаславъ же не хоташе/ миритиса с ѿи КЛ 165.2.2;

(58) и нача мо/литиса ѿцѣ глѣ · не слоу/шѣи ꙗрослави/ча дюрга · / примирѣи сновца к совѣ КЛ 142.2.1;

(59) По сем же оумиришася ляхо/ве с роусью · волеславъ · с ва/силкомъ · и со шварномъ ·/ и на чаша · възити в любви ве/лицѣ ГВЛ 288.2.1.

Глаголы *творити* и *дѣяти* ‘делать, совершать’ могут образовывать фигуру двойного гендиадиса, двойного парного именования (вместе с существительными *беззаконье* и *сквѣрны*) с совокупным значением объектной исчерпанности:

(60) ёгда придетъ бѣ судити/ на землю · и погубити въ/са творачиѣ беззаконь/ё · и сквѣрнѣ дѣиоцаѣ ПВЛ-ИЛ 34.1.1.

В КЛ встречается контекст, где глагол *дѣяти* ‘делать, совершать’ употребляется в сочетании с прямым дополнением указательным местоимением, то есть в позиции, характерной для глагола *творити*:

(61) а что оумзисилъ еси а тоё/ дѣи КЛ 203.2.1.

Как и глагол *творити*, глагол *дѣяти* часто употребляется в сочетаниях с существительными, которые являются смысловым центром, а глагольная форма лишь придает синтагме предикативный характер. Это такие существительные, как *блудъ*, *вѣче*, *зъло*, *купля*, *ловзы*, *насилие*, *позоры*, *прелюбзы*, *радзы*, *съпасение*, *търгъ* и некоторые другие. Среди них *вѣче*, *зъло*, *купля* известны также по сочетаниям с глаголом *творити*. В КЛ сочетания с существительным *вѣче* встречаются три раза. См., например:

(62) Том же лѣ на чаша новгородъ/ци вѣче дѣяти в таниѣ по/ дворомъ · на кнѣза своего на/ стослава на гарославича КЛ 192.1.1.

Чаще в сочетаниях выступает причастная форма глагола. Так, наиболее частотное сочетание с существительным *ловзы* всегда употребляется с формой причастия – три раза в ПВЛ-ИЛ, два – в КЛ и один – в ГВЛ. См., в частности:

(63) вѣ бо ловзы дѣиѣ влеръ ПВЛ-ИЛ 29.2.1;

(64) идоста на ловзы · по дне/пріѣ в лодыяхъ · на оустѣга те/слени · и тоу ловзы дѣивша · и вбловишася множествомъ/ звѣрѣи КЛ 231.2.2;

(65) издациоу же/ емоу по полю · и ловзы дѣиоцоу ·/ и видѣ мѣсто красно ГВЛ 280.1.2-281.2.1.

В ПВЛ-ИЛ встречается пример с причастием *не дѣи* в значении ‘не беспокоить, не трогать’, которое в словарях отмечается лишь для повелительного наклонения (см. СДРЯ III, с. 173):

(66) влеръ же приимъ въ оумѣ си рече/ николиже всаду на конь ·/ ни вижю ёго боле того · и по/вѣлѣ кормити и · и не во/дити ёго к нему · и превзѣ/въ нѣколко лѣтъ · не дѣиѣ ёго дондеже и на грѣсѣ ·/ иде ПВЛ-ИЛ 15.2.1.

Асимметрия видовых форм обнаруживается при употреблении глагола *дѣяти* в значении ‘говорить’, оставившем следы в русском языке в виде частицы *де*. В данном значении используются только формы НСВ. См.:

(67) ѡце ли кто дѣѣтъ киѡнѣ иѣв/кль которѣи же възсидили/ всеслава иѣ поруба · то съ того/ не створѣ ни сѣз ёго ПВЛ-ИЛ 75.1.2

(68) аже дѣѣши хотѣтъ на ма/ поѣхати · а иже поѣдутъ/ на та с хвалою · а бѣз будеть/ с тобою и іа^ѣ и моѣ сѣвца КЛ 178.2.2.

Глаголы *дѣлати* – *сздѣлати* в летописях в основном употребляются в значениях ‘делать, производить, изготовлять; строить, сооружать; воздѣлывать (землю)’/ ‘сделать, изготовить; построить; обработать (землю)’, в то время как в Евангелии чаще представлено значение ‘делать, совершать’ / ‘сделать, совершить’. См., в частности:

(69) и сдѣлаша городъ ·/ и нарекоша и новъгородъ ПВЛ-ИЛ 4.1.2;

(70) дѣла/ютъ нивѣи своѣи и землю сѣ/ю ПВЛ-ИЛ 23.1.2;

(71) ёгда сдѣ/ла ковчегъ ПВЛ-ИЛ 35.2.2;

(72) и поча весь народъ плача мо/лвити · оуже ли киеву · поѣха/тне в тоу црѣвѣ · тѣми золотъ/ми воротъ · и хже дѣлатъ по/салазъ баше КЛ 209.1.2-2.1 и др.

Выступая синонимом глагола *сътворити* ‘создать’, глагол *сздѣлати* на его фоне приобретает сниженную стилистическую окраску:

(73) а бѣ ёдинъ ёсть ·/ ёмуже служить грѣци · и/ кланяютса · иже створѣ/лѣ нѣво и землю и члѣва · и зъ/вѣздѣи и слнѣце и луну · и да/лѣ ёсть жити на земли · а/ си вѣи что сдѣлаша · сами/ дѣлани суть ПВЛ-ИЛ 32.2.1.

В берестяных грамотах два раза встречается имя собственное *Творимирь* [Зализняк,

2004, с. 806], отражающее частотную формулу (с^ь)твори мирь, распространенную, как выше было показано, в летописях. В берестяных грамотах по изданию [Зализняк, 2004, с. 736, 802, 806] количественное соотношение глаголов представлено в таблице 5.

В берестяных грамотах видовое противопоставление у глаголов дѣлати, дѣяти не выражено, а у глаголов творити и сътворити видовые значения связаны с разными лексическими значениями, так что они не образуют видовую пару. Глагол творити имеет значение 'считать (чем), утверждать (что)', а глагол сътворити отмечается только в формуле вежливости 'пожалуйста' сътвори или сътвори добро (доброу) [Зализняк, 2004, с. 802, 806]. Эти факты подтверждают известную скупость и ограниченность лексико-семантических данных берестяной письменности. Настоящее время причастия от глагола СВ указывает на особую архаичность формулы.

Второе контрастное отношение проявляется в количественном распределении видовых форм у разных глаголов. У глаголов дѣлати – съдѣлати ситуация равновесная в ПВЛ-ИЛ и КЛ, в то время как в других источниках преобладает глагол НСВ, кроме ГВЛ, где этих глаголов нет вовсе. У глаголов дѣяти – съдѣяти равновесное соотношение сложилось только в СЛ, а в других источниках преобладает НСВ. Коренным образом отличается соотношение

форм у глаголов творити – сътворити. В этом случае существенно преобладают формы СВ и их количество на фоне форм НСВ имеет тенденцию к увеличению: если в ТЕ форм СВ больше примерно в полтора раза, то в ПВЛ-ИЛ уже в два с половиной раза, а в КЛ, ГВЛ и СЛ – более, чем в четыре раза. Эти пропорции еще явственнее выступают в количественном соотношении грамматических позиций, в которых у глаголов дѣлати – съдѣлати и дѣяти – съдѣяти больше позиций у глаголов НСВ, исключая СЛ, где положение равновесно у второй глагольной пары. В паре глаголов творити – сътворити существенно преобладает количество грамматических позиций у глагола СВ, причем количественное соотношение сопоставимо в ТЕ, ПВЛ-ИЛ, КЛ и ГВЛ при наибольшем разнообразии в ПВЛ-ИЛ и КЛ, тогда как в СЛ количество грамматических позиций уравнивается, несмотря на преобладание форм СВ. Таким образом, ПВЛ-ИЛ и КЛ наиболее сложны в дискурсивном плане. По сравнению с ТЕ здесь отмечаются дополнительно следующие позиции: наст. вр. 2 л. дв. ч., буд. слож. I 1 л. ед. ч., буд. слож. I 2 л. ед. ч., буд. слож. II 3 л. ед. ч., буд. слож. I 3 л. мн. ч., аорист 3 л. дв. ч., перфект 1 л. ед. ч., перфект 1 л. мн. ч., плюсквамперфект 3 л. ед. ч., сосл. накл. 2 л. ед. ч., сосл. накл. 3 л. ед. ч., страд. прич. наст. вр. Комплетив как разновидность СВ глагола сътворити оказался наиболее вос-

Таблица 5. Грамматические позиции и количество форм в берестяных грамотах

Table 5. Grammatical positions and number of forms

Грамматические позиции	Видовые пары глаголов		
	дѣлати / съдѣлати	дѣяти / съдѣяти	творити / сътворити
Общее количество	3/0	7/0	6/11
Количество грамMAT. позиций	3+0+0	4+0+0	2+0+2
Инфинитив	0	1/0	0
Наст. вр. 2 л. ед.	0	0	3/0
Наст. вр. 3 л. ед.	0	3+1 ²³ /0	0
Наст. вр. 2 л. мн.	1/0	0	0
Наст. вр. 3 л. дв.	1/0	0	0
Пов. накл. 2 л. ед.	0	0	1/3
Пов. накл. 2 л. мн.	0	0	1 ²⁴ /0
Имперфект 2 л. ед.	0	1/0	0
Перфект 1 л. ед.	0	1/0	0
Действ. прич. наст. вр.	0	0	1/8
Страд. прич. прош. вр.	1/0	0	0

требуемым во всех типах дискурса, хотя в летописях с их сильными как нарративным, так и драматургическим компонентами он ожидаемо более широко представлен – как в повествовании о событиях и фактах, так и в прямой речи персонажей.

Контраст наблюдается в количественном распределении форм настоящего времени глагольной пары *творити* – *сътворити*, при этом формы настоящего времени СВ передают футуральную семантику. Особенностью распределения грамматических позиций в ТЕ является большое количество форм настоящего и простого будущего времени, где последние преобладают в 1 л. ед. и мн. ч., в то время как во 2 л. и 3 л. ед. и мн. ч. больше форм НСВ. Данные формы отражают отличительные черты дискурсивной направленности ТЕ с концентрированным учительно-вероисповедным компонентом, ориентированным на текущую ситуацию, и компонентом пророчествования, связанным с футуральной семантикой. Превосходящее другие тексты общее количество форм 1 и 2 л. ед. и мн. ч. презенса и футурума в ТЕ указывает на драматургическую доминанту Евангелия, обусловленную насыщенностью диалогической речью. Эта дискурсивная отмеченность ТЕ отразилась также в распределении форм повелительного наклонения и инфинитива, выступающего в модальных конструкциях – в сочетаниях со спрягаемыми формами глаголов *достъати*, *моци* (*моци*), *хотѣти* (в том числе в футуральном значении с модальным оттенком намерения).

Аорист глагола *сътворити* закономерно является в ТЕ и летописях самой частотной формой, поскольку именно аорист выступал основной формой повествовательного прошедшего времени в языке древнерусской книжности.

Грамматические характеристики диагностических для категории вида форм в ТЕ и летописях не имеют значимых отклонений. Так, глаголы НСВ употребляются в имперфекте и получают формы действительных причастий настоящего времени, в то время как глаголы СВ употребляются в аористе и получают формы действительных причастий прошедшего времени. У глагола *сътворити* сохраняются архаичные формы причастий типа *сътворыше*, хотя и количество их в летописях сокращается по сравнению

с ТЕ. Встречается одна форма имперфекта от глагола СВ *сътворити*, но она, как и следовало ожидать, функционально мотивирована и обозначает кратко-перфективное действие:

(74) *аще/ родашеть дѣтици · которзи / ѿ лиювѣ звываше · дашеть · се/ твоє дѣта · он же створаше/ празнество* ПВЛ-ИЛ 104.1.2-104.2.1.

Форма действительного причастия прошедшего времени от глагола НСВ также мотивирована, см.:

(75) *идоста на ловзи · по дне/прѣ в лодыахъ · на оустыа те/сменѣ · и тоу ловзи дѣвѣвша · и/ ѿбловишася множествомъ/ звѣрѣи* КЛ 231.2.2.

Появление этой формы имеет объяснение: во-первых, она позволяет сохранить процессное значение при отнесении к прошедшему времени, во-вторых, обозначает предшествование действию в аористе СВ *ѿбловишася* (о второй мотивировке см.: [Мишина, 2016, с. 432]).

В КЛ имеется противоположный пример – причастие настоящего времени от глагола СВ с событийным значением, который, как и в случае причастий настоящего времени от глагола *сътворити* в берестяной письменности, можно объяснить сохранением архаичной формулы:

(76) *и не створа мира въз/зворотиса въз своѣа си* КЛ 175.1.1.

В СЛ обнаруживается переломный момент в истории глагола *дѣлати* – контекст, в котором он употребляется в сочетании с наречием *такъ* вместо связанного с традицией глагола *творити*. См.:

(77) *гѣла ѿмъ ·/ брѣдѣ что тако дѣлаете · не дн/вно ѿже нзи възша поганиѣ во/ѣвали · а се нонѣ хочете брату/ своѣю оубити* СЛ 136.1.1.

Такую же замену можно подозревать в следующем контексте:

(78) *въ/скую ми тако ачете · гѣмъ/ възпѣте ко мнѣ · а дѣла не/подобнаѣ дѣлаіути · ни то а/каннѣ азъ ѿзбѣра* СЛ 138.2.2-139.1.1.

Ср. с традиционным употреблением глагола *творити*:

(79) андрѣва же/ дружина · приѣздаче к нему/
жаловашоуть · что твори/ши кнѣже и поеди кнѣже прочь
КЛ 141.2.1;

(80) же/нзи оу̑ нихъ вѣрють · и хо̑ромзи зижитьь · и
мужь/скзи̑а дѣла творять ПВЛ-ИЛ 7.1.1-2;

(81) погубити въ/са творца̑а беззаконь/ѣ
ПВЛ-ИЛ 34.1.1.

Заключение

Результаты проведенного анализа показали, что глаголы дѣлати – сздѣлати, дѣяти – сздѣяти, творити – сзтворити образуют тесный синонимический ряд, в котором, как и в других подобных случаях, происходила трансформация, обусловленная конкуренцией лексем. В результате место глаголов творити – сзтворити заняла глагольная пара *делать – сделать*, в то время как глагольная пара *творить – сотворить* приобрела узкую семантическую специализацию и стилистическую маркированность, а пара дѣяти – сздѣяти вовсе вышла из употребления. Указанные глагольные пары уже в старославянском и древнерусском языках являлись видовыми в тех случаях, когда лексические значения членов были близки или идентичны. Вторичная имперфективация расширила видовые пары третьим членом сздѣловати, сздѣвати, сзтварати, однако эти глаголы имели маргинальный характер и в рассмотренном материале фактически не встретились (исключая два обособленных примера из КЛ и берестяной грамоты № 128 с церковнославянским текстом). Квантификация, под которой понимается количественное измерение качественных грамматических характеристик, выявила группу контрастных отношений в лексическом ряду, объясняемых, в частности, дискурсивными особенностями текстов. Так, в Евангелии существенно больше форм презенса у глаголов творити – сзтворити по сравнению с летописями, что связано с учительско-вероисповедной и пророческой направленностью дискурса, а также драматургической доминантностью текста. Глагольная пара творити – сзтворити значительно превосходит по количеству употреблений и числу грамматических позиций другие две пары, что обусловлено «дейктической» (в терминах РСС) природой данных глаголов, способностью замещать другие глаголы и передавать

абстрактное значение предиката вообще. Частотность перфективного члена пары в летописях нарастает, что обусловлено особой востребованностью комплетива как разновидности СВ в событийно-фактическом дискурсе летописей. Самой частотной грамматической позицией является аорист перфективных глаголов, поскольку именно аорист был основной формой нарративного прошедшего времени в древнерусских книжных текстах. Распределение диагностических форм, характерных для НСВ и СВ, в рассмотренном материале не имеет значимых отступлений от нормы. Как имперфект СВ, так и причастие прошедшего времени при глаголе НСВ единичны и функционально мотивированы. В берестяных грамотах видовых пар в рассмотренном лексическом ряду нет: перфективы сздѣлати и сздѣяти отсутствуют, а глаголы творити и сзтворити выступают как моносемичные с непересекающимися лексическими значениями. Самые ранние примеры замены глагола творити глаголом дѣлати отмечаются в СЛ. Историческая трансформация лексического ряда дѣлати – сздѣлати, дѣяти – сздѣяти, творити – сзтворити с заменой наиболее употребительных лексем из группы на значительно менее частотные соответствует типологической модели преобразований, ранее рассмотренных на примере трех лексических синонимических рядов: вѣдѣти / вѣдати / знати; животь / жизнь / житие; брань / война / рать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

The study is given a financial support by The Russian Science Foundation, the research project no. 20-18-00206 entitled “Distributional-quantitative analysis of semantic changes based on large diachronic text corpora”.

² См. статьи *творение, творительный, творчески, творческий, творчество* в (СлРЯ, вып. 29, с. 247, 253, 260–261).

³ В подсчеты включено несколько словоформ, которые повторяются в лексикономном указателе.

⁴ Одна форма с ассимиляцией согласных: здѣла ПВЛ-ИЛ 67.1.2.

⁵ Одна форма с ассимиляцией согласных: здѣлаша ПВЛ-ИЛ 29.2.1.

⁶ С ассимиляцией согласных: *здѣдохомъ* СЛ 133.2.1.

⁷ Одна форма, вероятно, вместо *дѣа* ‘говоря’ или *дѣе(ть)* ‘он говорит’: *рѣ во дѣи ѿгорь / поманоуѣхъ азъ грѣхъи своя прѣ / гдѣмъ бѣмъ моимъ* КЛ 224.2.1 (см.: Фасмер, с. 489–490).

⁸ Шесть форм с отрицанием в значении ‘не мешайте, оставьте, не беспокойте’.

⁹ Одна форма в составе будущего сложного I со вспомогательным глаголом *хощете*.

¹⁰ Одна форма в составе будущего сложного I со вспомогательным глаголом *имать*.

¹¹ Включая три формы будущего сложного I – две со вспомогательным глаголом *имуть* и одна – *хощю*.

¹² Три формы будущего сложного I со вспомогательными глаголами *хощю*, *не хощеши*, *хощете*.

¹³ В составе формы будущего сложного I со вспомогательным глаголом *не хощеши*.

¹⁴ Настоящее время глаголов СВ имеет значение будущего времени. Ср.: «Основным, контекстно не обусловленным значением презентной формы совершенного вида уже в древнерусский период было значение будущего времени, о чем убедительно свидетельствует статистика» [Мишина, 2002, с. 225–226].

¹⁵ Одна форма недописана: *твори* вместо *твориши*: *коуриль же ѿбѣ/ща емоу / се ли твори возмездѣ/е оуема своимъ / воз добродѣ/анье / не помниши ли са / тако ко/роль оугорскъи изгналъ тѣ/ бѣ и-землѣ съ ѿцьмъ ти / како/ та восприаста ѿгнѣ моѣ* ГВЛ 266.2.2.

¹⁶ Одна форма аориста 3 л. ед. ч. *створѣ* ПВЛ-ИЛ 75.1.2 вместо *створи*.

¹⁷ Одна форма неправильная *створише* КЛ 155.1.2.

¹⁸ Одна форма со связкой *ѣми* КЛ 182.2.

¹⁹ Со связкой *ѣме* КЛ 193.1.2.

²⁰ С неправильной формой вспомогательного глагола: *взше не сътворилъ* КЛ 149.1.2.

²¹ Именная форма им. п. ед. ч. муж. р. *створа* КЛ 175.1.1.

²² С суффиксами *-вѣи-* и *-ви-*.

²³ В словоуказателе форма *лихо деете* со знаком вопроса, поскольку может быть понята и как форма 2 л. мн. ч. [Зализняк, 2004, с. 736].

²⁴ В словоуказателе со знаком вопроса, так как форма допускает другое толкование – наст. вр. 2 л. мн. ч. [Зализняк, 2004, с. 806].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., Шептухина Е. М., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект: коллектив. моногр. / отв. ред. Е. М. Шептухина. М.: ФЛИНТА. 352 с.
- Грамматика современного русского литературного языка, 1970 / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука. 768 с.
- Жолобов О. Ф., 2016. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. № 3. С. 64–80. DOI: 10.31857/S0373658X0001006-5
- Жолобов О. Ф., 2020. Прошедшее время и распределение видовых форм в Толстовском сборнике XIII в. // Взаимодействие аспекта со смежными категориями: материалы VII Междунар. конф. Комис. по аспектологии Междунар. ком. славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. С. 519–529.
- Жолобов О. Ф., 2022. Лексический ряд *врань* – *воина* – *рать* в старославянских и восточнославянских источниках XI–XV вв.: интерпретация квантитативных формул (на материале исторического корпуса «Манускрипт») // *Palaeobulgarica*. Бр. XLVI, № 4. С. 79–99.
- Жолобов О. Ф., Баранов В. А., 2021. Дистрибутивно-квантитативные и семантические характеристики глаголов знания в старославянской и древнерусской письменности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 18, № 1. С. 56–76. DOI: 10.21638/spbu09.2021.104
- Жолобов О. Ф., Баранов В. А., 2022. Трансформации лексического ряда *животъ* – *жизнь* – *житие*: опыт лингвостатистического описания // Вопросы языкознания. № 2. С. 65–101. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.65-101
- Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. М.: Яз. слав. культуры. 872 с.
- Крылов С. А., Онипенко Н. К., 2020. Местоимение // Русский язык: энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА. С. 340–344.
- Кукушкина О. В., Шевелёва М. Н., 1991. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 6. С. 38–49.
- Маслов Ю. С., 1990. Имперфект // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. С. 174.
- Мейе А., 2000. Общеславянский язык. М.: Прогресс. 500 с.
- Мишина Е. А., 2002. Настоящее узואльное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М.: Древлехранилище. С. 199–228.
- Мишина Е. А., 2016. Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени в древнерусских летописях

- //Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая – 1 июня 2016 г.). М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. С. 418–436.
- Мишина Е. А., 2017. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // *Russian Linguistics*. Vol. 43, no. 1. P. 1–15. DOI: 10.1007/s11185-016-9173-x
- Петрухин П. В., Силина В. Б., Крысько В. Б., 2020. Вид // *Историческая грамматика русского языка : энцикл. слов. М. : Азбуковник*. С. 31–37.
- Плунгян В. А., 2012. Предисловие // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 6. Типология аспектуальных систем и категорий. СПб. : Наука. С. 7–42.
- Семереньи О., 1980. Введение в сравнительное языкознание. М. : Прогресс. 408 с.
- Силина В. Б., 1982. История категории глагольного вида // *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова*. М. : Наука. С. 158–279.
- Силина В. Б., 1995. Видо-временные отношения // *Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / под ред. В. В. Иванова*. М. : Наука. С. 374–464.
- Шевелева М. Н., 2018. Еще раз об имперфекте совершенного вида в восточнославянских памятниках // *Русский язык в научном освещении*. № 1 (35). С. 183–206.
- Шелякин М. А., 2020. Вид // *Русский язык : энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована*. М. : Рус. яз. С. 69–71.
- Dostál A., 1954. Studie o vidovém systému v staroslovenštině. Prague : Státní pedagogické nakladatelství. 681 s.
- Eckhoff H. M., Janda L. A., 2014. Grammatical Profiles and Aspect in Old Church Slavonic // *Transactions of the Philological Society*. Vol. 112, iss. 2. P. 231–258.
- Večerka R., 1993. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur. Freiburg. i. Br. : Weiher. 411 S.
- ME* – Мстиславово евангелие, до 1117 г. // ГИМ, Син. 1203. 213 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377
- OE* – Остромирово евангелие, 1056–1057 г. // РНБ, Ф.п.1.5., 294 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436
- ПВЛ-ИЛ* – Повесть временных лет // ИЛ. Л. 3–106 об.
- ПЕ* – Пантелеймоново евангелие, XII–XIII вв. // РНБ. Соф. 1. 224 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270
- СЕ* – Симоновское евангелие, 1270 г. // РГБ. Рум. 105. 167 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43532484
- СЛ* – Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // РНБ. Ф.п. IV.2. 1377 г. Л. 96–173. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902
- ТЕ* – Типографское евангелие, XII в. // РГАДА. Тип. 1. 193 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871

СЛОВАРИ

- Ожегов* – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1988. 750 с.
- РСС* – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 4 т. Т. 4 / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : РАН Ин-т рус. яз., 2007. 952 с.
- СДРЯ* – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. М. : Рус. яз. : Азбуковник, 1988–2019.
- СлРЯ* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М. : Наука, 1975–2019.
- ССС* – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М. : Рус. яз., 1999. 842 с.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М. : Прогресс, 1986. 576 с.
- SJS* – Slovník jazyka staroslověnského. Т. 1–4. Praha : Nakl. Československé akademie věd, 1956–1997.

REFERENCES

- ГВЛ* – Галицко-Волынская летопись // ИЛ. Л. 245–307.
- ИЛ* – Ипатьевская летопись, ок. 1425 г. // БАН, 16.4.4. 307 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080
- КЛ* – Киевская летопись // ИЛ. Л. 106 об.–245.
- Манускрипт* – Исторический корпус «Манускрипт». URL: <http://manuscripts.ru>
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V., Sheptukhina E.M., 2021. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kollektiv. monografiya* [Semantics of the Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect: Monograph]. Moscow, Flinta Publ. 352 p.
- Shvedova N.Yu., ed., 1970. *Grammatika sovremenogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar

- of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ. 768 p.
- Zholobov O.F., 2016. Ot praslavyanskogo yazyka k staroslavjanskomu: o perfektivnom imperfekte [From Proto-Slavic to Old Church Slavonic: On Perfective Imperfect]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 64-80. DOI: 10.31857/S0373658X0001006-5
- Zholobov O.F., 2020. Proshedshee vremya i raspredelenie vidovykh form v Tolstovskom sbornike XIII v. [Past Tense and Aspectual Forms Distribution in the Tolstovskij Sbornik from the 13th Century]. *Vzaimodejstvie aspekta so smezhnymi kategoriyami: materialy VII Mezhdunar. konf. Komis. po aspektologii Mezhdunar. kom. slavistov (Sankt-Peterburg, 5–8 maya 2020 g.)* [Interaction of aspects with Mixed Categories. Proceedings of the 7th International Conference of the Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists (St. Petersburg, May 5–8, 2020)]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, pp. 519-529.
- Zholobov O.F., 2022. Leksicheskiy ryad bran – voina – rat v staroslavjanskikh i vostochnoslavjanskikh istochnikakh XI–XV vv.: interpretatsiya kvantitativnykh formul (na materiale istoricheskogo korpusa „Manuskript“) [Lexical Row of bran – voina – rat in Old Church Slavonic and East Slavonic Sources from 11th–15th Centuries: Interpretation of Quantitative Formulas (Based on the Material of the Historical Corpus “Manuskript”). *Palaeobulgarica*, vol. XLVI, no. 4, pp. 79-99.
- Zholobov O.F., Baranov V.A., 2021. Distributivno-kvantitativnye i semanticheskie kharakteristiki glagolov znaniya v staroslavjanskoy i drevnerusskoy pismennosti [Verbs Meaning ‘Know’ in Old Church Slavonic and Old Russian Writing: Distributive, Quantitative, and Semantic Properties]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], vol. 18, no. 1, pp. 56-76. DOI: 10.21638/spbu09.2021.104
- Zholobov O.F., Baranov V.A., 2022. Transformatsii leksicheskogo ryada život – zhizn – zhitie: opyt lingvostatisticheskogo opisaniya [Transformations of the Lexical Row život – žizn – žitie: A Linguostatistical Analysis]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 65-101. DOI: 10.31857/0373-658-X.2022.2.65-101
- Zaliznyak A.A., 2004. *Drevnenovgorodskiy dialect* [Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 872 p.
- Krylov S.A., Onipenko N.K., 2020. Mestoimenie [Pronoun]. Moldovan A.M., ed. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., pp. 340-344.
- Kukushkina O.V., Sheveleva M.N., 1991. O formirovaniy sovremennoy kategorii glagolnogo vida [On the Formation of the Modern Category of the Verb Aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 6, pp. 38-49.
- Maslov Yu.S., 1990. Imperfekt [Imperfect]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 174.
- Meillet A., 2000. *Obshchoslavjanskiy yazyk* [Common Slavic]. Moscow, Progress Publ. 500 p.
- Mishina E.A., 2002. Nastoyashchee uzualnoe i potentsialnoe v vostochnoslavjanskikh pamyatnikakh XI–XV vv. [Presence Usual and Potential in Eastern Slavic Monuments of the 11th–18th Centuries]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. 2001* [Linguistic Source Study and History of the Russian Language. 2001]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., pp. 199-228.
- Mishina E.A., 2016. Ob osobykh upotrebleniyakh form aorista i deystvitelnogo prichastiya proshedshego vremeni v drevnerusskikh letopisyakh [On the Special Uses of the Aorist Forms and the Active Participle of the Past Tense in the Ancient Russian Chronicles]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 10. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii» (30 maya – 1 iyunya 2016 g.)* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. Iss. 10. Proceedings of the International Scientific Conference “Grammatic Processes and Systems in Synchrony and Diachrony” (May 30 – June 1, 2016)]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradva RAN, pp. 418-436.
- Mishina E.A., 2017. K izucheniyu perfektivnogo imperfekta v drevnerusskom yazyke (v sopostavlenii so staroslavjanskim) [A Study of the Perfective Imperfect in Old Russian (In Comparison with Old Church Slavonic)]. *Russian Linguistics*, vol. 43, no. 1, pp. 1-15. DOI: 10.1007/s11185-016-9173-x
- Petrukhin P.V., Silina V.B., Krysko V.B., 2020. Vid [Aspect]. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: entsikl. slov.* [Historical Grammar of the Russian Language. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 31-37.
- Plungyan V.A., 2012. Predislovie [Foreword]. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 6. Tipologiya*

- aspektualnykh sistem i kategoriy* [Studies in the Theory of Grammar. Iss. 6. Typology of Aspectual Systems and Categories]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 7-42.
- Szemerényi O., 1980. *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie* [Introduction to Comparative Linguistics], Moscow, Progress Publ. 408 p.
- Silina V.B., 1982. Istoriya kategorii glagol'nogo vida [History of the Verb Aspect Category]. Avanesov R.I., Ivanov V.V., eds. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol* [Historical Grammar of the Russian Language. Morphology. Verb]. Moscow, Nauka Publ., pp. 158-279.
- Silina V.B., 1995. Vido-vremennye otnosheniya [Aspectual and Temporal Relationships]. Ivanov V.V., ed. *Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv.* [Old Russian Grammar of the 12th – 13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., pp. 374-464.
- Sheveleva M.N., 2018. Eshche raz ob imperfekte sovershen'nogo vida v vostochnoslavjanskikh pamyatnikakh [Once Again About the Perfective Imperfect in East Slavic Monuments]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (35), pp. 183-206.
- Shelyakin M.A., 2020. Vid [Aspect]. Moldovan A.M., ed. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Rus. yaz. Publ., pp. 69-71.
- Dostál A., 1954. *Studie o vidovém systému v staroslovenštině*. Prague, Státní pedagogické nakladatelství. 681 s.
- Eckhoff H.M., Janda L.A., 2014. Grammatical Profiles and Aspect in Old Church Slavonic. *Transactions of the Philological Society*, vol. 112, iss. 2, pp. 231-258.
- Večerka R., 1993. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur*. Freiburg. i. Br., Weiher. 411 S.
- SOURCES AND ELECTRONIC DATABASES**
- Galitsko-Volynskaya letopis [Galich-Volyn Chronicle]. *IL* [Ipatiev Chronicle], l. 245-307.
- Ipatevskaya letopis, ok. 1425 g. [Ipatiev Chronicle, Circa 1425]. *BAN* [Library of the Academy of Sciences], 16.4.4. 307 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080
- Kievskaya letopis. *IL* [Ipatiev Chronicle], l. 106 r.-245.
- Istoricheskii korpus «Manuskript»* [Historic Corpus “Manuscript”]. URL: <http://manuscripts.ru>
- Mstislavovo evangelie, do 1117 g. [Mstislav Gospel, Before 1117]. *GIM* [State Historic Museum], Sin. 1203. 213 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377
- Ostromirovo evangelie, 1056–1057 g. [Ostromir Gospel, 1056–1057]. *RNB* [National Library of Russia], f.p.1.5. 294 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436
- Povest vremennykh let [Tale of Bygone Years]. *IL* [Ipatiev Chronicle], l. 3-106 r.
- Panteleymonovo evangelie, XII–XIII vv. [Panteleimon Gospel, 12th–13th c.]. *RNB* [National Library of Russia], Sof. 1. 224 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270
- Simonovskoe evangelie, 1270 g. [Simonov Gospel, 1270]. *RGB* [State Library of Russia], Rum. 105. 167 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43532484
- Suzdalskaya letopis po Lavrentevskomy spisku [Suzdal Chronicle According to the Laurentian List]. *RNB* [National Library of Russia], F.p. IV.2. 1377, l. 96-173. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902
- Tipografskoe evangelie, XII v. [Typographic Gospel, 12th c.]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], tip. 1. 193 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871
- DICTIONARIES**
- Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1988. 750 p.
- Shvedova N.Yu., ed. *Russkiy semanticheskii slovar. Tolkovyy slovar, sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy. V 4 t. T. 4* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings. In 4 Vols. Vol. 4]. Moscow, RAN In-t rus. yaz., 2007. 952 p.
- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. 1–12* [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries). Vols. 1–12]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Azbukovnik Publ., 1988–2019.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–31* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries. Iss. 1–31]. Moscow, 1975–2019.
- Staroslavjanskiy slovar (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (According to the Manuscripts of the 10th – 11th Centuries)]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999. 842 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 1* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Progress Publ., 1986. 576 p.
- Slovník jazyka staroslověnského. T. 1–4*. Praha, Nakl. Československé akademie věd, 1956–1997.

Information About the Author

Oleg F. Zholobov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Applied and Experimental Linguistics, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, ozolobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7178-1890>

Информация об авторе

Олег Феофанович Жолобов, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, ozolobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7178-1890>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.3>UDC 811.161.1'04:81'37
LBC 81.411.2-03Submitted: 01.06.2023
Accepted: 09.10.2023**MODAL PREDICATES IN CONSTRUCTIONS WITH AN INFINITIVE CLAUSE
IN RUSSIAN WRITING OF THE 15th – 17th CENTURIES:
SEMANTICS AND DISTRIBUTION ¹****Yana A. Penkova**Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The paper is dedicated to the analysis of competition between modal predicates in constructions with an infinitive clause in Middle Russian writing. The focus is on the constructions with modal predicates (verbs, nouns, adjectives, predicatives) *podobati, nadlezhati, nalezhati, dolzhenstvovati, iměti, dolzhenъ, dolzhno, nadobě, nadoběть, nadobno, nado, nuzhno, nuzha, nuzhda*, combined with an infinitive. The data were collected from the Middle Russian Subcorpus of the Russian National Corpus, from the 15th – 17th century sources. Frequency, semantics, distribution in various writing genres, and dynamics of change are studied. It is shown that the systems of modal predicates in higher and lower code writing were significantly different, the literary language had a broader system, while in lower code writing the predicates of the group *nadobě, nadoběть, nadobno* were predominantly used, and the predicate *dolzhen* was employed occasionally. At the same time, the group *nadobě, nadoběть, nadobno* does not have a clear semantic specialization and is quite often used to express different types of necessity, while constructions with *podobati* show deontic necessity, and constructions with *iměti* express ontological necessity. In the late Middle Russian period, the process of gradual restructuring of the Middle Russian system of modal predicates begins: new types of predicates emerge and start to compete with the old ones.

Key words: modality, modal predicate, semantics, Middle Russian writing, historical lexicology, history of Russian language.

Citation. Penkova Ya.A. Modal Predicates in Constructions with an Infinitive Clause in Russian Writing of the 15th – 17th Centuries: Semantics and Distribution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 40-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.3>

УДК 811.161.1'04:81'37
ББК 81.411.2-03Дата поступления статьи: 01.06.2023
Дата принятия статьи: 09.10.2023**МОДАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В КОНСТРУКЦИЯХ С ИНФИНИТИВОМ
В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV–XVII ВВ.:
СЕМАНТИКА И ДИСТРИБУЦИЯ ¹****Яна Андреевна Пенькова**Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия;
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Работа посвящена изучению конкуренции между модальными предикатами в конструкциях с инфинитивом в среднерусской письменности. В центре внимания находятся конструкции с модальными предикатами (глаголами, существительными, прилагательными, предикативами) *подобати, надлежати, належати, долженствovati, имѣти, долженъ, должно, надобѣ, надобѣть, надобно, надо, нужно, нужда, нужда*, присоединяющими инфинитив. Материалом исследования послужили данные старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка в объеме источников XV–XVII веков. Охарактеризованы частотность, семантика, дистрибуция анализируемых конструкций в различных жанрах письменности, выявлена динамика изменений. Показано, что системы модальных предикатов в книжной и некнижной письменности существенно различались: в книжной письменности реализована широкая система конструкций с модальными предикатами, в некнижной письменности употреблялись преимущественно предикаты группы

надобь / надобьть / надобно и изредка предикат *должен*. Установлено, что предикаты *надобь, надобьть, надобно* не имеют четкой семантической специализации и часто используются для выражения разных типов необходимости, в то время как конструкции с *подобати* специализируются на выражении деонтической необходимости, а конструкции с *имѣти* – на выражении онтологической необходимости. В позднесреднерусский период начинается процесс постепенной перестройки среднерусской системы модальных предикатов: появляются новые предикаты, которые начинают конкурировать с уже существующими.

Ключевые слова: модальность, модальный предикат, семантика, среднерусская письменность, историческая лексикология, история русского языка.

Цитирование. Пенькова Я. А. Модальные предикаты в конструкциях с инфинитивом в русской письменности XV–XVII вв.: семантика и дистрибуция // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 40–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.3>

Введение: предварительные замечания и история вопроса

Настоящая работа посвящена модальным конструкциям с инфинитивом в среднерусской письменности. Модальность является весьма широким понятием, включающим, согласно Е.В. Падучевой, во-первых, объективную модальность, выражаемую категорией наклона, во-вторых, субъективную модальность, или отношение говорящего к сообщаемому, в рамках которой рассматриваются возможность и необходимость – главные понятия модальной логики, в-третьих, иллокутивную силу высказывания (вопрос, побуждение и т. д.) [Падучева, 2016, с. 20–21]. Нас интересует модальность как отношение говорящего к сообщаемому и в частности – способы выражения значения необходимости². Вслед за Е.В. Падучевой мы различаем онтологическую, деонтическую и эпистемическую необходимость. Онтологическая необходимость – это прежде всего необходимость логическая [Падучева, 2016, с. 70], для выражения которой современный русский язык обычно использует конструкции с прилагательным *должен*:

(1) Какая же это кружка? У кружки **должна** быть ручка [Падучева, 2016, с. 70].

Деонтическая необходимость – это обязательство, связанное с понятиями долга, морали [Падучева, 2016, с. 70]. Основные показатели деонтической необходимости – *должен, обязан, необходимо, обязательно, непременно, требуется, следует*, например:

(2) ...Махнул рукою арестованному, показывая, что тот **должен** следовать за ним. М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита [Падучева, 2016, с. 71].

Эпистемическая необходимость связана с выражением убеждения говорящего в высокой вероятности какого-либо события, например:

(3) Его **не должно** быть в это время в Москве [Падучева, 2016, с. 71].

В русской письменности ранних эпох набор средств выражения модального значения необходимости не совпадает с таковым в современном русском языке: с одной стороны, в среднерусской письменности были представлены далеко не все из используемых в современном языке способов обозначения модальных значений (так, почти все предикаты из списка выше, кроме предиката *должен*, в памятниках среднерусской письменности не зафиксированы), с другой стороны, употреблялись формы, отсутствующие в современном русском литературном языке. Далее сделаем небольшой обзор самих конструкций с инфинитивной клаузой, имевших в среднерусской письменности модальное значение, а также посвященной им литературы.

Конструкции с модальным значением необходимости в истории русской письменности изучены достаточно хорошо. Данному вопросу посвящена монография С.С. Ваулиной, в которой описывается эволюция средств выражения модальных значений с XI по XVII в. [Ваулина, 1988]. В исследовании Б. Ханзена охарактеризовано развитие модальных показателей в истории славянских языков в целом и приводятся схемы семантической эволюции модальных предикатов в истории русского языка [Hansen, 2001]. При описании динамики формирования системы модальных конструкций в истории русского языка Б. Ханзен во многом опирается на указанное выше исследование С.С. Ваулиной и материалы

исторических словарей. Данные по частотности конструкций исследователь заимствует из частотного словаря русской письменности второй половины XVI – начала XVII в., составленного А.А. Грузберггом (Грузберг, 1974). Из работ, в которых рассматриваются частные проблемы модальности, можно назвать публикации К.Н. Озолиной, О.А. Черепановой (см.: [Озолина 1970; Черепанова 1965]), последняя посвящена средствам выражения значения необходимости. Можно назвать также некоторые исследования, посвященные способам выражения оценочной модальности в истории русского языка, среди них диссертационные исследования Л.П. Дроновой [2006] и Е.Н. Капрэ [2011].

Согласно Б. Ханзену, ссылающемуся на работу С.С. Ваулиной, с XI по XVII в. самым частотным модальным предикатом, выражающим значение деонтической необходимости, является глагол *подобати*:

(4) Даріи же събираше воеводы прьскыа и съвѣщашеса с ними, что ємоу **подобать** сътворити (Александрия, XI–XIII вв.) [Hansen, 2001, S. 391].

В ряду средств выражения модального значения необходимости в среднерусской письменности использовались предикативы *надобѣ* (*надоби*, *надобѣ*), *надобѣть* (*надобеть*), *надобно*, *надо*. М. Фасмер возводит эти предикативы к форме местного падежа существительного *надоба* (Фасмер, с. 38), отмеченного в диалектах (СРНГ, с. 240), однако не зафиксированного в исторических словарях. Б. Ханзен предлагает другую этимологию – предложно-падежное сочетание *на добѣ* [Hansen, 2001, S. 376]. Предикатив *надобѣ* может иметь приращение *-ть*: *надобѣть* (*надобеть*). Такую форму принято возводить к конструкции *надобѣ есть* [Hansen, 2001, S. 377]. Усеченная форма *надо* является, по-видимому, следствием переразложения основы.

В современном русском литературном языке сохраняется только предикатив *надо*, тогда как *надобно* принадлежит к просторечию (МАС, с. 345). Форма *надобе* сохранилась только в диалектах (СРНГ, с. 240). В говорах известна также форма *надоть* (СРНГ, с. 247), не зафиксированная в среднерусской письменности. В современном русском языке предикатив *надо* употребляется преимущественно

в контекстах практической необходимости (МАС, с. 345), в среднерусской письменности перечисленные выше однокоренные предикативы употреблялись шире – для обозначения деонтической необходимости или возможности, например:

(5) се дасте курилъ юрєвичє село фєдора лапышева свѣтѣи бѣѣ игумену и черєнєчємо и свєму стаду на кѣромлєнїє... а в то село не **надобѣ** втупатїсе братїє [‘не следует; нельзя’] моєи и детємо моимъ а на то послухъ сватѣа бѣа и отєце мои дѣхувнїи стєпаню (Данная Кирилла Юрьевича Богородицкому монастырю на село Федора Лапышева, 1398 – вторая половина 1410-х).

Согласно исследованиям Б. Ханзена и С.С. Ваулиной, предикатив *надобѣ* был распространен преимущественно в юридических текстах, однако с XVI в. он утратил свою стилистическую маркированность [Ваулина, 1988, с. 114; Hansen, 2001, S. 377]. В это же время появилась усеченная форма *надо*. Вариант *надобно* приобрел эпистемические употребления не ранее XIX в., последние нехарактерны для данной формы в современном русском языке:

(6) Нетрудно было понять, что **надобно быть** чему-нибудь необыкновенному (Добрынин) [Hansen, 2001, S. 378].

В упоминаемой выше монографии Б. Ханзена не указывается на семантические различия между формами *надобѣ* (*надоби*), *надобно*, формами с наращением *надобѣть* (*надобеть*) и усеченной формой *надо*. Необходимо проверить, имеются ли наряду с формальными семантические различия между этими единицами.

В современном русском языке одним из синонимов предикатива *надо* служит предикатив *нужно*, который обычно употребляется в значении практической необходимости (МАС, с. 514):

(7) Чтобы разжечь костер <Цель>, мне <Субъект цели> **нужны** спички <Потребность> (пример из: [Падучева, 2016, с. 70]).

Однако в истории русского языка предикатив *нужно* и прилагательное *нужный* (*нуждный*) очень долго функционировали

вне зоны модальных значений – в значениях ‘сильно, крепко, жестоко’; ‘с принуждением’, ‘насильственно, мучительно’; ‘тяжело, трудно’ и т. д. (см.: СлРЯ XI–XVII, с. 443–448). Согласно исследованию С.С. Ваулиной, данные формы в модальном употреблении до XVII в. встречаются лишь спорадически и исключительно в книжной письменности:

(8) **Нуждно** убо **есть** всякууму мужю жития ради **ясти** [Hansen, 2001, S. 387].

Помимо предикатов *нужно* и *нужный*, еще с древнерусского периода в письменности встречаются модальные конструкции с существительными *нужа* и *нужда* (данные конструкции в монографии Б. Ханзена не рассматриваются):

(9) Да **ноужа** ми **е(с)** **мльчати** ѡ томъ не вѣдѣ бо то лъжа ли **е(с)** истѣна ли (Илия-Иоанн Новгородский. Поучение Илии-Иоанна, 1165–1186);

(10) Хочеть же слово сказати аки нѣкое преселение, – пресели бо ся Кириль отъ Ростова въ Радонежь, – како же или что ради преселися; аще бо и много имаю глаголати, но обаче **нужа** ми **бысть** о семь **писати** (Никоновская летопись, 1526–1530);

(11) И оттолѣ **нужда** ми **бысть распытовати** и **въпрашати** древних старцовъ (Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского 1417–1418).

Прилагательное *долженъ* изначально использовалось для «долговых» контекстов (12), однако довольно рано распространилось на область деонтической необходимости (13), ср.:

(12) злато и сребро **вѣда** свое(г). оу сергіа. съ же оугазвленъ **бывъ** ѿ диввола. и **мнѣ**(вз) **привверѣсти** богатьство. животъ съ дѣшено погуби. глѣ оуноши **вѣць** твои все имѣние **бви** раздалъ. оу того проси свое(г) **злата** же и **севра**. тѣ ти **долженъ** (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, первая треть XIII в.);

(13) и **взи** братиѣ **донелѣже** са миръ състоитъ молитѣ **бѣ** за ма и за **моѣ** дѣти кто са изветанеть **вз** мандетъри то **взи** тѣмъ **дължны** **иесте** **молити** за ны **бѣ** и при животѣ и **вз** **смырти** (Жалованная данная князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю, 1130).

В современном русском языке *должен* имеет весьма широкую дистрибуцию, включающую контексты онтологической, деон-

тической и эпистемической необходимости (см. примеры Е.В. Падучевой выше). Однако согласно Б. Ханзену, в русской письменности последний (эпистемический) тип употребления у прилагательного *должен* развивается не ранее XVIII века. Поздним образованием является и вводное *должно быть* [Hansen, 2001, S. 374].

Предикатив *должно* встречается в письменности редко (в указанной работе семантические особенности этого предикатива в старорусский период не описываются, указывается лишь на параллелизм с прилагательным *должен* [Hansen, 2001]). Приведем пример из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ):

(14) Глагола къ братиам: «Подвигъ немаль **дължно** ны **есть** **подвизатися** на невидимаго врага: сей бо акы левъ рыкаа ходить, ища когождо хотя поглотити» (Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского, 1417–1418).

В языке XVIII в. предикатив *должно* также развивает эпистемические употребления:

(15) Мы решительно ничего не знаем, а **должно случиться** чему-нибудь важному, потому что кареты беспрестанно шныряют по Тверской (Жихарев) [Hansen, 2001, S. 374].

Таким образом, к началу среднерусского периода в письменности для выражения значения необходимости употреблялись инфинитивные конструкции с предикатами *подобати*, *долженъ*, *нужно* / *нужда* / *нужа*, *надобѣ*.

К концу среднерусского периода, согласно исследованию Б. Ханзена, к этому списку добавляются модальные предикаты *надобѣть*, *надобно*, *надо*, *долженствовати* и *надлежати* (глагол *надлежати* употреблялся и в древнерусских памятниках письменности, однако не в модальном, а в пространственном значении). Последний развивает модальные значения в конце XVII в., по-видимому, под влиянием польского когната *należy* [Hansen, 2001, S. 383].

В письменности встречается также глагол *належати*. Б. Ханзен не описывает различий между *надлежати* и *належати*, сосредотачиваясь только на первом из двух модальных предикатов. *Надежати* (в отличие от *належати*)

сохраняется и в современном русском языке, однако маркирован стилистически, имеет помету *книжн.* в МАС (с. 345):

(16) Эх, Петр Андреич! **надлежало** бы мне **посадить** тебя под арест (Пушкин, Капитанская дочка).

Модальный предикат *долженствовати* встречается в письменности XVII в. крайне редко, в монографии Б. Ханзена подробно не рассматривается.

В современном русском языке в модальных значениях распространены также безличные глагольные формы *следует, приходится, придется*, которые развивают модальные употребления еще позднее – не ранее XIX в. и в настоящей работе не анализируются.

Еще одним средством выражения модальности в русской письменности на протяжении всего периода с XI по XVII в. является конструкция «*имамь* + инфинитив». Ее основным значением было значение неизбежности, близкое к онтологической необходимости (для аналогичной старославянской конструкции А.А. Козлов использует понятие усиленной ассерции [Козлов, 2014]). Данная конструкция еще в древнерусской письменности могла употребляться также в значении деонтической необходимости [Юрьева, 2009; 2011; Шевелева 2017]. Такое употребление было редким в оригинальной письменности, однако в переводных церковнославянских текстах оно встречалось чаще [Пенькова, 2023]. В позднесреднерусский период употребление в деонтических контекстах подкрепляется влиянием аналогичной польской конструкции [Moser, 1998, S. 330–335]. Изредка «*имамь* + инфинитив» могла употребляться в контекстах внешней возможности [Пенькова, 2021; 2023], однако ее основной сферой употребления были контексты с модальным значением необходимости:

(17) Иже чюжего желаетъ, то по малѣ дѣии и по своемъ рыдати имать [‘будет вынужден оплакивать’] Пчела (XI–XIII вв.).

Независимый инфинитив также широко употреблялся для передачи различных модальных значений в не книжной письменности, однако мы данную конструкцию в работе

не рассматриваем, поскольку в ней отсутствует модальный предикат – показатель модального значения. Наше внимание будет сосредоточено только на таких конструкциях, которые имеют показатель модального значения и присоединяют инфинитивную клаузу.

Материал и методы исследования

Из представленного выше обзора очевидно, что основные исследования конструкций с модальным значением проводились еще в «докорпусную» эпоху развития исторической русистики. Корпусного исследования данных конструкций до сих пор не предпринималось. В настоящей работе мы попытаемся расширить и уточнить наши знания об истории инфинитивных конструкций с модальным значением необходимости в среднерусской письменности, оценивая частотность и динамику изменений на материале данных среднерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка, содержащего источники XV–XVII веков. Объем корпуса значителен, база данных продолжает пополняться текстами разных жанров. На момент написания статьи подкорпус составлял 8 585 531 словоформ.

В настоящей работе мы ограничиваемся только конструкциями с инфинитивной клаузой, это позволяет исследовать формально сопоставимые единицы, исключив из рассмотрения другие разновидности употребления модальных предикатов (например, вводные), существенно усложняющие картину.

Для исследования мы собрали корпус цитат (всего 983 контекста), в который вошли все употребления следующих модальных предикатов с инфинитивной клаузой, встречающиеся в текстах старорусского подкорпуса НКРЯ в границах XV–XVII вв.: *подобати, долженъ, должно, долженствовати, надо, надобъ (надобе, надобь), надобѣть (надобеть), надобно, нужда, нужда, нужно, надлежати, належати*.

Далее мы классифицировали эти контексты по следующим параметрам:

- тип модального предиката,
- частотность,
- название источника,
- дата источника³,
- признаки книжности / не книжности в контексте,

- жанр источника (летописи, жития, по- сольские книги, грамоты, письма и т. д.),
- тип модального значения (онтологиче- ская, деонтическая, практическая необходи- мость или возможность).

Результаты и обсуждение

Частотность

Рассматриваемые конструкции в памят- никах среднерусской письменности различа- ются по частотности (табл. 1). Для удобства восприятия в левой колонке приводим не полное название конструкции, а только тип модального предиката. Далее указываем ко- личество примеров отдельно по векам и во всех памятниках среднерусского периода. По- лужирным выделены наиболее частотные для того или иного периода предикаты.

Из таблицы видно, что на протяжении всего среднерусского периода самым частот- ным модальным предикатом был глагол *подо- бати*, имеющий тот же корень, что и *надобъ*, *надобно*. При этом в разное время доля кон- текстов с *подобати* в сопоставлении с долей других предикатов по отношению к общему количеству примеров варьирует: в текстах XV в. *подобати* встречается чуть более чем в половине всех употреблений модальных предикатов в конструкциях с инфинитивом, в XVI в. его доля выше – примерно три чет-

верти от общего количества употреблений. На- против, в текстах XVII в. доля этого предиката существенно сокращается и становится ниже, чем в XV в.: менее половины от общего коли- чества употреблений модальных конструкций за данный период. В то же время предикат *надобно* в несколько раз увеличивает свою частотность. Такие колебания в частотности, на наш взгляд, неслучайны и отражают начало перестройки системы модальных предикатов в XVII веке.

Изменения заметны и в группе *надобъ* (*надобь*) / *надобьтъ* / *надобно* / *надо*. Основ- ной формой в конструкции с инфинитивом в XV–XVI вв. является *надобъ*, которую в XVII в. начинает вытеснять *надобно*. Форма с приращением *надобьтъ* встречается редко, усеченная форма *надо* зафиксирована только в одном контексте, отметим, что М. Фасмер указывает на употребление *надо* в полоцкой грамоте 1407 г. (Фасмер, с. 38).

В группе *должен* / *должно* / *должен- ствовати* основным в конструкции с инфи- нитивом является прилагательное *должен*, предикатив *должно* употребляется на про- тяжении всего среднерусского периода лишь sporadически, а *долженствовати* изредка появляется в источниках не ранее XVII в., являясь своего рода «пробным» вариантом, не закрепившимся в языке.

В группе *нужа* / *нужда* / *нужно* основ- ным в конструкции с инфинитивом и при этом

Таблица 1. Частотность модальных предикатов в конструкциях с инфинитивом в памятниках среднерусской письменности

Table 1. Frequency of modal predicates in constructions with an infinitive clause in Middle Russian writings

Тип модального предиката	XV в.	XVI в.	XVII в.	Всего
<i>Должен</i>	13	31	44	88
<i>Должно</i>	3	9	6	18
<i>Долженствовати</i>	0	0	9	9
<i>Надобъ</i>	27	37	21	85
<i>Надобьтъ</i>	2	7	17	26
<i>Надобно</i>	1	6	70	77
<i>Надо</i>	0	0	1	1
<i>Нужа</i>	3	7	0	10
<i>Нужда</i>	6	2	18	26
<i>Нужно</i>	0	1	3	5
<i>Надлежати</i>	0	1	26	27
<i>Належати</i>	0	1	2	3
<i>Подобати</i>	89	397	122	608
Все типы	145	499	339	983

малочастотным является предикат *нужда*, вариант с восточнославянским рефлексом **dj* *нужа* встречается еще реже и только в источниках XV–XVI веков. *Нужно* представлен единичными примерами. В этом отношении показательны контексты, в которых *нужно* может сосуществовать с модальным предикатом, поскольку не имеет модального значения:

(18) Да писали мы къ тебѣ, великому государю, о каменщикахъ, и пожалуй, великий государь, изволь къ намъ прислать каменщиковъ, колки тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ, а намъ, великий государь, **гораздо нужно надобъ** каменщики [‘очень сильно нужны’], а взять здѣсь, государь, каменщиковъ стало негдѣ (Отписка патриарху Никону от архимандрита Иверского монастыря Дионисия, 1657);

(19) И как бы так быть не имел, тогда можешь иногo вместо Байзета, сего ради **нужно подобает** но и скорей за утекшими **послать** в погоню (Темир-Аксаково действо, 1675).

В группе *надлежати / належати* основным в конструкции с инфинитивом является форма *надлежати*, тогда как *належати* представлен единичными примерами. *Надежати* – еще одна инновация в системе XVII в., более успешная, нежели *долженствовати*, поскольку данный модальный предикат сохранился вплоть до настоящего времени.

В целом можно сказать, что для периода XV–XVI вв. основными модальными предикатами в конструкциях с инфинитивом являются предикаты *подобати*, *надобъ* и – в существенно меньшей степени – *должен*, в XVII вв. некоторую конкуренцию последним составляют конструкции с *надобно*.

Параметр «книжность / некнижность»

Охарактеризуем распределение конструкций в зависимости от степени книжности / некнижности контекста. При классификации отобранных из корпуса контекстов мы приписывали значение параметра «книжное / некнижное» не всему источнику в целом, а только тому фрагменту, в котором употребляется интересующий нас модальный предикат. При классификации контекстов мы отказались от традиционного деления на церковнославянский, гибридный, деловой и бытовой регистры и ориентировались только на признаки книж-

ности в контексте, например: наличие аориста, имперфекта, связки 3 л. в конструкции с л-формой, действительных и страдательных причастий настоящего времени, маркированных книжных окончаний существительных и прилагательных, союзов *аще*, *егда*, *дондеже* и т. п., относительных местоимений *иже*, *яже*, *еже* и др. [Живов, 2017, с. 205–314]. Такой подход связан с тем, что в среднерусский период многие тексты относятся к гибриднему регистру письменного языка, однако книжные и некнижные элементы распределены в них неравномерно. Это характеризует жанр летописей, которые могут содержать значительное количество вставных текстов, например, житий с большим набором книжных черт в сравнении с основным текстом летописи. Такие нарративные жанры, как повести, сказания, также могут существенно различаться по степени книжности языка. Еще одним примером такого рода может служить «Домострой», в котором выделяются фрагменты разной степени книжности, или Житие Аввакума, содержащее фрагменты высокой степени книжности и, напротив, фрагменты, где сочетаются черты живого языка того времени и некоторые книжные особенности, см.:

(20) И там ему от образа глас бысть во время м[о]л[и]твы: «Время приспѣ страдания, **подобает** вам неослабно **страдати!**» (протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, 1672–1675);

(21) Подлѣ реки Сундовика меня водили и били, а сами говорятъ: Нам де ты отданъ за то, что братъ твой на лошед[ь] променял кн[и]гу, а ты ея любиш[ь], так де мнѣ **надобе поговорит[ь]** Аввакуму, брату, чтоб кн[и]гу ту назад взял, а за нея бы дал ден[ь]ги двоюродному брату (протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, 1672–1675).

Контексты типа (20) мы относим к книжным, контексты типа (21) – к некнижным. Понятие «гибридный», хорошо описывающее язык такого рода текстов, сочетающих в себе элементы книжности и живого языка, на наш взгляд, не подходит для классификации самих контекстов и во многом затемняет и усложняет картину распределения модальных предикатов. Система регистров письменного языка, разработанная В.М. Живовым, учитывается нами при классификации примеров в

соответствии с жанровой принадлежностью источника.

Охарактеризуем распределение конструкций по контекстам, в которых преобладают признаки книжности (табл. 2). В таблице указываем количество употреблений по векам и во всех источниках подкорпуса текстов XV–XVII веков. В скобках для наглядности указываем общее количество употреблений во всех источниках независимо от значения параметра «книжность / некнижность».

Как видно из таблицы, рассматриваемые модальные предикаты четко распределяются на те, которые тяготеют к контекстам с преобладанием книжных элементов, и те, которые предпочитают контексты некнижные. К первым относятся предикаты *подобати*, *должен* / *должно* / *долженствовати*, *нужа* / *нужда* / *нужно* (в данной группе восточнославянский рефлекс **dj* никак не противопоставлен южнославянскому) и *належати*. При этом выделяются исключительно книжные предикаты (*должно*, *нужа*, *нужда*, *належати*) и преимущественно книжные, которые возможны и в некнижных контекстах (*подобати*, *должен*, *долженствовати*, *нужно*). Единственный пример с предикатом *нужда* в некнижном употреблении относится к концу XVII в.:

(22) А которому капитану **есть нужда**, чтоб вскоре ис того порту **вытти** в моря, и о том будет просить адмирала, чтоб, не умедля, велел карабль ево ис порту вывезть в море (Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697–1699).

Подобати постепенно «расшатывает» свой стилистический статус: если в текстах XV в. он ведет себя как исключительно книжный предикат, то в источниках XVII в. – уже как преимущественно книжный, ср. пример (23) и – в особенности – (24), в котором в одном контексте оказываются *подобати* и *надобеть*:

(23) Видя краль такое мужество князя Петра, дивовался такой силѣ и рекл сенатыремъ своимъ: «**Подобаеть** намъ такова богатыря **почтити** и **одарить** за такое ево славное храбрѣство (Повесть о Петре златых ключей, 1662);

(24) Во всяком государстве без согрешенья не бываеть, и **надобет поучати** проступниковъ лехким обычаемъ того для, что начальником **подобаеть показати** милость подданым собе, а побѣжати гордыхъ (О причинах гибели царств, 1600–1610).

К преимущественно некнижным предикатам принадлежит группа *надобѣть* / *надобѣть* / *надобно* / *надо* и предикат *надлежати*. Если предикаты из первой проникают в книжные контексты лишь спорадически, то последний нуждается в отдельном комментарии, поскольку употребляется практически только в памятниках рубежа XVII–XVIII вв. (текстах, принадлежащих перу Петра I, Путешествии стольника П.А. Толстого, записках И.А. Желябужского):

(25) И как от Венецыи, переехав в той пиоте моря, въехали в реку, которою **надлежало** нам **ехать** до Падвы, тут пиотчик, которой меня на той

Таблица 2. Частотность модальных предикатов в конструкциях с инфинитивом в контекстах с признаками книжности

Table 2. Frequency of modal predicates in constructions with an infinitive clause in contexts with high-code features

Тип модального предиката	XV в.	XVI в.	XVII в.	Всего
<i>Должен</i>	10	33	26	69 (88)
<i>Должно</i>	3	9	6	18 (18)
<i>Долженствовати</i>	0	0	7	7 (9)
<i>Надобѣть</i>	1	3	0	4 (85)
<i>Надобѣть</i>	0	0	1	1 (26)
<i>Надобно</i>	0	0	1	1 (77)
<i>Нужа</i>	3	7	0	10 (10)
<i>Нужда</i>	6	2	17	25 (26)
<i>Нужно</i>	0	1	2	3 (4)
<i>Надежати</i>	0	1	3	4 (27)
<i>Надежати</i>	0	1	2	3 (3)
<i>Подобати</i>	89 (89)	373 (397)	90 (122)	552 (608)

пюте вес, нанял лошадь, и тое пюту привезал к той лошади, и тою лошадью вес меня в той пюте до Падвы (Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697–1699);

(26) И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть безспорно, но **надлежит разуметь**, над каким войском оную учинили, ибо толко один старой полк Лафортовский был (которой пред тем назывался Шепелева) (А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721));

(27) А особо **надлежит** того осмотрение **имети**, что неприятельские пушки, хотя из них в день в великом множестве и стреляют, однако ж нашим мало вреда чинити могут; чинятся такожде из города и вылазки, но, однако ж, кончаваются паки посечением несколько неприятелей и прогнанием их (И.А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709)).

Таким образом, в книжных памятниках набор конструкций с модальными предикатами намного шире, чем в некнижных. В последних использовались преимущественно предикаты группы *надобь / надобьть / надобно* и изредка предикат *должен*. При этом довольно неожиданно, что распространяющийся в письменности конца XVII в. предикат *надлежати* изначально также тяготел к некнижным контекстам, тогда как в словарях современного русского языка он снабжается пометой *книжн.* (см. выше).

Жанр источника

Рассмотрим распределение модальных предикатов по различным жанрам книжной, гибридной, деловой и бытовой письменности (см. табл. 3).

Как видно из таблицы, в самом широком наборе жанров книжной (церковнославянской и гибридной) письменности представлен предикат *подобати*, а в самом широком наборе жанров некнижной (деловой и бытовой) письменности – *надобно*. Кроме того, данная таблица также позволяет нам выявить различия между однокоренными предикатами внутри одной группы. Так, в группе *должен / должно / долженствовати* обнаруживаются различия между согласуемым предикатом *должен*, безличным предикативом *должно* и глаголом *долженствовати*: предикат *должен* имеет широкую дистрибуцию, может употребляться и в церковнославянских, и в гибридных, и в дело-

вых, и в бытовых текстах, *должно* – предикат церковнославянских и гибридных памятников, причем более ограниченного количества жанров (отсутствует в летописях и сказаниях, в отличие от предиката *должен*), предикат *долженствовати* тяготеет к языку драматических произведений (5 примеров из 9).

В группе *нужа / нужда / нужно* выделяется исключительно книжный предикат *нужа* более ограниченного употребления (только церковнославянские и гибридные тексты) и нестрогие книжные *нужда* и *нужно*, проникающие в конце XVII в. в деловые и бытовые жанры (уставные грамоты, путевые записки).

В группе *надлежати / належати* выделяется предикат *належати* ограниченного употребления (только исторические сочинения).

В группе *надобь / надобьть / надобно / надо* самый широкий жанровый диапазон у *надобно* (гибридные, деловые, бытовые тексты) и несколько уже у *надобь* (гибридные и деловые). *Надобь* и *надобно* между собой противопоставлены скорее хронологически: *надобно* в XVII в. начинает вытеснять *надобь* в конструкциях с инфинитивом (см. табл. 1).

Тип модального значения

Рассмотрим семантические особенности модальных предикатов в конструкциях с инфинитивом, разграничивая онтологическую, практическую и деонтическую необходимость⁴ (см. табл. 4).

Анализировать данные таблицы можно, сопоставляя, с одной стороны, количество употреблений в одной строке, с другой – количество употреблений разных модальных предикатов в одном столбце. Таким образом, мы видим, что группа *должен / должно / долженствовати* специализировалась в большей степени на выражении значений деонтической модальности, связанной с понятиями обязательств и морального долга, что, безусловно, связано с архетипическим значением корня *долг-*:

(28) По крестному целованию за отчину своего государя царя и великого князя Ивана Василиевича всея Руси и за его чада, царевича князя Феодора Ивановича, мы такоже **должни умрети**, а монастыря, Богомъзданныя пещеры, не отдадим (Повесть о Псково-Печерском монастыре, 1603);

Таблица 3. Распределение модальных предикатов в конструкциях с инфинитивом в текстах различных жанров

Table 3. Distribution of modal predicates in constructions with an infinitive clause in texts of various genres

Тип модального предиката	Жанры письменности			
	Церковно-славянские	Гибридные	Деловые	Бытовые
<i>Должен</i>	Жития, похвальное слово	Исторические сочинения, драматургия, летописи, сказания, повести, послания	Грамоты, отписки, статейные списки	Письма, путевые записки
<i>Должно</i>	Жития	Послания, драматургия, повести, исторические сочинения	–	–
<i>Долженствовати</i>	–	Драматургия, послания	Патриаршие грамоты	Письма, записки
<i>Нужа</i>	Жития, похвальное слово	Послания	–	–
<i>Нужда</i>	Жития	Послания, драматургия, исторические сочинения, сказания	–	Путевые записки
<i>Нужно</i>	–	Исторические сочинения, послания, житие Аввакума	Уставная грамота	–
<i>Належати</i>	–	Исторические сочинения	–	–
<i>Надлежати</i>	Похвальное слово	Повести, исторические сочинения	Грамотки	Записки, путевые записки
<i>Надобь</i>	–	Послания, летописи, заговоры, житие Аввакума, видения, устав, Домострой	Грамоты различных жанров; посольские, разрядные, торговые книги, статейные списки, отписки	–
<i>Надобьтъ</i>	–	Повести, летописи, публицистика, исторические сочинения, послания	Жалованные грамоты, разрядные книги	–
<i>Надобно</i>	–	Повести, летописи, заговоры, пророчества, сказания, драматургия, исторические сочинения, устав	Грамоты, грамотки, отписки, памяти, наказы, сказки, приходные, разрядные, посольские книги, статейные списки	Письма, путевые записки
<i>Надо</i>	–	–	Грамотки	–
<i>Подобати</i>	Песнопения, жития, деяния, мучения, поучения, слова, хроника	Повести, драматические произведения, летописи, сказания, исторические сочинения, послания, видения	Описи ⁵ , грамоты (патриаршие и митрополичьи), Соборное уложение, посольские книги	Путевые записки, хожения

Таблица 4. Дистрибуция модальных предикатов в конструкциях с инфинитивом в зависимости от типа модального значения

Table 4. Distribution of modal predicates in constructions with an infinitive clause depending on the type of modal meaning

Тип модального предиката	Модальное значение			Всего
	Онтологическая необходимость	Практическая необходимость	Деонтическая необходимость	
<i>Должен</i>	9	–	78	88
<i>Должно</i>	7	–	11	18
<i>Долженствовати</i>	–	–	9	9
<i>Надлежати</i>	11	–	16	27
<i>Належати</i>	–	–	3	3
<i>Нужа</i>	6	3	1	10
<i>Нужда</i>	16	4	5	25
<i>Нужно</i>	3	1	–	4
<i>Надобъ</i>	24	20	39	83
<i>Надобъть</i>	13	4	9	26
<i>Надобно</i>	31	8	37	76
<i>Надо</i>	1	–	–	1
<i>Подобати</i>	41	7	554	602
Всего	162	47	762	–

(29) А тебе, моему господину, **должно послушати** моего худого наказания (Формулярный извод послания некоего старца его мирскому духовному сыну, находящемуся на государевом жаловании и не заботящемся о собственном младшем брате, 1470–1530);

(30) При сем же молим твоего блгоутробия пожалуи ради ншго прошения боуди сна своего Дмитрия до семи а ншея дщери до Домны и до ево Дмитриевых детеи до Василя до Дмирия млстивъ і во всемъ приятство свое к ним кажи а мы смиреннии са твою млсть **долженствуем** бга **молить** (Ивану Савиновичу от неустановленного лица, 1687).

При этом у предикатов группы *надобъ* / *надобъть* / *надобно*, в отличие от предикатива *надо* в современном русском языке, также преобладают употребления в значении деонтической модальности (хотя таких контекстов в целом больше по выборке, чем контекстов на другие типы необходимости), ср.:

(31) Ино **надобъ** всякому человеку тщеславия **бѣгати** и похвалы, и неправеднаго собрания, жити по силе и по промыслу, и по смѣте, и по добытку своею правою силою (Домострой, 1500–1560);

(32) І вамъ для того **надобно** намъ, великому государю, служба своя съ великимъ радѣньемъ **показати**, і государству нашему отъ войны помочь чинити, чтобъ православныхъ крестьянь въ плѣнь і въ росхищенье не дать (Царская грамота Донскому войску..., 1638).

Таким образом, мы имеем высокочастотный предикат *подобати* и группу менее частотных предикатов с корнем *долг-*, тяготеющих к выражению значений деонтической модальности в книжных контекстах, и группу *надобъ* / *надобъть* / *надобно*, выражающую данную семантику в некнижной письменности. При этом предикаты группы *надобъ* / *надобъть* / *надобно* все же не имеют четкой специализации и довольно часто употребляется для выражения значений онтологической (33) и практической (34) необходимости, являясь своего рода универсальным модальным показателем для некнижных текстов:

(33) Естьли б въдал, что мѣртва, я бы много и не печалился о том: многая для ее ради претерпѣлъ, а нынѣ мнѣ еще **надобеть** и болѣ того **терпѣть** [‘придется претерпеть’] за вину свою, что я ее от отца и матери увезъ и в непроходномъ лѣсе покинул (Повесть о Петре златых ключей, 1662);

(34) А впередъ будетъ вамъ, брату нашему, хлѣба **купить будетъ надобно** [‘будет нужно, потребуется’], и вамъ бы о томъ къ нашему царскому величеству отписати имянно, колко вамъ хлѣба **купить надобно** (Царская грамота к датскому королю Христиану IV [...], 1629).

Для группы *нужа* / *нужда* / *нужно* сложно делать определенные выводы, так как эти предикаты редки в письменности.

Надлежати, в отличие от современного употребления, мог обозначать не только деонтическую, но и онтологическую необходимость:

(35) И как от Венеции, переехав в той пиоте моря, въехали в реку, которую **надлежало** нам **ехать** до Падвы (Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697–1699).

Выводы

Проведенное корпусное исследование позволяет заключить, что в книжной и некнижной письменности были представлены разные системы модальных предикатов: для первой были характерны прежде всего конструкции с *подобати* и *долженъ*, для второй – *надобъ* / *надобъть* / *надобно*. В книжной письменности реализуется система, в которой оба наиболее распространенных модальных предиката (*подобати* и *долженъ*) тяготеют к употреблению в контекстах деонтической модальности, в некнижной письменности – система, в которой частотные предикаты группы *надобъ* / *надобъть* / *надобно* не специализированы на выражении определенного типа необходимости.

По-видимому, такой дисбаланс в книжной письменности объясняется тем, что в ней существовала также конструкция с глаголом *имѣти*: «*имамь* + инфинитив». Эту конструкцию мы не включили в статистику, поскольку она подробно исследована на материале древне- и раннесреднерусской письменности в работах И.С. Юрьевой и М.Н. Шевелевой (см., например: [Юрьева, 2009; 2011; Шевелева, 2017]), а на материале позднесреднерусской письменности – в нашей работе [Пенькова, 2022] (см. также обзор выше). Основным значением этой конструкции была именно онтологическая необходимость (значение неизбежности и шире – усиленной ассерции: ‘непреречно, обязательно произойдет Р’), так что функции выражения разных типов необходимости были распределены между конструкцией с *имѣти*, с одной стороны, и конструкциями с *подобати* и *долженъ*, с другой.

При этом конструкции с другими модальными предикатами также могли выражать значение неизбежности (примеры 36–38),

характерное для «*имамь* + инфинитив», а конструкция с *имѣти* могла проникать в область деонтической модальности (пример 39):

(36) Кто ся не хошет и в юности труждати, **Должно** тому есть в старости **страдати** [‘придется пострадать’] (Интермедии. (Междоречие), последняя четверть XVII в. – начало XVIII в.);

(37) И хотя бо кто добрая словеса изглаголати о своемъ государи, и да просит у Бога слова на отвержение устомъ, и аще ли человекъ ища разума, той **долженъ** есть **навыкнути** слову [‘обязательно научиться’] (Инок Фомы Слово похвальное, 1450–1455);

(38) А инъ же отъ служащих его глаголя: «**Не подобает** убо таковому телеси ево в земли **разсыпатися** [‘ни за что не рассыпется’]: вѣм бо его телесную чистоту, купно же и духовную» (Писание о преставлении и погребении Михаила Скопина-Шуйского, 1612);

(39) Тако началъ<ь>никъ всякаго самодръжства блудящихъ и врежающихъ грѣшникъ **понудити** **имать** [‘должен побуждать’] на согласие благыхъ грозою закона и правды, а добрыхъ подвластныхъ беречи своимъ жалованиемъ и уроженною милостью и раздражати къ добродѣтелямъ и добрымъ деломъ (Посл. Карпова мт. Дан., Сб. Друж., 110, XVI в.).

Однако такие употребления не были для данных форм основными.

В некнижной письменности дисбаланса в сторону деонтических контекстов не наблюдается, поскольку конструкция «*имамь* + инфинитив» была для этих текстов нехарактерна. Кроме того, в некнижной письменности широко распространены инфинитивные конструкции без модального предиката (или с «нулевым» модальным показателем), которые также не имели специализации на выражении какого-либо определенного типа необходимости, например:

(40) А где, брате, мнѣ, великому кн[а]зю, **всѣсти** на конь [‘придется, потребуется’], и тобѣ, брате, **пойти** [‘следует пойти’] съ мною без вслушанья (Докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем, 1447).

Здесь инфинитив *всѣсти* употреблен в значении онтологической или практической необходимости, а инфинитив *пойти* – в значении деонтической необходимости.

В позднесреднерусский период система, в которой конструкции противопоставлены стилистически, а в книжной письменности и семантически, начинает расшатываться. С одной стороны, книжные формы начинают проникать в тексты деловые и бытовые, с другой стороны, появляются новые конкуренты (*долженствовати, надлежати, надобно*), которые пытаются закрепиться в языке. Специализация «*имамь* + инфинитив» также начинает размываться в этот период [Пенькова 2021], что является признаком начавшейся перестройки системы модальных предикатов. По-видимому, основные изменения в этой системе происходят уже в постпетровскую эпоху, которой должно быть посвящено отдельное исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

The study is given a financial support by The Russian Science Foundation, the research project no. 20-18-00206 entitled “Distributional-quantitative analysis of semantic changes based on large diachronic text corpora”.

² Конструкциям со значением возможности должно быть посвящено отдельное исследование.

³ Мы цитируем примеры из НКРЯ в той орфографии, в которой они представлены в корпусе, при цитировании и в статистике используется дата, которой соответствующая цитата снабжена в НКРЯ.

⁴ Рассмотренные конструкции в источниках XV–XVII вв. в контекстах эпистемической необходимости обнаружить не удалось.

⁵ Встречается только в церковнославянской цитате, которая вырезана на блюде и приводится в описи: Да на томъ же блюдъ вырѣзано на краяхъ: «Зрите челоуѣцы и артусь сей... Христорь ради того яко агнецъ заклася, и жертвою сотворися святою, и пречестное свое тѣло и животворящую кровь давъ намъ причастіе во оставленіе грѣховъ; подобаетъ намъ приступити къ нему чистою совѣстію и просвѣщеннымъ разумомъ» (Опись Московского Успенского собора, составленная в 1701 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ваулина С. С., 1988. Эволюция средств выражения модальности в русском языке. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 140 с.
- Дронова Л. П., 2006. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Томск. 408 с.
- Живов В. М., 2017. История языка русской письменности. В 2 т. Т. 1. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского. 816 с.
- Капрэ Е. В., 2011. Субъективная модальность в древнерусский и старорусских житийных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград. 24 с.
- Козлов А. А., 2014. К грамматической семантике старославянских конструкций хотѣти / имѣти с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. № 1 (27). С. 122–149.
- Озолина К. Н., 1970. Выражение модального долженствования необходимости в древнерусском языке // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Т. 73, серия «Языкознание», № 5. С. 104–111.
- Падучева Е. В., 2016. Модальность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. 1. СПб. : Нестор-История. 448 с.
- Пенькова Я. А., 2021. Инфинитивные конструкции с глаголом ИМѢТИ в позднесреднерусской письменности // Sub specie aeternitatis : сб. науч. ст. к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М. : Азбуковник. С. 212–227.
- Пенькова Я. А., 2023. Инфинитивные конструкции с глаголами имѣти и хотѣти в церковнославянских памятниках Древней Руси XIII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси : сб. материалов XII Междунар. конф. (11–15 сент. 2023 г., Москва, Россия). М. : Индрик. С. 147–148.
- Черепанова О. А., 1965. Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л. 23 с.
- Шевелева М. Н., 2017. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти vs. хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. № 2 (34). С. 194–218.
- Юрьева И. С., 2009. Семантика глаголов *имѣти, хотѣти, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. : дис. ... канд. филол. наук. М. 279 с.
- Юрьева И. С., 2011. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *ймоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. № 2 (22). С. 68–88.
- Hansen B., 2001. Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im

Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen. München : Verlag Otto Sagner. 752 S.

Moser M., 1998. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt/Main [etc.] : Peter Lang. 398 S.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка.
URL: <https://www.ruscorpora.ru>

Сб. Друж. – Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века // Летопись занятий археологической комиссии за 1908 г. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1909. Вып. 21. С. 35–117.

СЛОВАРИ

Грузберг – Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII в. Пермь : ПГУ, 1974. 460 с.

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 736 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. Не-нятый / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М. : Наука, 1986. 456 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 19. Мутаситься–накучить / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1983. 359 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. Муза–Сят / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1987. 832 с.

REFERENCES

Vaulina S.S., 1988. *Evolyutsiya sredstv vyrazheniya modalnosti v russkom yazyke* [Evolution of Means of Expressing Modality in the Russian Language]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 140 p.

Dronova L.P., 2006. *Stanovlenie i evolyutsiya modalno-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvистический аспект: дис. ... д-ра фил. наук* [Formation and Evolution of Modal-Evaluative Vocabulary of the Russian Language: Ethnolinguistic Aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Tomsk. 408 p.

Zhivov V.M., 2017. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti. V 2 t. T. 1* [History of the Russian Written Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Un-t Dmitriya Pozharskogo Publ. 816 p.

Kapre E.V., 2011. *Subyektivnaya modalnost v drevnerusskoy i starorusskikh zhitiynykh tekstakh: avtoref. дис. ... канд. фил. наук* [Subjective

Modality in Old Russian and Old Russian Hagiographic Texts. Cand. philol. sci. diss.]. Kaliningrad. 24 p.

Kozlov A.A., 2014. К грамматической семантике старославянских конструкций khotěti / iměti s infinitivom [On the Semantics of Old Church Slavonic khotěti / iměti + Infinitive Constructions]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (27), pp. 122-149.

Ozolina K.N., 1970. *Vyrazhenie modalnogo dolzhenstvovaniya neobkhodimosti v drevnerusskom yazyke* [Expression of the Modal Necessity in the Old Russian Language]. *Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Zhdanova* [Proceedings of A.A. Zhdanov Irkutsk State University], vol. 73, serie “Yazykoznanie”, no. 5, pp. 104-111.

Paducheva E.V., 2016. *Modalnost* [Modality]. *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Glagol. Ch. 1* [Materials for a Corpus Grammar of the Russian Language. Verb. Pt. 1]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 448 p.

Penkova Ya.A., 2021. *Infinitivnye konstruksii s glagolom IMĚTI v pozdnesrednerusskoy pismennosti* [Infinitive Constructions with the Verb IMĚTI in Late Middle Russian Writing]. *Sub specie aeternitatis: sb. nauch. st. k 60-letiyu Vadima Borisovicha Krysko* [Sub speci aeternitatis. Collection of Scientific Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Vadim Borisovich Krysko]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 212-227.

Penkova Ya.A., 2023. *Infinitivnye konstruksii s glagolami iměti i khotěti v tserkovnoslavянских памятниках Древней Руси XIII в.* [Infinitive Constructions with the Verbs iměti and khotěti in Church Slavonic Monuments of Old Rus’]. *Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi: sb. materialov XII Mezhdunar. konf. (11–15 sent. 2023 g., Moskva, Rossiya)* [An Integrated Approach to the Study of Old Rus’. Collection of Proceedings of the 12th International Conference (September 11–15, 2023, Moscow, Russia)]. Moscow, Indrik Publ., pp. 147-148.

Cherepanova O.A., 1965. *Leksiko-grammaticheskie sredstva vyrazheniya modalnosti v russkom yazyke XI–XVII vv.: avtoref. дис. ... канд. наук* [Lexico-Grammatical Means of Expressing Modality in the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad. 23 p.

Sheveleva M.N., 2017. К проблеме грамматической семантики конструкций типа imat byti vs. khochet byti в ранних восточнославянских текстах

- [On the Grammatical Semantics of the Periphrastic Constructions Like *imat byti vs. khočet byti* in Early East Slavic Texts]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (34), pp. 194-218.
- Yuryeva I.S., 2009. *Semantika glagolov imēti, khotēti, nachati (pochati) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII–XV vv.: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of the Verbs *imēti, khotēti, nachati (pochati)* in Combinations with the Infinitive in the Language of Old Russian Monuments of the 12th–15th Centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 279 p.
- Yuryeva I.S., 2011. Infinitivnye sochetaniya s glagolami *imat i imou* v drevnerusskikh tekstakh [The Infinitive Constructions with the Verbs *imat* and *imu* in Old Russian Texts]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (22), pp. 68-88.
- Hansen B., 2001. *Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen*. München, Verlag Otto Sagner. 752 S.
- Moser M., 1998. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt/Main etc., Peter Lang. 398 S.

SOURCES

- Nacionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://www.ruscorpora.ru>

- Druzhinin V.G. *Neskolko neizvestnykh literaturnykh pamyatnikov iz sbornika XVI-go veka* [Several Unknown Literary Monuments from a Collection of the 16th Century]. *Letopis zanyatiy arkhograficheskoy komissii za 1908 g.* [Chronicle of the Activities of the Archaeographic Commission for Year 1908]. Saint Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1909, iss. 21, pp. 35-117.

DICTIONARIES

- Gruzberg A.A. *Chastotnyy slovar russkogo yazyka vtoroy poloviny XVI–nachala XVII v.* [Frequency Dictionary of the Russian Language of the Second Half of the 17th – Beginning of the 18th Century]. Perm, PGU, 1974. 460 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2. K–O* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2. K–O]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. 736 p.
- Shmelev D.N., ed. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. II. Ne–nyatyty* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th c. Iss. 19. Ne–nyatyty]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 456 p.
- Filin F.P., ed. *Slovar russkikh narodnykh govorov. T. 19. Mutasitsya–nakuchit* [Dictionary of Russian Dialects. Vol. 11. Mutasitsya–nakuchit]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 359 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 3 Muza–Syat* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 3. Muza–Syat]. Moscow, Progress Publ, 1987. 832 p.

Information About the Author

Yana A. Penkova, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, amoena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6624-2633>

Информация об авторе

Яна Андреевна Пенькова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, amoena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6624-2633>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.4>

UDC 811.161.1'04:003.074
LBC 81.411.2-03

Submitted: 02.12.2022
Accepted: 05.06.2023

LEGISLATIVE ACTS IN PETER THE GREAT PERIOD: SLAVIZATION OF THE LANGUAGE

Svetlana V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to Slavization of business writing in the Peter the Great period. The focus is on legislative acts of the first decades of the 18th century. Their language testifies that bookish-Slavic elements penetrated into it rather early. It is proved that the process under study took place in stages and began with documents that serviced international relations. In that kind of writings, literary means were actively used as early as in the first years of the century. The decrees related to the activities of the Patriarchal and Monastic prikazes reveal the use of bookish-Slavic lexical and syntactic means approximately in the same period. The research establishes the causal relationship between the early fixation of Slavonisms with the linguistic experience accumulated in those fields of activity during the previous period. In the language of legislative acts aimed at solving domestic problems, literary means were used more intensively at the end of the first – at the first half of the second decade of the 18th century. The article emphasises that it was a certain stage of developing new linguistic and stylistic means in the normative legal and administrative documents. Also, it is highlighted that their composition was arranged either according to the standard word usage of prikazes or to the word usage in international documents. It was primarily due to the subject content of the documents and the communicative and pragmatic attitudes of their drafters.

Key words: history of Russian literary language, business language of Peter the Great period, legislative act, prikaz language, bookish-Slavic language means.

Citation. Rusanova S.V. Legislative Acts in Peter the Great Period: Slavization of the Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 55-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.4>

УДК 811.161.1'04:003.074
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 02.12.2022
Дата принятия статьи: 05.06.2023

СЛАВЯНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Светлана Владимировна Русанова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена процессу славянизации деловой письменной речи в Петровскую эпоху. В центре внимания находятся законодательные акты первых десятилетий XVIII в., язык которых свидетельствует о достаточно раннем проникновении в него книжно-славянских элементов. Доказано, что исследуемый процесс проходил поэтапно. Он начался с документов, обслуживающих международные отношения, где уже в первые годы столетия активно использовались книжные средства. Примыкают к ним по времени появления в структуре текста книжно-славянских лексико-синтаксических средств указы, связанные с деятельностью Патриарших и Монастырского приказов. Установлена причинно-следственная связь между ранней фиксацией славянизмов и языковым опытом, накопленным в данных сферах деятельности в предыдущий период. В языке законодательных актов, направленных на решение внутрисударственных проблем, использование книжных средств активизируется в конце первого – первой половине второго десятилетия XVIII века. Показано, что на этом этапе освоения новых лингвостилистических средств при составлении нормативных правовых и распорядительных документов определяющей была ориентация либо на стандарт-

ный приказный узус, либо на узус международных документов, что обуславливалось в первую очередь предметным содержанием документов и коммуникативно-прагматическими установками их составителей.

Ключевые слова: история русского литературного языка, деловой язык Петровской эпохи, законодательный акт, приказный язык, книжно-славянские языковые средства.

Цитирование. Русанова С. В. Славянизация языка законодательных актов в Петровскую эпоху // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 55–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.4>

Введение

Важным отличием делового языка XVIII в. от приказного языка предыдущей эпохи является его славянизация, то есть включение в него церковнославянских элементов, свидетельствующее о сближении делового языка с книжно-славянской языковой письменной традицией, что обусловлено общими процессами преобразования культурно-языковой ситуации. В.М. Живов пишет, что в новых условиях, когда «литературность текста перестает связываться с признаками книжности и целиком определяется его культурными функциями» [Живов, 1996, с. 122], становится возможной «экстраполяция литературного языка нового типа на те сферы, которые первоначально были вне пределов его функционирования» [Живов, 1996, с. 123]. Одной из таких сфер была духовная словесность, другой – законодательство и делопроизводство.

Активное исследование региональных документов XVIII в. позволило определить основной набор славянизмов, служащих для создания особого канцелярского слога. Среди них в первую очередь выделяются указательные местоимения, служебные слова, «прономинализованные» прилагательные и причастия как важнейшие средства синтаксической организации текста (*оной, сей, по-неже, дабы, егда, вышепоказанный, преждереченный* и др.) [Майоров, 2006, с. 75, 93]; отдельные конструкции, предложно-падежные формы и книжные флексии («*да*+презенс глагола», *по* + N₃, *по* + N₆, *ради* + N₂ и др.) [Кудрявцева, 2007, с. 13]; словообразовательные средства и словообразовательные модели (*воз-/вз-, из-, -ость, -ни-, -ств-*) [Майоров, 2018, с. 27].

Усвоение официально-деловым языком книжных форм традиционно связывается с распорядительной документацией [Майоров, 2006, с. 75], что представляется логичным,

так как мотивируется установкой Петра Великого регламентировать указами любые реформаторские начинания. Применение книжных средств в документах распорядительного характера в дальнейшем становится образцом для других жанров, поскольку писцы местных канцелярий и присутствий ориентировались на язык рассылаемых во все концы Российской империи указов и манифестов [Майоров, 2006, с. 75].

Функционирование славянизмов в канцелярском делопроизводстве, безусловно, началось с законодательных актов Петровской эпохи, что подтверждают дошедшие до нас документы. Поэтапный характер проникновения книжных средств в сферу делового письменного узуса связывается прежде всего с противопоставлением распорядительно-директивных актов, в которых указанный процесс активизировался в первой половине XVIII в., и остальных жанров деловой письменности, в которых книжно-славянские элементы в качестве нормативных стилистических средств распространяются во второй половине столетия. Однако подробно процесс славянизации законодательных актов Петровской эпохи не изучался. Открытыми остаются вопросы о наличии закономерности и последовательности в данном процессе, что определяет актуальность настоящего исследования.

Материал и методы

Материалом исследования послужили документы первых десятилетий XVIII в. из «Полного собрания законодательных актов Российской империи» (ПСЗ, т. 4–6).

В работе применяются методы лингвистического наблюдения и описания, приемы контекстуального и сравнительного анализа, позволяющие систематизировать документы с учетом использования в их оформлении

книжных средств и влияния на исследуемый процесс коммуникативно-прагматических и жанрово-стилистических факторов.

Результаты и обсуждение

Процесс славянизации языка законодательных актов Петровской эпохи, как показывает исследование, происходил постепенно и на начальном этапе определялся содержанием и коммуникативно-прагматической направленностью документов. Причем самыми ранними документами XVIII в., отражающими включение славянизмов в деловой язык, являются не внутригосударственные нормативно-правовые и распорядительные акты, а международные документы, регулирующие отношения с другими странами и их представителями (трактаты, жалованные грамоты, «поставленные» статьи и др.).

Книжно-славянские элементы в международных актах и в указах, связанных с жизнедеятельностью Церкви и монастырей

Количество международных документов в Петровскую эпоху резко увеличилось в силу активизации внешней политики Петра I, направленной, как отмечают историки, на укрепление позиций государства на международной арене и обеспечение безопасности границ государственной территории, получение доступа к Балтийскому морю и возможность иметь флот на Черном и Азовском морях [Бобылев, 1990; Стерликова, 2015].

Среди международных актов первых лет нового столетия можно назвать «Статьи, поставленные въ Москвѣ Бояриномъ Головинымъ съ Датскимъ Посланникомъ Гейнсомъ» 1701 г. (ПСЗ, т. 4, № 1824), «Трактатъ между Государемъ Петромъ I и Рѣчью Посполитою Великаго Княжества Литовскаго, заключенный въ обозѣ Шлотбургѣ Бояриномъ Ѳедоромъ Головинымъ съ Литовскими послами, Михайломъ Біалозоромъ, Жигимонтомъ Хржановскимъ, Михайломъ Халецкимъ и Яномъ Домбровскимъ» 1703 г. (ПСЗ, т. 4, № 1934), «Договорные пункты, заключенные между Дерптскимъ Комендантомъ Скитте и Фельдмаршаломъ Шереметевымъ» 1704 г.

(ПСЗ, т. 4, № 1985), «Капитуляція, предложенная Иваногородскимъ Комендантомъ Стиерне Стралемъ о сдачѣ Иванагорода, съ отвѣтомъ на оную Россійскаго Фельдмаршала Огильвія» 1704 г. (ПСЗ, т. 4, № 1989), «Трактатъ, учиненный въ Нарвѣ полномочнымъ Польскимъ посломъ Дзялынскимъ съ Россійскими Министрами» 1704 г. (ПСЗ, т. 4, № 1991) и др.

Чтобы наглядно представить разницу в языковом оформлении документов, связанных с внешней и внутренней политикой, приведем для сравнения небольшие фрагменты двух структурно схожих документов за июль 1704 г: «Договорные пункты, заключенные между Дерптскимъ Комендантомъ Скитте и Фельдмаршаломъ Шереметевымъ» (далее Договорные пункты) и «Статьи о дачѣ таможенныхъ выписей на отвозные товары» (далее – Статьи).

Договорные пункты, направленные на регулирование процесса капитуляции и сдачи шведским комендантом города Дерпта, обнаруживают явное отклонение от нормы общеправового языка, сложившегося в XVII в. в рамках приказной письменной традиции, в сторону книжно-славянского языка. Статьи о таможенных выписях регулируют в соответствии с Торговым уставом деятельность таможен по предоставлению выписей отпускным товарам и отличаются традиционным набором общеобязательных средств приказного письма (см. табл. 1).

Приведенные выше фрагменты актуализируют оппозицию ряда тексто- и стилеобразующих особенностей двух документов. Например, обнаруживается противопоставление союзов *если* и *буде*, обслуживающих условные конструкции соответственно в Договорных пунктах и Статьях: *Если онъ желалъ получить согласія <...>, то <...>; Если бы нѣкоторыя лица изъ Магистрата <...>, то <...> – А буде на срокъ выписи не поставитъ, <...> то <...>; а буде не поставитъ, на немъ взять пошлину*. Кроме союзного выражения условных отношений в Статьях типичными являются приказные бессоюзные конструкции с инициальным сочетанием «а который + инфинитив»: *А въ которыя города товары везти, то записывать въ таможенные отпускныя книги*. Внутритекстовыми скрепами в Статьях являются класси-

Таблица 1. Примеры законодательных актов начала XVIII в., связанных с внешней и внутренней политикой государства

Table 1. Examples of legislative acts of the early 18th century related to the foreign and domestic policies of the state

<p>Юлия 14. Договорные пункты, заключенные между Дерптскимъ комендантомъ Скитте и Фельдмаршалом Шереметевымъ</p>	<p>Юлия. Статьи о дачѣ таможенной выписи на отвозные товары</p>
<p>Договорные пункты, присланные Господиномъ Полковникомъ и Комендантомъ Карломъ Густавомъ Скитте 14 Юлія 1704 года, рано по утру изъ Дерпской крѣпости въ лагерь къ Фельдмаршалу Шереметеву, съ отмѣтками его на оныя:</p> <p>1) Г. Комендантъ требуетъ свободнаго пропуска для себя и для находящагося въ семь городѣхъ подъ его начальствомъ Королевско-Шведскаго войска, какъ состоящаго по Артиллеріи и Фортификаціи, такъ и коннаго и пѣшаго, безъ всякаго различія націй, <...> безъ осмотра и обыска, при чемъ имѣеть быть выдано оному войску мѣсячное содержаніе, по уставу Его Королевско Шведскаго Величества <...>.</p> <p>На 1. Весьма удивляемся, что Г. Комендантъ чинитъ столь неумѣренныя требованія <...>. Если онъ желалъ получить согласія на таковыя условія, то ему слѣдовало бы предложить оныя заранѣе, а нынѣ уже слишкомъ поздно. Но дабы поступить по Христиански, то ему Г. Коменданту, офицерамъ его, всему горнизону, также и прочимъ, какаго бы они званія ни были, съ женами и дѣтьми, и со всеѣмъ имуществомъ и съ дѣтьми данъ будетъ свободный пропускъ безъ осмотра, и выдано будетъ провіанта на мѣсяць <...></p> <p>10) Если бы нѣкоторые лица изъ Магистрата, духовенства и гражданства, выславшія изъ сего города женъ, дѣтей и имущество свое пожелали возвратитъ ихъ въ оный, то со стороны Его Царскаго Величества имѣеть быть на то дано соизволеніе <...> (ПСЗ, т. 4, № 1985, 1704 г.).</p>	<p>1. Русскіе люди и иноземцы какъ стануть явить товары свои въ Таможняхъ въ отвозъ изъ города въ городъ: тотъ отпускъ по Торговому Уставу таможеннымъ Бургомистрамъ чинитъ и выписи давать, не задерживая.</p> <p>2. А въ которые города товары везти, то записывать въ таможенныя отпускныя книги именно съ прикладываніемъ рукъ, а съ того города поставить на срокъ отъявочныя выписи, а буде не поставитъ, на немъ взять пошлину съ цѣны, чего тотъ товаръ стоитъ, и въ томъ брать поруки, въ тѣхъ же отпускныхъ книгахъ съ прикладываніемъ рукъ. <...></p> <p>4. Въ которыхъ городахъ тѣ товары въ явкѣ будутъ, съ той явки таможеннымъ Бургомистрамъ давать отъявочныя выписи вскорѣ безъ задержанія, чтобъ на срочныя числа не быть въ отсрочкѣ, и задержаніемъ Бурмистровымъ не отговариваться.</p> <p>5. А буде на срокъ выписи не поставитъ, а явится, что учинено то задержаніемъ Бурмистровымъ, пошлины править на Бурмистрахъ, которые въ дачѣ отъ явочныхъ выписей задержаніе учинять; а чьи были товары, тѣмъ отъ тѣхъ пошлинъ быть свободнымъ. <...></p> <p>10. А которые Бурмистры по вышепоказанному указу отпускнымъ товарамъ записныхъ книгъ и порукъ съ прикладываніемъ рукъ имѣеть не будутъ, и въ Ратушѣ не подадутъ, а въ товарномъ отпуску будетъ споръ, и тѣ пошлины править на Бурмистрахъ, за вины ихъ по вышепоказанному указу. <...> (ПСЗ, т. 4, № 1987, 1704 г.).</p>

ческие приказные союзы *a* и *и*, которые почти отсутствуют в Договорных пунктах.

Показательным является выражение категории неопределенности. Типичному для Статей и приказного языка в целом многозначному местоимению *который* в неопределенном значении, унаследованном из древнерусского языка (СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 385), в Договорных пунктах противостоит церковнославянское местоимение *нѣкоторый* (СС, с. 386; СРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 156): *А которые Бурмистры по вышепоказанному указу отпускнымъ товарамъ записныхъ книгъ и порукъ съ прикладываніемъ рукъ имѣеть не будутъ <...> и тѣ пошлины править на Бурмистрахъ – Если бы нѣкоторыя лица изъ Магистрата, духовенства и граждан-*

ства <...> пожелали возвратитъ ихъ <...>¹. В «Словаре русского языка XVIII в.» ранняя фиксация местоимения *некоторый* в двух первых значениях ‘какой-то, точно не определенный’ и ‘отдельные из числа многих, всех’ датируется соответственно текстами 1712 г. и 1718 г. (СРЯ XVIII, с. 207–208).

В анафорической функции в Статьях активно выступает указательное местоимение *тот*, которому в Договорных пунктах соответствует местоимение *оный*, отмеченное кроме прочего в субстантивированном употреблении (*а чьи были товары, тѣмъ отъ тѣхъ пошлинъ быть свободнымъ – оному войску; предложитъ оныя заранѣе; возвратитъ ихъ въ оный*).

В двух документах семантически противопоставлен глагол *иметь*: в Договорных

пунктах он выполняет функцию этикетного маркера должностования (*при чемъ имѣеть быть выдано оному войску мѣсячное содержаніе; имѣеть быть на то дано соизволеніе*); в Статьях – употребляется в значении ‘иметь, обладать’, типичном для языка предыдущей эпохи (*А которые Бурмистры по вышепоказанному указу отпускнымъ товарамъ записныхъ книгъ и порукъ съ прикладываніемъ рукъ имѣть не будутъ*).

В языке Договорных пунктов обращает на себя внимание разнообразие средств выражения модальных значений необходимости и желанія (*требуеть свободнаго пропуска; чинить столь неумѣренныя требованія; ему слѣдовало бы предложить; пожелали возвратитъ ихъ*), конструкции с целевым союзом *дабы*, актуализирующим нравственный аспект (*Но дабы поступитъ по Христіански*).

Активизация книжно-славянских элементов в первую очередь в международных актах Петровской эпохи не случайна. Такое употребление опирается на языковой опыт, накопленный в данной сфере деятельности в предыдущий период, о чем свидетельствует язык внешнеполитических документов второй половины XVII в. [Русанова, 2022a]. Использование книжно-славянских средств составителями международных договоров, договорных статей, двусторонних записей было обусловлено необходимостью учитывать особенности межъязыковой и межкультурной коммуникации, маркировать государственную значимость принимаемых решений. Безусловно, лексико-синтаксические ресурсы церковнославянского языка обладали в этом отношении большим функционально-стилистическим потенциалом, нежели ресурсы приказного языка. Выявленные лингвостилистические особенности этих текстов позволяют охарактеризовать их как отклонение от нормы стандартного приказного общеюридического языка, подробно описанного учеными [Кортава, 1999; Ремнева, 2003].

Еще одной группой самых ранних законодательных актов, в которых обнаруживается «гибридный» деловой слог, предполагающий обязательное включение книжно-славянских элементов в качестве тексто- и стилеобразующих средств и также опирающийся на пре-

дыдущий языковой опыт, были документы, связанные с деятельностью Патриарших и Монастырского приказов, например: именной указ «Об описи Патриаршаго дома и Патриаршихъ приказныхъ служителей и Дворянь, домовъ Архіерейскихъ, монастырей и вотчинъ Патриаршихъ, Архіерейскихъ и монастырскихъ...» (ПСЗ, т. 4, № 1834, 1701 г.); «Грамота Преосвященному Варлааму Ясинскому, Митрополиту Киевскому – О невозбраненіи обучатьсь въ Киевской Академіи Русскимъ приходящимъ изъ другихъ странъ людямъ» (ПСЗ, т. 4, № 1870, 1701 г.); «Именной, объявленный Бояриномъ Мусинымъ Пушкинымъ, Монастырскому приказу» (ПСЗ, т. 4, № 1886, 1701 г.) и др. Примечательно начало последнего указа, служащее обоснованием принятого царем решения о выдаче монахам денежного и хлебного жалования по единообразному окладу и оформленное церковнославянским языком вплоть до использования простых претеритных форм глагола:

Въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежителство ихъ, а вотчинами имъ и никакими угодами не владѣть неради раззоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія; понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежително живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали, нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питае отъ трудовъ своихъ, но сами чуждыя труды поядаша, и начальныя монахи во многія роскоши впадоша <...> И сея ради вины указаль Великій Государь, равное даяніе учинити, яко начальнымъ тако и подначальнымъ монахамъ <...> (ПСЗ, т. 4, № 1886, с. 181–182).

Говоря о существовании языкового опыта в данной сфере, мы имеем в виду не только лингвокультурологическую роль церковнославянского языка (языка канонических христианских текстов) в религиозном дискурсе, но и еще один немаловажный факт – использование церковнославянского языка в средневековой Руси для переводов древнегреческих текстов юридического характера, в частности, Устава Студийского, включающего церковный и монастырский уставы, Закона судного людям и Городского закона (сборник Мерило праведное) (подробно об этом см.: [Ремнева, 2003, с. 103–113]).

В то же время, следует отметить, что многие указы, направленные на решение текущих дел и проблем приходов и монастырей, оформлялись в начале XVIII в. традиционным приказным слогом, напр.: именные указы об отдаче просителям патриарших, архиерейских и монастырских пустошей на вечное содержание (ПСЗ, т. 4, № 1897, 1702 г.), о подаче приходскими священниками в Духовный приказ недельных ведомостей о родившихся и умерших (ПСЗ, т. 4, № 1908, 1702 г.), о сборе с московских и городских церквей с попов и дьяконов драгунских лошадей (ПСЗ, т. 4, № 2142, 1707 г.) и др.

*Книжно-славянские элементы
в правовых нормативных
и распорядительных актах,
связанных с внутренней политикой*

Особое место в процессе освоения книжно-славянских элементов языком законодательных актов занимают нормативные правовые и распорядительные документы, связанные с решением внутригосударственных (административных, экономических, военных, гражданских и др.) проблем, так как распространение книжного влияния на эти документы расширяет границы функционирования делового языка нового типа и способствует формированию нового официально-делового письменного узуса.

Язык документов, содержащих обязательные к исполнению указания вышестоящих органов и фиксирующих решение административных и организационных вопросов, вопросов обеспечения и регулирования деятельности учреждений и ведомств, должностных лиц и т. д., интересен тем, что исторически не связан с отмеченным выше опытом использования книжно-славянских средств. Стандартному приказному языку, традиционно обслуживающему подобные документы, по сути, «с нуля» предстояло освоить новые стилистические возможности и приемы их реализации в тексте. Исследователи Соборного Уложения 1649 г. указывают на два фрагмента в его составе, написанные церковнославянским языком, они представляют самостоятельные текстовые вставки из церковнославянской переводной юридической письменности, не влияющие в целом на характер языка

Уложения [Ремнева, 2003, с. 294–295; Черных, 1953, с. 135–138]; это «знак не языкового, а концептуального влияния» [Ремнева, 2003, с. 295].

Активное проникновение славянизмов в язык подобных документов, насколько позволяют судить тексты из Полного собрания законов Российской империи, приходится на конец первого и первую половину второго десятилетия XVIII века.

При внешней макароничности языка директив представляется возможным говорить о предпочтениях законодателей в оформлении тех или иных документов, с учетом этих предпочтений исследуемые акты условно можно охарактеризовать как ориентированные на приказную письменную традицию со стандартным набором текстообразующих средств и ориентированные на письменный узус международных актов со свойственным ему доминированием книжно-славянских средств организации текста. Актуальными при выборе средств становятся предметное содержание документа и коммуникативно-прагматические установки создателя, определяющие общую императивную тональность законодательного акта.

Так, новый канцелярский слог представлен в именных указах, адресованных высокопоставленным военным чинам, что подчеркивает немаловажность социального аспекта в процессе славянизации официально-делового языка (см. указы комендантам о передаче родителями векселей детям, обучающимся за границей, через Адмиралтейский приказ (ПСЗ, т. 4, № 2292, 1710 г.) и о заготовке провианта в Сибирской губернии (ПСЗ, т. 4, № 2295, 1710 г.), генералам-фельдмаршалам о размещении полков по винтер-квартирам (ПСЗ, т. 5, № 2638, 1713 г.), штабс- и обер-офицерам о положенном количестве денщиков и их жаловании (ПСЗ, т. 5, № 2640, 1713 г.)). Маркируются книжно-славянскими элементами указы, требующие особой императивной тональности, обусловленной чрезвычайными событиями и обстоятельствами, которые создают опасность для государства – эпидемии, и в частности моровая язва (ПСЗ, т. 4, № 2296, 1710 г.), подрывают международный авторитет России, например, производство на продажу английским купцам бракованной пеньки (ПСЗ, т. 5, № 3005, 1716).

Приказный слог продолжают сохранять указы, связанные с набором рекрутов (ПСЗ, т. 4, № 2281, 1710 г.; ПСЗ, т. 5, № 2632, 1713 г.), с таможенными и питейными сборами (ПСЗ, т. 4, № 2288, 1710 г.), со сбором провианта из губерний (ПСЗ, т. 5, № 2631, 1713 г.), с регулированием работы ямов и дачи подвод (ПСЗ, т. 4, № 2294, 1710 г.), с созданием пороха и доставкой селитры для продажи в Москву (ПСЗ, т. 4, № 2379, 1711 г.) и т. п.

Приведем в качестве примера два небольших указа, именной и сенатский, посвященные сбору провианта и рекрутов и ориентированные на разные письменные узусы (табл. 2). Первый адресован коменданту князю Гагарину, второй – губернаторам в губернии. Во втором тексте для его сокращения сделано несколько купюр с однотипными конструкциями.

Количество книжно-славянских элементов в законодательных актах первых десятилетий XVIII в. варьируется. В одних документах, составленных приказным слогом, обнаруживаются единичные вкрапления славяниз-

мов, другие отражают параллельное употребление приказных и книжных средств. Исследование и тех, и других документов актуально, поскольку дает возможность определить характер включения церковнославянских элементов в приказный директивный текст, степень мотивированности выбора языковых средств и их варьирования.

Особый интерес представляют тексты, языковое оформление которых свидетельствует о тенденции к функционально-семантическому распределению приказных и книжных единиц как стилистических средств. Соучаствуя в текстообразовании, подобные элементы занимают в структуре документа семантически маркированные позиции. Так, важным для законодателей оказывается стремление маркировать приказными лексико-синтаксическими средствами действия и поступки противозаконные, имеющие негативные последствия, и книжно-славянскими средствами – действия, совершенные в соответствии с законом, государственно значимые. Ниже приведен указ о клеймении и записи весов и фун-

Таблица 2. Примеры петровских указов, ориентированных на разные письменные узусы

Table 2. Examples of Peter the Great's decrees focused on different written usages

Сентября 17. Именной Коменданту Князю Гагарину. <i>О заготовленіи въ Сибирской Губерні провіанту, муки 13,236 четвертей и о собраніи рекрутъ</i>	Генваря 16. Сенатский. <i>О взятіи штрафа за недоставленіе на сроки рекрутъ</i>
<p>Господинь Полковникъ и Комендантъ! По полученіи сего указа нарядить вамъ въ Сибирской губерні провіанту 13269 четвертей муки, и чтобъ оное число поставлено было сюда будущимъ зимнимъ путемъ въ Генварѣ или кончае въ первыхъ числахъ Февраля мѣсяца, что зѣло нужно, дабы то впредь не взыскано было на васъ; также надобно вамъ собрать съ Сибирской Губерніи рекрут 738 человекъ, кромѣ того числа солдатъ, о которомъ прежде къ вамъ писано (что въ Рижской гарнизонѣ надобно) и также оныхъ привести вамъ сюда съ собою, купно съ вышереченнымъ въ Ригу гарнизономъ, понеже оные рекруты нынѣ въ дополнку арміи зѣло нужны, ради упадка отъ моровой болѣзни въ людяхъ (ПСЗ, т. 4, № 2295, 1710 г.).</p>	<p>Рекрутъ собрать и выслать къ Москвѣ съ Губерніи на сроки нынешняго 713 года, Московской Марта въ первыхъ числахъ, съ Нижняго и отъ Нижняго въ верхъ до городовъ Московской Губерніи Марта въ среднихъ числахъ <...> а съ Киевской, съ Азовской, съ Смоленской собрать въ Мартѣ мѣсяцѣ, и имѣть на станціяхъ въ тѣхъ же Губерніяхъ. А буде вышеписанныхъ Губерніи, опричь С. Петербургской Губерніи, Губернаторы на вышеписанные скроки (sic!) въ Губерніяхъ рекрутъ сполна не сберуть и съ которыхъ опредѣлено къ Москвѣ не пришлютъ, а въ прочихъ на станціяхъ имѣть не будутъ: и за то на Губернаторахъ взято будетъ за каждаго недобраннаго рекрута штрафа по рублю за человекъ. А буде помѣщики и вотчинники, и Дворцовые и Архіерейскіе и монастырскіе прикащики тѣхъ рекрутъ въ Губерніяхъ на тѣ сроки <...> не отгадутъ: и за то на нихъ за каждаго рекрута взять штрафа, кромѣ указанныхъ рублевыхъ денегъ, по рублю; а буде въ той по срокѣ недѣлѣ кто не заплатитъ: и на такихъ за всякаго рекрута имать по 5 рублей <...>. А съ которой Губерніи въ сборѣ рекрутъ и рублевыхъ и штрафныхъ денегъ сколько будетъ: о томъ чрезъ двѣ недѣли прислать въ Сенатъ вѣденіе (ПСЗ, т. 5, № 2632, 1713 г.).</p>

тов торговыми и мастеровыми людьми серебряного ряда у старост, в котором конструкции о противозаконном самовольстве с их стороны и о приветствуемой инициативе людей из других рядов клеймить и записывать весы и фунты оформлены соответственно приказным и книжным союзами:

По указу Великаго Государя велѣно, чтобъ серебрянаго ряда у торговыхъ и мастеровыхъ людей были вѣсы и фунты у всѣхъ были правдивые и заклеены годовымъ клеймомъ съ запискою у старость того ряда, и брать отъ той записки и клейменя пошлинь по 10 денегъ. *А буде* кто самовольствомъ своимъ фунтовъ и вѣсковъ къ запискѣ приносить не станеть, и будетъ имѣть неклеяемые: и имъ старостамъ подавать на таковыхъ доношеніе <...> *А ежели* кто изъ другихъ рядовъ пожелаетъ къ нимъ старостамъ, ради исправленія, вѣски и фунты приносить: то имъ чинить о томъ по вышешанному жъ Его Великаго Государя указу (ПСЗ, т. 4, № 2229, 1709 г., с. 451).

Значимыми представляются также случаи, когда синтаксические средства, разговорные по происхождению, выступают как нейтральные средства оформления предписания, наставления, требования, а книжные маркируют недопустимость, запрет незаконных действий и, как следствие, закономерную ответственность за нарушения:

<...> по указу Великаго Государя Правительствующій Сенатъ слушавъ той отписки и выписки приговорили, о высылкѣ каменьщиковъ въ Азовъ и въ Троицкое послать изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената указы, *чтобъ* оныя каменьщики изъ тѣхъ Губерній высланы были безсрочно съ поспѣшеніемъ, и *чтобъ* нынѣшнимъ лѣтомъ, за неприсылкою тѣхъ каменьщиковъ, не учинить въ тѣхъ городахъ строенію отстановки. *А ежели* тѣ каменьщики изъ Губерній вскорѣ высланы не будутъ, а въ Азовѣ и Троицкомъ какимъ дѣламъ учинится отстановка, и та отстановка причтена будетъ къ тѣмъ Губерніямъ, изъ которыхъ не вышлются <...> (ПСЗ, т. 4, № 2380, 1711 г., с. 701);

Да и Коммисаромъ тѣхъ Губерній Его Великаго Государя указъ сказать съ приложеніемъ рукъ, *чтобъ* они въ заплатѣ тѣхъ денегъ на вышешанной срокъ конечно исправились, а *ежели* не исправятся, то взять будетъ на нихъ штрафъ (ПСЗ, т. 5, № 2641, 1713 г., с. 13).

Кульминационным в процессе славянизации официально-делового языка, знаменую-

щей формирование его нового стандарта, утверждающей границы новой нормы, является язык ключевых законодательных актов, связанных с кардинальной перестройкой юридической системы Российской империи, государственного управления, системы делопроизводства, армии, флота и определивших принципы их работы. Речь идет о таких регламентирующих документах, как Военный устав и Артикулы воинские 1716 г., Морской устав 1720 г. и Генеральный регламент 1720 года. Об актуальности их лингвистического исследования свидетельствует повышенный интерес к ним в последние годы [Акишин, 2020; Пушкарева, 2021; Руднев, Пушкарева, 2021; Русанова, 2022б; Садова, Руднев, 2019; Садова, 2021].

Регламентирующие документы столь высокого для того времени уровня юридического языка не могли быть созданы без предварительной напряженной работы по поиску приемов и способов синтезирования приказных и книжных средств в пространстве одного текста, о чем говорят выявленные этапы славянизации языка законодательных актов. Особенности включения книжно-славянских элементов в подобные нормативно-правовые акты подтверждают дальнейшее развитие тенденции к функционально-стилистической и коммуникативно-прагматической обусловленности использования языковых средств. Так, исследование Морского устава показало, что в главах, посвященных разным аспектам военно-морской службы, соотношение конструкций с книжными и аналогичными приказными средствами связи различается. Например, в главе о главнокомандующем флота на 23 условные конструкции с союзом *ежели* приходится 7 конструкций с союзом *есть ли* и 1 – с союзом *буде*, а в главе о государственных злоумышленниках и «противящихся командиром своим» пропорция синтаксических средств, обслуживающих условные отношения, меняется: *ежели* встречается 7 раз, *есть ли* – 7, *буде* – 3; основным же средством экспликации условно-следственных отношений оказываются типичные для приказного языка конструкции с бессоюзным оформлением [Русанова, 2022б]. О влиянии внешнеязыковых факторов (в частности, квалификации субъекта волеизъявления и субъекта-исполнителя) на изменение форм

выражения императивности в Морском уставе пишет Н.В. Пушкарева. Языковые единицы, выражающие императивность в тексте устава, передают не просто побуждения, но и разную степень значимости формулируемых требований и их последствий. Например, оборот с *да (не) будет* используется при описании серьезных проступков, за которые жестоко карают; конструкции, состоящие из форм глагола *иметь* и инфинитива, встречаются в описаниях необходимых поступков [Пушкарева, 2021, с. 59–60].

Будучи ориентированными на лучшие образцы западноевропейского законодательного творчества, все перечисленные документы в языковом плане демонстрируют установку на синтез генетически разнородных языковых средств, направленных на точность и логичность выражения мысли.

Заключение

Славянизация официально-делового языка XVIII в. – один из кардинальных процессов в истории делового языка, направленный на повышение его культурного и коммуникативного статуса и обусловивший преобразование синтагматики языковых средств в пространстве делового текста. Включение книжно-славянских элементов в законодательные акты требовало от реформаторов поиска оптимальных приемов и способов стилистического взаимодействия генетически разнородных книжных и приказных элементов. Важным фактором, определявшим оперативность исследуемого процесса, является опора на языковой опыт, накопленный в сфере международных отношений. Язык международных актов второй половины XVII в. стал, по сути, той экспериментальной площадкой, где апробировался стилистический потенциал книжно-славянских средств в деловой коммуникации.

В Петровскую эпоху происходит расширение сферы подобного употребления славянизмов в законодательной и делопроизводственной практике, что закономерно приводит к решению проблем коммуникативно-прагматической и функционально-стилистической обусловленности языковых средств, связанных с разными письменными традициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишин М. О., 2020. Юридический язык Морского устава 1720 г. // Ленинградский юридический журнал. № 3 (61). С. 6–23.
- Бобылев В. С., 1990. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. : Изд-во ун-та Дружбы народов. 168 с.
- Живов В. М., 1996. Язык и культура в России XVIII века. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 591 с.
- Кортава Т. В., 1999. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка : дис. ... д-ра филол. наук. М. 295 с.
- Кудрявцева Е. А., 2007. Элементы церковно-славянской традиции в деловой письменности начала XVIII века : (На материале памятников Туруханского Троицкого монастыря) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск. 23 с.
- Майоров А. П., 2006. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник. 263 с.
- Майоров А. П., 2018. Книжно-славянские элементы разных уровней в деловом языке XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. Т. 4, № 2. С. 24–32. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32
- Пушкарева Н. В., 2021. Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43, № 6. С. 57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.657
- Ремнева М. Л., 2003. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М. : Изд-во Моск. ун-та. 336 с.
- Руднев Д. В., Пушкарева Н. В., 2021. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Русанова С. В., 2022а. Книжно-славянские элементы в языке международных юридических документов Московской Руси второй половины XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 44, № 4. С. 109–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.774
- Русанова С. В., 2022б. Морской устав 1720 г.: функционально-коммуникативная обусловленность языковых средств // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. С. 88–99. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>
- Садова Т. С., 2021. Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета.

- Т. 43, № 3. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595
- Садова Т. С., Руднев Д. В., 2019. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
- Стерликова А. А., 2015. Внешняя политика и дипломатия России периода Северной войны в отечественной историографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Историография и источниковедение. № 2, т. 4. С. 61–67.
- Черных П. Я., 1953. Язык Уложения 1649 года. М.: Изд-во АН СССР. 374 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. Т. 4–6. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 404 с.; Вып. 11. М.: Наука, 1986. 457 с.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 14. СПб.: Наука, 2004. 280 с.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

REFERENCES

- Akishin M.O., 2020. Yuridicheskiy yazyk Morskogo ustava 1720 g. [Legal Language of the Maritime Charter 1720]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], no. 3 (61), pp. 6-23.
- Bobylev V.S., 1990. *Vneshnyaya politika Rossii epokhi Petra I* [Foreign Policy of Russia in the Era of Peter I]. Moscow, Izd-vo un-ta Druzhby narodov. 168 p.
- Zhivov V.M., 1996. *Yazyk i kultura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia in the 18th Century]. Moscow, Shk. «Yaz. Rus. kultury». 591 p.
- Kortava T.V., 1999. *Moskovskiy prikaznyy yazyk XVII veka kak osobyy tip pismennogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk* [The Moscow Command Language of the 17th Century as a Special Type of Written Language. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 295 p.
- Kudrjavitseva E.A., 2007. *Elementy tserkovno-slavyanskoy traditsii v delovoy pismennosti*

nachala XVIII veka: (Na materiale pamyatnikov Turukhanskogo Troitskogo monastyrya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Elements of Church Slavonic Tradition in Business Writing of the Beginning of the 18th Century (Based on Business Writing of Turukhansky Trinity Monastery). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Krasnoyarsk. 23 p.

- Mayorov A.P., 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Sketches of Lexicon of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow, Azbukovnik Publ. 263 p.
- Mayorov A.P., 2018. Knizhno-slavyanskies elementy raznykh urovney v delovom yazyke XVIII v. [Slavic Written Language Elements of Different Levels in Business Language of 18th Century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [BSU Bulletin. Philosophy], vol. 4, no. 2, pp. 24-32. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32
- Pushkareva N.V., 2021. Osobennosti proyavleniya imperativnosti v tekste «Ustava Morskogo» 1720 goda [Specific Features of Imperativeness in the Text of the 1720 Naval Charter]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 43, no. 6, pp. 57-64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.657
- Remneva M.L., 2003. *Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII vv.* [Ways of Development of the Russian Literary Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 336 p.
- Rudnev D.V., Pushkareva N.V., 2021. Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 36-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Rusanova S.V., 2022a. Knizhno-slavyanskies elementy v yazyke mezhdunarodnykh yuridicheskikh dokumentov Moskovskoy Rusi vtoroy poloviny XVII veka [Slavonic Written Language Elements in the Muscovy International Legal Documents of the Second Half of the 17th Century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 44, no. 4, pp. 109-115. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.774
- Rusanova S.V., 2022b. Morskoy ustav 1720 g.: funktsionalno-kommunikativnaya obuslovlennost yazykovykh sredstv [The Maritime Charter of 1720: Functional-and-Communicative

- Conditionality of Language Means]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 88-99. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>
- Sadova T.S., 2021. Slovo «nadlezhit» v sostave imperativnoy formuly v tekste «Ustava voinskago» 1716 goda [The Word “nadlezhit” as Part of the Imperative Formula in the Military Charter of 1716]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 43, no. 3, pp. 8-16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595
- Sadova T.S., Rudnev D.V., 2019. Kristallizatsiya delovoy rechi v Petrovskuyu epokhu [Crystallization of Formal Speech in the Petrine Era]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], no. 5 (182), pp. 43-47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
- Sterlikova A.A., 2015. Vneshnyaya politika i diplomatiya Rossii perioda Severnoy voyny v otechestvennoy istoriografii [Foreign Policy and Diplomacy of Russia During the Great Northern War in Russian Historiography]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Istoriografiya i istochnikovedenie* [Pushkin Leningrad State University Journal. Historiography and Source Studies], no. 2, vol. 4, pp. 61-67.
- Chernykh P.Ya., 1953. *Yazyk Ulozheniya 1649 goda* [Language of the Code of 1649]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 374 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. V 45 t. T. 4–6* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In 45 Vols. Vols. 4–6]. Saint Petersburg, V Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c.], iss. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 404 p.; iss. 11. Moscow, Nauka Publ., 1986. 457 p.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 14* [Dictionary of the Russian Language of the 18th c. Iss. 14]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004. 280 p.
- Zeitlin R.M., Vecherka R., Blagova E., eds. *Staroslavjanskiy slovar (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (According to Manuscripts of the 10th – 11th Centuries)]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1994. 842 p.

Information About the Author

Svetlana V. Rusanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Prosp. K. Marksa, 20, 630073 Novosibirsk, Russia, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Русанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, просп. К. Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск, Россия, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.5>

UDC 81'0:003.074

LBC 81r

Submitted: 03.05.2023

Accepted: 09.10.2023

DEVELOPMENT OF THEORETICAL APPROACHES TO MODERN DOCUMENT STUDIES IN LINGUISTIC SCHOOL OF PROFESSOR SOFIYA P. LOPUSHANSKAYA

Marina V. Kosova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article presents fundamental positions of the linguistic school by Sofiya P. Lopushanskaya, Professor of Volgograd State University, and describes their theoretical advancement as being applied in the discourse studies on “Document text: history and modern state”. It explains that the study of business and administrative communication should be based on a clarified definition of the term *document* as its main constituent. The major goal of documental linguistics is to process a diverse linguistic analysis, discover objective knowledge and reason linguistic comprehension of the documental nature of communication. Within the framework of this review, some general principles of the document text analysis are presented. Firstly, they are statements on: the unity of the speech-making process approach; the interaction and coordination between language phenomena and speech production processes; extralinguistic determination of the modern document. Secondly, these statements were particularized in the linguistic school of Volgograd State University with the aim of introducing basic approaches to the study of the document text. They involve identifying the research object and its characteristics, analyzing a diverse range of texts to assess the genre and style productivity of the document text equally, and defining linguistic categories that are manifested in textual and lingual specificity. The article presents renewed facts on discursive and linguistic features of modern documents united by such text properties as consistency, structure, locality, peculiarities of the language representation of the author and addressee. It is noted that the text of the document can contain information of various qualitative types (factual, conceptual, subtextual), and it is the main constituent of the documental system and the business and administrative communication act. As the text reflects an objective and social reality, its compositional structure and semantic realization greatly depend on extralinguistic constrains. The profiles of the author (addresser) and addressee are presented as being reconstructed with the detailed observation of multi-level lingual and discursive means. The variability of the addressee profiles (the document text addressability) is presented in models of lexical, style, and text adaptation. The principles and methods of detailed description of the document text specified in the article open up new opportunities and directions for studying document typology and distinguishing relevant features of the document communication.

Key words: documental linguistics, research school, modern document, document communication, features of document text.

Citation. Kosova M.V. Development of Theoretical Approaches to Modern Document Studies in Linguistic School of Professor Sofiya P. Lopushanskaya. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 66-79. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.5>

**НАУЧНАЯ ШКОЛА ПРОФЕССОРА С.П. ЛОПУШАНСКОЙ:
РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ИССЛЕДОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ**

Марина Владимировна Косова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены основные методологические положения научной школы профессора Волгоградского государственного университета Софии Петровны Лопушанской и показано их развитие применительно к одному из научных направлений современной лингвистики – «Документный текст: история и современное состояние». Продемонстрировано, что исследование деловой коммуникации и документа как ее основного элемента – это актуальная научная задача, которая требует разноаспектного анализа языкового материала; обозначены вопросы, уже получившие лингвистическое осмысление. В рамках данного обзора описаны подходы к анализу документного текста, основанные на положениях о единстве языка и мышления, взаимодействии языковых явлений и процессов, экстралингвистической детерминированности документного текста и др., принятые в лингвистической школе Волгоградского государственного университета принципы: необходимость определения объекта исследования и его специфики; привлечение для анализа текстов различных жанров и сфер употребления; рассмотрение свойств документного текста как реализации его категорий. Представлены основные результаты изучения текста современных документов, изменяющиеся и дополняющиеся имеющиеся в лингвистике сведения о его свойствах – системности, структурности, локальности, особенностях языковой репрезентации автора и адресата. Показано, что текст документа может содержать информацию разных качественных типов, составляет элемент документной системы и коммуникативного акта, в нем находят отражение объективное и социальное пространства, образ автора объективирован равноуровневыми средствами языка, адресатность документа детерминирует его лексическую, стилевую и текстовую адаптацию. Применение этих подходов и принципов открывает новые возможности для исследования документов разных видов и особенностей документной коммуникации.

Ключевые слова: документная лингвистика, научная школа, современный документ, документная коммуникация, свойства документного текста.

Цитирование. Косова М. В. Научная школа профессора С.П. Лопушанской: развитие теоретических подходов к исследованию современных документов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 66–79. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.5>

Introduction

The sphere of business and administrative communication has now acquired certain social significance, and the document, its properties have become an object of diverse linguistic analysis. In modern discourse linguistics of Russia the notion of “document” has been clarified again and again, and several major characteristics of the document have been offered and reasoned [Buslaeva, 2016; Kosova, 2013; Kushneruk, 2009, etc]. Stylistic, culturological and discursive features of the document text were characterized in [Tokarev, 2016; 2019], the methodology of the document text study and description, linguistic methods of its analysis and

content assessment, the vectors of motivation and intention orientation are being discussed in [Plotnikova, 2016; 2017; 2018].

In the focus of attention the functional classification of the types and varieties of documents stands; the compositional structure of the document texts of different types, their genre or style reference, lexical-and-grammatical parameters have gained a fairly complete description in [Buslaeva, 2016; Karaban', 2018; Kosova, 2013; 2015; Kosova, Kul'ko, 2011; Kushneruk, 2002; 2007; 2009; Sologub, 2016b; Valgina, 2003; etc.]; recommendations on structuring certain types of documents are presented [Sharipova, 2014; Shirinkina, 2020; Yankovaya, 2001; 2017; 2022].

The categories of the document and properties of documental interactions have been identified and defined as determining the specifics of the text and speech activities in the field of business and administrative communication. The researchers have presented detailed descriptions of functional value and linguistic representation of several majoring categories of the document text. In particular, the category of officialism was defined as one of the axis that arranges studies in the field of business and administrative written communication; the language means of its representation were systematized, the criteria for identifying types of clichéd phrases were distinguished [Sologub, 2016a; 2016b]. An extraordinary uniqueness of the document text is marked by the category of addressability, which means the capability of the text to prognosticate some features of the addresser and the addressee, to point to social status or personal characteristics. The coordination of this category with the appealing function of the text and the category of understandability is justified in [Polonsky, 2000] through the methods of allocating the addressee category as depending on the genre of document text. Some researchers studied correlation between the addressability and the communicative category of politeness; methods of its implementation have been identified in [Karaban', 2018].

It is worth noticing that in some academic institutions the administrative and executive discourse is in the centre of theoretical comprehension; by now its main categories, parameters have been defined, the genre types of executive documents have been allocated in Russian linguistics and modelled as a field graph that is composed of microfields with their nuclear and peripheral segments highlighted [Shirinkina, 2020; 2021], the system of multi-level means of the executive text categories representation is described for various genre types [Bystrova, 2017; Kireeva, 2016b; Plotnikova, 2016; 2017; 2018; Sharipova, 2014; Shirinkina, 2021].

Another basic category of document text is modality. Methodological foundations for the study of modality as a basic category of document text have been offered in [Kireeva, 2016a]; the configuration of its profile has been manifested in concern with the language means used in various text types, in particular, the modality means in

several genres of the by-laws texts were allocated in [Kireeva, 2016b; 2020], the influence of the subject and the addressee on the formation of modal meaning was shown in [Kireeva, 2016a].

This listing of vectors in business and administrative documental linguistics in Russia seems incomplete as the areas and issues of the document text research demonstrate apparent complexity and variability of topics and approaches. There appeared several linguistic schools that have chosen the document text as the object of studies. Thus, a number of actual issues relevant of modern documental linguistics have been and are investigated by philologists from Volgograd State University (VolSU).

The formation of linguistic school at VolSU is associated with the name of Professor Sofiya Petrovna Lopushanskaya. General views and scientific principles of the language facts analysis, offered by Sofiya P. Lopushanskaya, are based on the statements about the unity of the speech-making process, interaction and mutual correlation of language facts, on the connection of systemocentric and anthropocentric approaches in the linguistic analysis. They were embodied to build a scientific basis for the linguistic school "Russian verb: history and modern state" at VolSU. It is worth mentioning that the accent on the historical aspect of language, its textual implementation, usage and development is mirrored in the research "Document text: history and modern state" at VolSU. Following the ideas of Sofiya P. Lopushanskaya, Volgograd researchers direct their studies to a wide range of theoretical issues and applied problems, including various aspects of documental communication, peculiarities of lexical semantics, terminological specifics, and issues of the language units as their functioning in the texts of historical and modern documents. It should be mentioned that historical documents have become the object of special attention in the researches of VolSU philologists, which shows the novelty of the VolSU school approach. In their works the basic principles of the document text analysis in diachronic and synchronic realizations were offered and successfully tested on the collections of texts of various genres with reference to different historical periods [Gorban, 2019; Gorban et al., 2016; 2020; 2022; Preferansov, 2011; Sheptukhina, 2019; 2020; Tupikova, Preferansov, 2011; etc.].

The historical aspect of the document text studies is innovative; however this article is aimed at presenting a review on several major theoretical achievements related to the study of modern document text at VolSU.

Results and discussion

On the basis of scientific experience, the linguists of VolSU formulated several fundamental principles that explain the methodology of the document text study today.

Statement 1. The content of the object under study should be clarified in a basic term. The object of documental linguistics is the text of the document, or the document text; it is defined as a written speech unity that contains information of an official or legal nature and presents it in the form of various iconic signs. In general document studies the text of the document is traditionally considered a part of the document – its requisite (material constituent), formal and language constituents of its representation [GOST R 7.0.97-2016, 2018]. However, another definition is accepted in the documental linguistics: considering the categories of integrity and completeness obligatory for the document text, the entire verbal component is termed as the document. S.P. Kushneruk notes that the linguistic component of the document is a completed speech unity, it is the result of linguistic and technological operations implemented according to a stable algorithm and regulated by both speech rules of the written norm and pragmatic rules of standardizing and unifying tools [Kushneruk, 2007, pp. 37-39; 2002; 2009].

Statement 2. The object of study should be specified. The specificity of the document text as an object of documental linguistics lies in its social determinism, which conditions social needs and a variety of business or administrative situations associated with it. The document text is a complex linguistic object: its creation is influenced by language laws, laws of speech writing, reflected in textual practice, as well as some formal rules that have a non-linguistic nature, of limiting, unifying and standardizing kind. This predetermines a special organization of the document text, combinability of its components.

Statement 3. The involvement of a wider variety of text material for analysis guarantees objectivity of research results. It is strongly

recommended to employ for the study not only basic management documentation, which is traditionally used as the primary object of linguistic consideration, though, undoubtedly, it occupies a central place in the documentation system, but also other documents that ascertain social business and administrative activities in various fields of social life: education, medicine, volunteer associations, business, etc.

Statement 4. Linguistic studies of the object under consideration should be focused on distinguishing its properties, that is, those qualities that point to its special position in the language system. As for the document text, its properties should be considered as the manifestation of text categories with their language realizations and in connection with the intention, goal and specifics of business and administrative communication.

The fundamental principles of linguistic school of Professor Sofiya P. Lopushanskaya and the basic statements of VolSU linguists, enumerated above, made the ground for revision, clarification and offering some alert view on the document as an object of discursive and communicative analysis, helped to supplement and specify knowledge on the document text, to introduce multi-level methods of its description [Kosova, Sheptukhina, 2022]. Below several majoring categories will be characterize.

Informational content

An indication of informativity as an important category of the document is contained in its definition: a document is a material medium of information. It was noted in the scientific literature that the document text transmits only factual information; other “qualitative” types of information (like conceptual and subtextual) are missing [Gal’perin, 2004; Valgina, 2003]. However, the studies conducted at VolSU showed that the document text may contain any of the three types of information (factual, conceptual and subtext information) [Kosova, Kul’ko, 2011, pp. 25-28; Kosova, 2013], which is explained by different vectors of the pragmatic purpose of the document. Owing to pragmatic specifics of the text type or variant, information is presented in assorted and variable form of expression. *Factual information* reflects facts or processes that have or may take place in reality. It is always

explicitated, verbally expressed by language units in their direct meanings (such information is presented in almost all documents, for example, in the acceptance certificate). *Conceptual information* reflects a specific vision of an event or process. It is located in such documents as a protocol of intent, a cooperation treaty, a doctrine, a concept of development, a development program, a statement of position, etc. Conceptual information in such documents is explicitly expressed and closely intertwined with factual information [Belokoneva, 2011; Bystrova, 2017]. *Subtext information* is generally encoded in some language units or concealed; its retrieval requires the capacity to feel some associations that are related to the language units or implied from the social context. The subtext is inherently implicit. The document texts, although rarely, still contain subtext information, for example, in explanatory or memorandum notes [Kosova, Kiyamova, 2013], moreover, the analysis results point to social-and-cultural information that reflects the national features of business and administration.

System organization

Any object in linguistics is viewed and described as an element of a system, a constituent that is logically connected with other constituents. However, the system arrangement of the document text demonstrates certain specificity, mainly, due to its extralinguistic environment. The systemic nature of the document depends on its interconnection with some other documents, its inclusion into a subsystem of documents that are united by a common business and administrative activity type. Therefore, it is not wise to think about the document text as an independent item, an isolated scientific object, but rather to describe it as a constituent of some typical social (business and administrative) communication, which, undoubtedly, with its extralinguistic factors, has some influence on the text categories and features that are reflected in a certain communicative act [Kushneruk, 2009].

The issue on the organization of documental systems, their typology is still under debate in documentary science. Documents are combined into systems and subsystems according to some feature, which serves as the basis of classification. In documentation studies documents are classified

by origin; a method of documentation; relation to the norm set; the number of issues raised; restriction of access; degrees of authenticity; retention periods; the system arrangement depends on the field of activity and the method of document transfer; on level of generalization and relation to original information [Kuznetsova, 2002; Lar'kov, 2006]. In studies conducted at VolSU it is required to take into account the lingual specifics of the document text organization: its size, lexical and phraseological composition, the volume of the vocabulary, the required set of obligatory document requisites, the relative amount of non-verbal components, syntactic parameters, methods of representing subjects, as well as the level of termination and peculiarities of the use of special lexemes [Belous, 2010; 2021; Kosova, 2012; Krasnova, 2009; Kushneruk, 2002; 2007; 2009; Saidgasanova, 2014].

It is worth mentioning, that following the principle of social determinism of the document text and documentation systems, the VolSU scientific school proposed the term *stratification* [Belokoneva, 2011] instead of traditional *classification* and *typology*, when analyzing the organization of documents within the borders of a typical communicative situation. Being borrowed from sociology, where it is associated with the social structure of society, this term is actively used in scientific discussions as its original meaning “associative background” could emphasize the social determinism of documentation systems. Stratification process results in distinguishing strata – interacting systems (subsystems) of documents organized under the influence of social factors. In the work of K.A. Belokoneva [Belokoneva, 2011], it is shown that the territorial differentiation of society gives grounds for distinguishing between strata of federal and regional documents that are in the relationship of hierarchy and complementarity and in which, as a rule, compositional-and-meaningful differences are often found. According to the social task performed, one can distinguish between species strata of documents – organizational and administrative, information and reference, planning and financial, and other document subsystems that perform different functions, being not only compositional, but also speech active, which is determined by the conditions of the communicative act, and above all by the factors

of the addresser and addressee. Documentary strata interact, intersect, representing a multidimensional system.

Structure organization

Structure is traditionally understood as the preservation of basic properties of the object irrespective of any external and internal changes, that is, the close ties between elements and subsystems, which ensure its integrity and identity. Being an important characteristic of the document text, since its structure ensures regularity and similarity in information search and transfer, it is secured by the document form through the strict arrangement of requisite details.

The general knowledge about the structure of the document text was clarified and specified in the researches carried out at VolSU. It was proved that the standard structure of the document text when being brought into discourse practice demonstrates some variability. Using the document concept of a form (*formular*), documental linguistics establishes correlation between the form as a set of requisite details that are emblematic of a certain type of the document and the compositional-and-content organization of the document text. In this case, the main focus is on the description of language specificity in realization of every requisite detail and analysis of the entire document text organization in terms of its coherence and integrity.

Studies have shown that the emblematic compositional structure of a certain document type could deviate from a standard, which depends primarily on extralinguistic factors like specifics of the documental management process, the status of the document in the documentation system, or the level of its functioning, the value of the communicative sphere, the addressee of the document, the nature of the material medium and etc. [Belokoneva, 2011]. Thus, it is true to say that the compositional-and-content structure of the document makes provision for variability.

Locality

The characteristic feature of locality, or spatial localization, is inherent in texts of different styles and genres. In general text study several types of space are distinguished: *objective*

(reflection of the real world as proceeded through the consciousness of the text creator); *social* (social connections and relationships intuitively felt by people); *psychological* (a combination of psychological states), etc. Types of space are diversely presented in text types and their selection depends on the genre-and-style affiliation (for example, see the works of M.M. Bakhtin, Yu.M. Lotman, V.N. Toporov, etc.).

For the document text that primarily conveys factual information, objective space is important. However, it has been proved that, though being of basic importance, the objective space may be crossed with social space since documents are products of social activity and contain various information about the processes, places and interactions of subjects that take place in society.

It is also important to note that, although the rules of document management require unification and even internationalization of document systems, the text of the document is formed within borders of a certain cultural community and cannot but reflect the national traditions adopted in society or in a particular social sphere of document preparation and execution, its national originality, therefore, the local organization of the document text reflects the socio-cultural and even national-cultural qualities [Kosova, Kul'ko, 2011; Kosova, Kiyamova, 2013].

The studies have shown that the functional diversity of documents explains the phenomenon of space type mixture, when several types of space (objective, social and national, cultural) might be presented in one text, that is, the multidimensional spatial localization of the document text.

Author's profile

Regarding the heterogenous nature of the term *author*, some explanations should precede our clarification of this textual characteristic. Firstly, this term is often substituted by *addresser*, *subject of documentary speech*; secondly, the term points to the collectivity of authorship typical of most documents. In the production of the text of the document, as a rule, several people participate: both the executor and the manager who signs the document, and by signing or approving it, the person accepts responsibility for the document and, therefore, also becomes its author.

In basic publications it is noted that the author is removed from the document text and even leveled (see the works of N.S. Valgina, I.R. Galperin, etc.); it is indicated only in special props. However, according to another point of view, the author is not removed from the text, being an addresser he manifests himself in the texts of any genre affiliation, and in the document, the author's profile is realized as determining his status in society, his attitude to real state of things. While analyzing document texts of various genre references, VolSU linguists discovered that the authors' profile can be retrieved and reconstructed as information about their social (status) characteristics, the system of values (assessments) and intentions. The combination of such status markers is reflected in the semantic structure of the text, pointing to the place of the author in society, to the attitude to the content of the document [Kosova, 2016].

The social characteristics of the author are of particular importance for the document, since it is the status of the author (the addresser) that largely determines its purpose, the main function (cf. statement expressing the request, order containing a direction or command, agreement aimed at establishing interaction, agreement).

The value system of the author of the text is expressed by language units with semantics of evaluation. It is necessary to note, that the assessment is not of subjective, emotional nature, it is a rational assessment, which is expressed by units of different levels of the language.

The intentions, that is, the motive settings of the author of the document text, determine the format of the text, the type (genre) of the document. The set of intentions implemented in the document, at first glance, is limited. As the main ones, it includes rationing or informing administrative intentions. In this case, one document as a rule cannot contain more than one intention. However, it requires strong interpretation skills to define the profile of intention as it specifies the content and points to a type reference in general classification of document texts. Our detailed consideration of documents of different types makes evidence that it is at the level of intention that *citizens' appeals* (applications, proposals and complaints), *service letters* (request, complaint, advertising letter, etc.) are distinguished.

Stating that the author's profile is represented in the document text, we understand that its realization is regulated by the conventionality of typical situations of business and administrative communication; standardization of the means of speech organization of the document text limits quality and amount of information about the addresser and establishes the choice of means to transmit such information.

Addressability

The importance of the addressee for general organization of the document text in business and administrative communication, led to the rise of linguistic works on this subject. The efficiency of business and administrative communication depends on how much the text explicates ideas about the addressee, his social status, other characteristics.

In studies of linguists of VolSU, the property of addressability is associated not only with the categories of comprehension and politeness [Karaban', 2018], but also with the adaptability of the documentary text. The accuracy in the field of business communication requires a fairly tight fixation of information, standardization of its linguistic expression, stability of the format of the document. At the same time, the document is subject to the properties of the language system as a whole, which is adaptive in nature, manifested in its flexibility and mobility, multidimensionality, some blurring of forms and values. The variability of the system is an important property due to its functional nature, and it manifests itself in the documentary text.

Adaptability of the text

Our studies have shown that, taking into account the addressee factor, several types of adaptation in the document text can be distinguished, the main ones are lexical, style and textual.

A. Lexical adaptation.

The lexical core of the document text is composed of terms of the subject area which the document reflects. Taking into account the peculiarities of the use of terms, V.M. Leychik offered to distinguish three types of texts [Leychik, 1990, pp. 82-83]. The classification proposed is

also applicable to texts that contain terminology of documentation. Thus, we can speak about: *term-fixing texts* in which terms that already existed at the time of text creation are presented, they are recorded as mandatory, recommended or, on the contrary, as not recommended, unacceptable (in explanatory terminology dictionaries, reference books, standards, classifiers, some textbooks, etc.); *term-using texts*, which include terms that are pre-fixed in the vocabulary of the language, they are already known to the recipient of the text (articles of an overview nature, various kinds of scientific, technical, business documents, secondary information documents, etc.); *term-generating texts*, the authors of which for the first time introduce new terms into the process of formulating and presenting a new theory, concept, new invention or discovery (scientific articles and other genres of scientific papers).

The works of VolSU linguists show that there are texts of a mixed type: partially they demonstrate features of the term-fixing type (including a list of terms used in the text of the document, terms with their definitions), and the term-using text. Such documents are the texts of laws, as well as regulations widely used in modern business communication [Sharipova, 2014]. The combination of fragments of term-fixing and term-using texts in one document is due to the orientation of the document to the addressee, the adaptation of the text to its needs: this removes the possibility of unambiguous interpretation of concepts, ensures the speed and efficiency of business and administrative communication.

The most important term-fixing texts in the field of documentation are standards for terms and definitions. Although the standards are advisory in nature, they unify terminology and regulate business and administrative communication. The recommendations of the standards are guided in the manuals by practitioners who normally use terms in the texts of official business documents.

Monitoring of the lexical standards realization in the documents reflects changes that occur in the terminology of a singled area. The linguistic analysis of the standards for terms and definitions in a comparative angle made it possible to establish qualitative and quantitative changes in the form and meaning of terminological units.

Thus, in the area “Paperwork and Archival Affairs” [Tyurikova, 2013] the main directions of terminological dynamics was identified, the necessity to substantiate the feasibility to reflect the conceptual and terminological apparatus of the documentation management was argued as creating an industry interactive dictionary, which includes units selected from term-using and term-generating documentary texts.

For the field of document management, which also has a wide range of professional implementations, industry dictionaries are important as they reflect the conceptual and terminological apparatus of a particular subject area. As V.N. Nemchenko the author of a series of linguistic dictionaries noted, the talk about the consistency of terms means primarily the conceptual (or logical and semantic) relations between them, and terminological systems unite not only the totality of all terms of a separate language, but the totality of terms of different branches of knowledge, different spheres of human activity, which determines the existence of numerous subsystems within each terminological system [Nemchenko, 2008, p. 339]. This principle is important for any lexicographic source. Preparation of the dictionary always precedes the formation of a terminological database, identification of relations between units, which determines the methods of their presentation in the dictionary. Such work in relation to the terminology of the document management sphere was carried out in VolSU. In particular, the study of E.S. Belous presents the logical and conceptual structure of the documentation management sphere, the basic (main and additional) and added classes of concepts are delimited, the terminological apparatus is systematized, the characteristic features of the terminological system denoting this subject area, integrativity and dynamism are identified [Belous, 2021]. Thus, a ground has already been prepared on the basis of which an industry (one or more) terminology dictionary can be created.

B. Style adaptation.

For adaptation of this type, the specificity of the addressee profile matters.

The text of the document that is intended for a general addressee type makes provision for officiality reduction, as it includes, along with the

units of the official and business style, the traits of journalistic style. At the same time, certain ratio of parameters is preserved, as any discoordination can lead to the loss of its relevant properties, destruction of the format system, and transition to a new quality type. For example, documents of the field of education management (doctrine, concept, modernization program, etc.) are intended for broad groups of addressee. This phenomenon was studied by K.A. Belokoneva [Belokoneva, 2011]. A complex analysis of these documents proved that the system of documents in the field of public administration of education, though being well-structured and compositionally stable, is *adaptive*, which is determined by any change in socio-communicative environment. It is seen in variability of pragmatic division and sign composition of props text, in language means that points to the author, addressee, in designation of retrospective and perspective documents, descriptions of social situation, in the structure of semantic dominant, style reference of lexical units. In these documents, along with the means of the official-business style, which, of course, prevail, the means of journalistic and conversational styles may be noticed. Active usage of language means of the documentary style is determined by the intention to convince the addressee in the vital necessity for system transformations. The elements of journalistic and conversational styles add some assessment, thus fulfilling the social task of the document [Belokoneva, 2011].

Considering the planning documents of the field of education and culture, A.S. Bystrova identified two groups: strategic planning documents and tactical planning documents [Bystrova, 2017]. The detailed analysis of their speech organization made it possible to characterize the category of futurity for the document text, to determine the peculiarities of stylistic means usage in the texts of planning documents of different types in Russian, to establish reasons for that. The research results noted that in the text of strategic planning documents futurity is predictable in nature and is implemented by means of official-business and journalistic styles; in the text of tactical planning documents, futurity is analytical in nature and is implemented by means of the official business style.

C. Text adaptation.

Document texts as means of business and administrative communication are heterogeneous

in nature, which explains the reason for introducing the terms *document language tools* and *degree of documentation* in linguistic analysis [Buslaeva, 2016]. The adaptation of the document text is determined primarily by the specifics of its addressee, which determines the properties of the text in general. The degree of documentation is determined by a number of parameters: belonging to a certain system; availability of details issued in accordance with GOST; main function; type of information transmitted; compliance with the norms of the official business style.

Examining documents (documentary means) of different types, E.S. Buslaeva and E.S. Pligina [Buslaeva, 2016; Pligina, 2012] revealed three degrees of documentation: texts of *a high degree of documentation* (business letters aimed at prompt resolution of issues: letter of guarantee, letter of request, letter of response); information letters; contact-setting letters (letter of invitation, letter of offer, letter of congratulations); *medium degree of documentation* (letter of guarantee, letter of request, letter of reply); information letters; contact-setting letters (letter of invitation, letter of offer, letter of congratulations); texts of *a low degree of documentation* (corporate publication, media text, brochure, prospectus, etc.).

There exist other types of text adaptations. They are associated with the communicative sphere (its breadth or limitation of activities, the number of communicants, socio-cultural conditions, etc.).

One original text can undergo different levels of adaptations, as was shown by the analysis of medical clinical recommendations in [Romanova, Kosova, 2022]. Communication in the sphere of medicine is quite variable and heterogeneous. The addressee of medical texts is medical staff (doctors, paramedics, nurses, etc.), but while communicating with citizens (consumers of medical services) they should keep a patient-oriented approach in mind [Romashova, Romanova, 2020], which leads to the necessity to adapt their speech and texts of various genres with the aim to simplify presentation of scientific information for patients.

By examples of the texts of medical clinical recommendations, O.V. Romashova and N.A. Romanova managed to reconstruct the process of text adaptation. Having taken the structure and content of the basic medical text

for the ground version, they distinguished and described several variants of secondary texts (guidelines): for nurses or for patients (addressee targeted adaptation), shortened texts (referential adaptation), electronic (instrumental adaptation), and computerized (instrumental adaptation). In addition, the adaptation of special texts goes with the aim of harmonization – a procedure after which the secondary (adapted) text acquires information self-sufficiency with a clearly set purpose and orientation.

Conclusion

This article was aimed at providing a list of achievements of VolSU linguists in developing the discursive theory of the document text, which, however, is far from being full or complete. Nevertheless, certain results could be considered as of vital importance. In particular, the definition of the document text is specified as a complete and integral speech unity, the verbal part of the document.

It is clear that the main properties of the document text are its categories that have lingual representation and demonstrate specificity of the document type. The results interpretation and analysis of large collections of texts made it possible to prove that the document text could keep and transfer information of various types – mainly factual, but also conceptual, subtext and socio-cultural, which depends on a type/sort reference of the document and resembled in language means. As the documents in business and administrative sphere definitely depend on extralinguistic environment of interactions, they may be sorted with territorial or content types of stratification, however, the documental strata markers interact, intersect, representing a multidimensional discourse system.

Compositional organization of the document text is variable; type/sort variants determine the multidimensional space of text localization, representation and interconnectedness of objective, social and national-cultural spaces in them.

The author's profile is represented in the document in various ways and details; it is information about social and professional status characteristics, the system of social values and motivations. The addressability is associated both with the categories of comprehension and

politeness, and requires variable text adaptation due to the intentions of the document text production.

The long time experience accumulated by the school of linguistics of Professor Sofiya P. Lopushanskaya, the fundamental principles of language and text studies and development of research methods allows stating and solving new issues in research thus improving the linguistic knowledge on the document text nature.

REFERENCES

- Belokoneva K.A., 2011. K probleme zhanrovo-stilevoy prinadlezhnosti dokumentnogo teksta [On the Problem of Genre and Style of a Document Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 2 (14), pp. 148-153.
- Belous E.S., 2010. Leksiko-semanticheskaya kharakteristika terminov upravleniya dokumentatsiy [Lexical-Semantic Characteristics of Terminology in Documentation Management]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 2 (12), pp. 13-18.
- Belous E.S., 2021. *Terminologiya upravleniya dokumentatsiy: semantika, struktura, funktsionirovanie* [Documentation Management Terminology: Semantics, Structure, Functioning]. Volgograd, VolgGTU Publ. 164 p.
- Buslaeva E.S., 2016. Dokumentnost kak svoystvo teksta (na primere tekstov sfery PR) [Document Nature as a Text Feature (Exemplified by PR Texts)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 70-77. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.8>
- Bystrova A.S., 2017. Zhanrovye parametry strategii kak dokumenta dolgosrochnogo planirovaniya [Genre Parameters of Strategy as a Document of Long-Term Planning]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 199-206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20>
- Gal'perin I.R., 2004. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as a Domain of Linguistic Research]. Moscow, Editorial URSS Publ. 144 p.

- Gorban O.A., 2019. Donosheniya i raporty donskikh kazakov v seredine XVIII v.: istochnikovedcheskiy analiz [The Donosheniya and Reports of Don Cossacks in the Mid 18th c.: Source Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 4, pp. 45-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>
- Gorban O.A., Ilyinova E.Yu., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2016. Zhanrovye osobennosti voyskovykh gramot serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhailovskiy stanichnyy ataman») [Genre Characteristics of Military Charters of the 18th c. (On Materials of the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive Fund)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 18, no. 4 (157), pp. 182-199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Svetlov A.V., 2022. Korpus arkhivnykh dokumentov Voyska Donskogo: problemy morfologicheskogo analiza [Corpus of the Archival Documents of the Don Cossack Army: Problems of Morphological Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 47-56. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.4>
- GOST R 7.0.97-2016. *Unifitsirovannyye sistemy dokumentatsii. Unifitsirovannaya sistema organizatsionno-rasporyaditel'noy dokumentatsii. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov* [Unified Documentation Systems. The Unified System of Organizational and Administrative Documentation. Requirements for Registration of Documents], 2018. Moscow, Standartinform Publ. 27 p.
- Karaban' N.A., 2018. Soderzhanie i verbalnaya reprezentatsiya kommunikativnoy kategorii vezhlivosti (na materiale pismennykh zhanrov ofitsialno-delovogo stilya) [The Meaning and Verbal Representation of the Communicative Category of Politeness (Based on Written Genres of Official-Business Style)]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of "Humanities"], no. 3-2, pp. 155-158.
- Kireeva E.Z., 2016a. «Sledy» avtora v tekste dokumenta, ili k probleme pragmaticheskogo analiza teksta ["Traces" of the Author in the Document Text, or the Problem of Pragmatic Text Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 44-52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.5>
- Kireeva E.Z., 2016b. *Yazyk regionalnogo zakonodatelstva: intentsii subyekta dokumentnoy rechi* [The Language of Regional Legislation: The Intentions of the Document Speech Subject]. Tula, Tulskoe proizvodstvennoe poligraficheskoe obyedinenie. 208 p.
- Kireeva E.Z., 2020. K voprosu o soderzhanii i granitsakh subyektivnoy modalnosti [To the Question of Content and Boundaries of Subjective Modality]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities], no. 2, pp. 22-27.
- Kosova M.V., 2012. Sistemnost kak svoystvo dokumentnogo teksta [Systematics as a Feature of the Document Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 1 (15), pp. 7-11.
- Kosova M.V., 2013. Informativnost dokumentnogo teksta: lingvisticheskie kriterii mery [Informativity of Document Text: Linguistic Criteria of Measure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 85-89.
- Kosova M.V., 2015. Parametry rechevogo zhanra kak model dokumentnogo teksta [Speech Genre Characteristics of the Documentation Text Model]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], vol. 4, no. 6, pp. 16-19. DOI: <https://doi.org/10.12737/16551>
- Kosova M.V., 2016. Subyektivnost kak komponent modalnosti dokumentnogo teksta [Subjectivity as a Component of Modality in the Document Text]. Kuksa I.Yu., ed. *Kategoriya modalnosti v*

- rechevoy kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [The Category of Modality in Speech Communication: Collection of Research Papers]. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta Publ., pp. 162-168.
- Kosova M.V., Kiyamova S.Kh., 2013. Kategoriya lokalnosti v dokumentnom tekste [The Category of Locality in a Document Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 1 (17), pp. 6-10.
- Kosova M.V., Kul'ko O.I., 2011. *Dokumentnaya lingvistika: dokumentnyy tekst v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Documental Linguistics: Document Text in the Modern Communicative Space]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 96 p.
- Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2022. Metodologicheskie polozheniya lingvisticheskoy kontseptsii professora S.P. Lopushanskoy: novye sfery primeneniya [Methodological Provisions of the Linguistic Approach of Professor S.P. Lopushanskaya: New Application Spheres]. Dmitrieva E.G., Safonova I.A., eds. *Slovo i tekst v sinkhronii i diakhronii: sb. st. k 95-letiyu so dnya rozhdeniya Sofii Petrovny Lopushanskoy* [The Word and the Text in Synchrony and Diachrony: A Collection of Articles Dedicated to the 95th Anniversary of Prof. S.P. Lopushanskaya]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 26-48.
- Krasnova O.N., 2009. Kompozitsionno-rechevaya realizatsiya informativnoy funktsii v nauchnom dokumente [Speech Pattern Realization of the Category of Informativity in Scientific Document]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 1 (9), pp. 77-81.
- Kushneruk S.P., 2002. Sovremennoe sostoyanie dokumentnoy lingvistiki kak napravleniya v yazykovedenii [Documental Linguistics as a Domain of Language Studies: Current State]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, iss. 2, pp. 101-107.
- Kushneruk S.P., 2007. *Lingvistika dokumentnoy kommunikatsii (teoreticheskie aspekty)* [Linguistics of Document Communication: Theoretical Aspects]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 276 p.
- Kushneruk S.P., 2009. *Sovremennyy dokumentnyy tekst: sozdanie i issledovanie* [Modern Document Text: Creation and Studying]. Moscow, Liberiya-Bibinform Publ. 192 p.
- Kuznetsova T.V., 2002. *Deloproizvodstvo (dokumentatsionnoe obespechenie upravleniya)* [Document Management (Documentation Support of Administration)]. Moscow, ZAO Biznes-Shkola Intel-Sintez Publ. 374 p.
- Lar'kov N.S., 2006. *Dokumentovedenie* [Document Studies]. Moscow, Vostok-Zapad Publ. 427 p.
- Leychik V.M., 1990. Osobennosti funktsionirovaniya terminov v tekste [Peculiarities of Terms Functioning in a Text]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 3, pp. 80-87.
- Nemchenko V.N., 2008. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Language Studies]. Moscow, Drofa Publ. 703 p.
- Pligina E.S., 2012. K probleme dokumentnogo statusa PR-teksta [PR Text as a Document]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 2 (16), pp. 146-149.
- Plotnikova A.M., 2016. Dokumentnyy tekst kak obyekt sudebnoy lingvisticheskoy i avtorovedcheskoy ekspertizy [Document Text as an Object of Judicial Linguistic and Authorship Examination]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (16), pp. 37-43. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.4>
- Plotnikova A.M., 2017. *Konfliktnaya kommunikatsiya v aspekte sudebnoy lingvistiki* [Conflict Communication in the Frameworks of Forensic Linguistics]. Yekaterinburg, Moscow, TXT Publ. 196 p.
- Plotnikova A.M., 2018. Naivnaya lingvokreativnost: ot shutki do sudebnogo razbiratelstva. Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatelnosti [Naive Linguistic Creativity: From a Joke to a Trial]. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatelnosti* [Psychological Aspects of Speech Study], iss. 16, pp. 108-116.
- Polonskiy A.V., 2000. *Kategorialnaya i funktsionalnaya sushchnost adresatnosti (na materiale russkogo yazyka v sopostavlenii s polskim): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Categorical and Functional Essence of Addressness (Exemplified by the Russian Language Contrasted with Polish). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Orel. 40 p.
- Preferansov S.A., 2011. Knizhnaya i razgovornaya leksika v dokumentakh Tsaritsynskogo gorodovogo magistrata (1784–1799 gg.) [Written and Spoken Lexics in Official Document of Tsaritsin Town Council (1784–1799)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 1 (13), pp. 58-64.
- Romanova N.A., Kosova M.V., 2022. Adaptirovannyi tekst v sovremennoi spetsialnoi kommunikatsii:

- ponyatie, vidy, svoystva [Adapted Text in Modern Special Communication: Concept, Types, Properties]. *PRIMO ASPECTU*, no. 4 (52), pp. 61-68. DOI: 10.35211/2500-2635-2022-4-52-61-68
- Romashova O.V., Romanova N.A., 2020. Lingvisticheskaya reprezentatsiya patsient-orientirovannogo podkhoda v lechebnom protsesse (na materiale klinicheskikh rekomendatsiy) [Linguistic Representation of the Patient-Oriented Approach in the Treatment Process (Based on Clinical Recommendations)]. *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya, yazykoznanie* [Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics], iss. 2 (2), pp. 95-107.
- Saidgasanova E.U., 2014. Dokumentnaya kommunikatsiya kak vid sotsialnoy kommunikatsii [Document Communication as a Form of Social Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (22), pp. 105-109. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.13>
- Sharipova R.R., 2014. Kompozitsionno-rechevaya organizatsiya reglamenta kak reguliruyushchego dokumenta [The Compositional and Speech Organization of Regulation Text as a Regulatory Document]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (21), pp. 82-89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.2.11>
- Sheptukhina E.M., 2019. Zhanrovye parametry skazki kak dokumenta serediny XVIII veka v aspekte sozdaniya lingvisticheskogo korpusa [Genre Parameters of a Narrating as a Document of the Mid-18th Century in the Aspect of Creating a Linguistic Corpus]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 11, pp. 114-129. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-114-129
- Sheptukhina E.M., 2020. Zhanrovaya parametrizatsiya raspisok serediny XVIII veka (na materiale arkhivnogo fonda Mikhaylovskogo stanichnogo atamana) [Genre Parametrization of Receipt in the Middle 18th Century (With Reference to "Mikhailovsky Stanitsa Ataman" Archive)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 74-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.7>
- Shirinkina M.A., 2020. Informatsionnyy tip dokumentov ispolnitelnoy vlasti: problemy vydeleniya i opisaniya [Information Documents of Executives: Problems of Identification and Description]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 4, pp. 157-169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.14>
- Shirinkina M.A., 2021. Formaty i zhanry mediakommunikatsii ispolnitelnoy vlasti [Formats and Genres of Media Communication of the Executive Power]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1 (29), pp. 66-77. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77>
- Sologub O.P., 2016a. Binarnye klisheirovannye slovosochetaniya ofitsialno-delovoy rechi [Binary Clishe'd Phrases of Official Business Language]. *Bolgarskaya rusistika*, no. 2, pp. 18-29.
- Sologub O.P., 2016b. Ofitsialnost kak organizuyushchee nachalo dokumentnoy kommunikatsii [Officiality as an Organizing Principle of Official Business Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 18-27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.2>
- Tokarev G.V., 2016. Dokumentnyy i khudozhestvennyy teksty v aspekte realizatsii ikh priznakov [Features of Document and Literary Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 77-81. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.9>
- Tokarev G.V., 2019. Diskursivnye osobennosti lichnogo dnevnika kak kamernogo dokumenta [Private Diary as a Chamber Document: Discourse Peculiarities]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 48-56. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.5>
- Tupikova N.A., Preferansov S.A., 2011. Strukturno-funktsionalnye svoystva dokumentov v sostave arkhivnogo fonda tsaritsynskogo gorodovogo magistrata [Structural and Functional Peculiarities of the Documents That Comprise the Archive Fund of Tsaritsin City Council]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies], no. 28 (243), pp. 106-108.
- Tyurikova N.A., 2013. Ekstra- i intralingvisticheskie prichiny izmeneniy v terminologii [Extra- and Intralinguistic Reasons of Changes in Dynamic Terminologies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 4, pp. 157-169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.14>

- gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. *Yazykoznanie*, no. 1 (17), pp. 126-129.
- Valgina N.S., 2003. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ. 191 p.
- Yankovaya V.F., 2001. Delovoy stil (o spetsifike yazyka upravlencheskikh dokumentov) [Business-Letter Style. On the Peculiarities of the Language of Administrative Documents]. *Sekretarskoe delo*, no. 4 (25), pp. 17-22.
- Yankovaya V.F., 2017. Ponyatie i priznaki dokumenta [The Concept and the Features of the Document]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives], no. 2, pp. 16-23.
- Yankovaya V.F., 2022. O podkhode k klassifikatsii dokumentnykh sistem i dokumentov [On the Approach to Classifying Documentation Systems and Documents]. *Deloproizvodstvo*, no. 3, pp. 5-12.

Information About the Author

Marina V. Kosova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Информация об авторе

Марина Владимировна Косова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.6>

UDC 81'322.2
LBC 81.112

Submitted: 13.05.2023
Accepted: 09.10.2023

PARAMETRIC TAXONOMY OF EDUCATIONAL TEXTS¹

Roman V. Kupriyanov

Kazan Federal University, Kazan, Russia;
Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

Marina I. Solnyshkina

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Polina A. Lekhnitskaya

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article is aimed at considering the issue of the discursive text typology and developing a parametric model of the elementary school texts for the ontological domain by employing a corpus-based approach and methods of linguistic statistics. The research corpus of over 90,000 tokens comprises texts of 13 textbooks acknowledged in the 2nd grade of Russian schools. The applied multifactor discriminant analysis enabled identification and validation of typological characteristics of the texts under study, offering the formula for referring educational texts to a subject domain on Philology, Mathematics, and Natural Sciences. The discriminant analysis results confirmed the hypothesis that each type of text corresponds to a parametric model, which includes six constants: the average number of words in a sentence, the average number of nouns, the average number of verbs and the average number of adjectives per sentence, local noun overlap, global argument overlap. The assessment of linguistic parameters was performed by an automatic Russian text analyzer RuLingva. The classification accuracy of the parametric model was identified as 80%, which ensures its high reliability and allows for the data obtained to be employed in linguistic expertise, as well as for in automated linguistic profiling of texts. The prospect of the research implies installation of the model in RuLingva and development of similar models for texts of other subject domains.

Key words: discourse, subject domain, lexical parameters, syntactic parameters, mathematical model, discriminant analysis.

Citation. Kupriyanov R.V., Solnyshkina M.I., Lekhnitskaya P.A. Parametric Taxonomy of Educational Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 80-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.6>

УДК 81'322.2
ББК 81.112

Дата поступления статьи: 13.05.2023
Дата принятия статьи: 09.10.2023

ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ ТАКСОНОМИЯ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ¹

Роман Владимирович Куприянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия;
Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия

Марина Ивановна Солнышкина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Полина Александровна Лехницкая

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Представленное исследование нацелено на решение проблемы типологизации текста как единицы дискурса и выполнено в рамках корпусного подхода с применением методов лингвистической статистики. Исследовательский корпус, общий объем которого превышает 90 тыс. словоформ, включает тексты на русском языке из 13 учебников для 2-го класса российских школ. В результате многофакторного дискриминантного анализа выявлены типологические характеристики текстов учебных дискурсов трех предметных областей – филологии, математики, естествознания. Рассчитаны формулы для классификации текстов по предметным областям. На основе этих формул разработана и валидирована параметрическая модель. В нее входят шесть параметров: среднее количество слов в предложении, среднее количество существительных, среднее количество глаголов и среднее количество прилагательных на предложение, локальный повтор существительного, глобальный повтор аргумента. Расчеты значений лингвистических параметров произведены при помощи автоматического анализатора текстов на русском языке RuLingva. Высокая степень классификационной точности параметрической модели – 80 % – обеспечивает ее достаточную надежность и позволяет применять полученные данные в лингвистической экспертизе, а также для автоматизации лингвистического профилирования текстов. Перспектива исследования связана с инсталляцией модели в RuLingva и разработкой аналогичных моделей для текстов учебного дискурса других предметных областей. *Вклад авторов:* Р.В. Куприянов – проведение дискриминантного анализа, описание результатов статистической обработки данных, анализ результатов и формулировка выводов; М.И. Солнышкина – разработка концептуального подхода исследования, анализ результатов и формулировка выводов; П.А. Лехницкая – подготовка материала исследования, обработка корпуса текстов в автоматическом анализаторе текстов, описание первичных результатов.

Ключевые слова: дискурс, предметная область, лексические параметры, синтаксические параметры, математическая модель, дискриминантный анализ.

Цитирование. Куприянов Р. В., Солнышкина М. И., Лехницкая П. А. Параметрическая таксономия учебных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 80–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.6>

Введение

Современная прикладная лингвистика решает актуальные для общества задачи: разрабатывает переводческие алгоритмы, осуществляет автоматизированную обработку естественного языка, проводит так называемый «интеллектуальный» анализ текста (англ. text mining) и пр. Область применения ее достижений весьма обширна – от подбора текста с требуемым контентом до рекомендаций по модификации текста для определенной категории потенциальных реципиентов [Solovyev, Solnyshkina, McNamara, 2022]. В настоящее время созданы и успешно функционируют автоматические анализаторы или профайлеры текстов, рассчитывающие до 200 лингвистических параметров. Каждый из такого рода профайлеров, в том числе Coh-Matrix-Port 3.0 (fw.nilc.icmc.usp.br:23380/cohmetrixport) или RuLingva (rulingva.kpfu.ru), используется не только для расчета лингвистических параметров текстов, но и для их сравнения и изменения. Спектр лингвопрагматических целей исследователей, аналитиков и разработчиков учебных и контрольно-измерительных мате-

риалов может включать, например, упрощение текста для определенных категорий читателей, являющееся в настоящее время весьма востребованным [Ermakova et al., 2023], выявление происхождения лексики, иллюстрации использования слова в определенном регистре, подтверждение принадлежности слова к лексическому минимуму Общевропейской шкалы (англ. CEFR) (www.coe.int/ru/web/lang-migrants/cefr-and-profiles) и др. Именно такого рода функционал имеют Lextutor (www.lexutor.ca/vp/eng), TextInspector (textinspector.com), Текстометр (textometr.ru), ReaderBench (readerbench.com), T.E.R.A. (soletlab.adaptiveliteracy.com:8443). Однако ни один из существующих анализаторов не является дискурсивным профайлером, то есть не позволяет автоматически определить регистр, дискурс и тип текста по его лингвистическим параметрам. Особо актуально сегодня и определение референтного диапазона значений параметров для классификации различных типов текстов. Востребованность такого рода профайлеров велика при подборе тестов для определенных целей (учебных, мониторинговых, информативных, суггестивных и др.), а также при установлении авторства,

отборе и подготовке текстовых материалов для различных категорий пользователей.

Предлагаемое читателям исследование является частью большого проекта, конечная цель которого – составление списка типологических лингвистических параметров, определяющих предметную область учебного текста, уровень его когнитивной и лингвистической сложности. В данной статье рассматривается возможность применения дискриминантного анализа для создания математической модели, которая дифференцирует используемые в начальной школе учебные тексты трех предметных дискурсов (математического, филологического, естественно-научного). Такая модель позволит осуществлять «профилирование» текста.

Гипотеза исследования заключается в том, что академические тексты заданной сложности (например, в диапазоне одного учебного года), предназначенные для применения в различных предметных областях (математика, филология, естествознание), имеют количественные лексические и синтаксические различия. Эти различия носят типологический характер и позволяют идентифицировать тип, дискурс, уровень сложности и даже автора (источник) текста.

Материал и методы

Специфика академического (или учебно-научного) текста состоит в его особой коммуникативной функции и прагматике, а именно в его направленности на целевую аудиторию. Определяя учебно-научный текст как сообщение в письменной форме, характеризующееся смысловой и структурной завершенностью, связанностью и направленное на передачу и усвоение знаний, то есть на процесс обучения, Ж.И. Жеребцова особо подчеркивает его нацеленность на передачу информации [Жеребцова, 2007, с. 29]. Очевидно, что информативность текста для читателей во многом обусловлена их готовностью к восприятию и пониманию содержания текста, то есть их когнитивными способностями. Такого рода готовность трактуется в дискурсивной комплексологии как относительная сложность или трудность [Östen, 2004; Vulté, Housen, 2012; Pallotti, 2015]. При этом очевидно, что «объективная сложность» всегда манифестируется

в лингвистических параметрах текста: морфологических, лексических, синтаксических и дискурсивных [Solnyshkina, Harkova, Kazachkova, 2020]. Именно они вместе с содержанием или ситуационной моделью референта текста [Solovyev, Solnyshkina, McNamara, 2022] детерминируют трудность его восприятия для различных категорий языковых личностей читателей [Солнышкина, Казачкова, Харькова, 2020].

Значимыми при восприятии устного и письменного (печатного или электронного) текста являются так называемые количественные параметры, к которым, в частности, относят длину текста, среднее количество слогов или символов в слове (длина слова) и слов в предложении (длина предложения). Именно данные параметры определяются в комплексологии как обобщенные статистические параметры, влияние которых на восприятие обусловлено относительно небольшим объемом оперативной памяти человека [Оборнева, 2006, с. 5].

Длина предложения как предиктор сложности представляет особый интерес, поскольку именно она может затруднять восприятие и понимание текста [McNamara et al., 2014, p. 2]. Аналогично длине предложения оценивается и длина слова: чем длиннее слово, тем больше времени требуется для его восприятия, понимания и удержания в кратковременной памяти [Вахрушева и др., 2021, с. 93]. Короткие слова проще читать, следовательно, они легче воспринимаются, поскольку морфологическая сложность слова создает дополнительные смыслы, влияя на его информативность [Gatiyatullina et al., 2020].

Большую роль в восприятии текста играют и другие морфологические параметры – доли различных частей речи в тексте. В корпусной лингвистике разработаны методики определения жанра на основе относительных частот отдельных частей речи [Seifart et al., 2012, p. 10]. На материале английского языка валидированы статистически значимые различия регистров и типов дискурсов [Biber, 2006]. Например, доказано, что повторяющиеся глаголы создают более связную структуру событий, которая облегчает и улучшает понимание ситуационной модели. Особенно актуален данный параметр при лингвистическом анализе повествовательных текстов [McNamara, Graesser,

Louwerse, 2012]. Аналогичные закономерности выявлены и для текстов на русском языке [Журавлев, 1988; Разговорная речь..., 2009]. Предикторами сложности, имеющими высокую степень достоверности, принято также считать среднее количество глаголов, среднее количество прилагательных, среднее количество существительных на предложение [Solnyshkina, McNamara, Zamaletdinov, 2022]. Доказанным для русского языка признано и увеличение доли имен существительных в родительном падеже по мере роста сложности текста. Например, в текстах учебников биологии в диапазоне от 5-го до 11-го класса их доля растет от 34 до 41 %, а по обществузнанию – от 23 % до 38 % [Gatiyatullina et al., 2020].

К лингвистическим параметрам сложности текста относятся и так называемые относительные предикторы, то есть меры, основанные на отношении одних групп единиц к другим. К таким параметрам можно отнести, например, номинативность (отношение глаголов к существительным) и описательность (отношение прилагательных к существительным) [Мартынова и др., 2020].

Следующая группа параметров – лексические. Прежде всего это повторы отдельных лексем. Традиционно рассматриваются локальные повторы, то есть повторы внутри одного предложения или в смежных предложениях (англ. *local overlap*, букв. «локальный повтор»), а также глобальные повторы, то есть повторы внутри всего текста (англ. *global overlap*, букв. «глобальный повтор»). Например, параметр «глобальный повтор существительных» (англ. *global noun overlap*) демонстрирует количество повторов всех имен существительных в изучаемом тексте [McNamara et al., 2014, p. 2²]. Аналогичными параметрами являются локальный повтор аргумента (англ. *local argument overlap*) и глобальный повтор аргумента (англ. *global argument overlap*), в которых термин «аргумент» означает существительное и/или местоимение, противопоставляемое предикату – глаголу и/или прилагательному [McNamara et al., 2014, p. 2]. Данный параметр отражает степень повторяемости аргумента в предложениях изучаемого текста [Crossley et al., 2013, p. 277].

Особое внимание ученые уделяют лексическому разнообразию (англ. *TTR*, *Type Token*

Ratio, букв. «отношение слов к словоформам») [Graesser et al., 2004, p. 193]. При $TTR = 1,0$ ни одно из слов в тексте не повторяется. Очевидно, что такого рода тексты могут создаваться только искусственно, поскольку авторы в большинстве своем стремятся быть понятыми, а отсутствие лексических повторов во многом затрудняет восприятие текста. Низкие значения лексического разнообразия ($TTR < 0,5$) сигнализируют о высокой повторяемости слов, которая положительно влияет на скорость обработки текста в оперативной памяти человека. Целевая аудитория текстов такого рода – пользователи с ограниченным словарным запасом (изучающие язык как иностранный или младшие школьники) [Malvern et al., 2004].

Важной особенностью, которую необходимо учитывать при расчетах лексического разнообразия, является ограничение длины текста 1000 словоформами. Данное обстоятельство связано в первую очередь с тем, что при увеличении объема анализируемого текста растет количество служебных слов, а количество знаменательных слов сокращается. Именно поэтому расчеты лексического разнообразия в текстах более 1000 словоформ признаются недостоверными. Длинные тексты рекомендуется разбивать на отрывки по 1000 словоформ, в каждом из которых отдельно измеряется лексическое разнообразие [Вахрушева и др., 2021].

Валидированным предиктором сложности академических текстов является индекс удобочитаемости Флеша – Кинкейда (далее – ФК), первоначально рассчитанный для текстов на английском языке [Flesch, 1948] и только в начале нашего столетия адаптированный для русского языка [Солнышкина, Кисельников, 2015]. Востребованности данного индекса способствовали два фактора: легкость расчетов (и последующая успешная автоматизация для ряда языков) и корреляция с академическим возрастом читателя, то есть количеством лет формального обучения. В настоящее время данная формула успешно применяется для самых разных целей – от расчета соответствия словарного состава книги и словарного запаса читателя до прогнозирования успешности жизненного цикла сайта.

Расчеты читабельности текста на основе двух базовых метрик – средней длины пред-

ложения и средней длины слова – применяются при оценке соответствия текстов для военных, пациентов медицинских учреждений, клиентов страховых компаний и автосалонов [Corlatescu, Ruseti, Dascalu, 2022]. Для определения читабельности текстов на русском языке, принадлежащих разным дискурсам, используются две наиболее известные формулы.

1. Формула читабельности ФК (SIS) разработана и валидирована на корпусе учебных текстов и на основе психолингвистических оценок восприятия школьников [Solovyev, Ivanov, Solnyshkina, 2018]:

$$\text{FK(SIS)} = 208,7 - 2,6 \times \text{СДП} - 39 \times \text{СДС},$$

где СДП – это средняя длина предложения в словах; СДС – средняя длина слова в слогах.

2. Формула читабельности И.В. Оборновой [Оборнова, 2006] разработана на художественных текстах и при оценке читабельности текстов других типов дает завышенные результаты [Solnyshkina, McNamara, Zamaletdinov, 2022]:

$$\text{FK(O)} = 206,835 - (1,3 \times \text{СДП}) - (60,1 \times \text{СДС}).$$

Признанным многими исследователям в качестве предиктора сложности является также индекс абстрактности [Solovyev et al., 2019; Solovyev, Ivanov, Akhtiamov, 2019], поскольку абстрактные лексические единицы всегда усложняют восприятие текста. Особенно значим данный параметр при оценивании сложности текстов для младших школьников, так как детское мышление не готово работать с абстрактными лексическими единицами, детям легче воспринимать конкретные слова [Вахрушева и др., 2021, с. 94].

Комплекс перечисленных параметров позволяет не только осуществить многофакторный анализ лингвистической сложности текста, но и составить «профиль» текста при помощи ограниченного ряда параметров, то есть отнести его к определенному типу, дискурсу и уровню сложности.

Отправной точкой представленного исследования явилось признание количественной типологичности – «однородности» академических текстов, предназначенных для одного года обу-

чения в заданной предметной области. В основу типологизации как метода положена концепция «нечетких множеств» элементов типологии, при которой переход одного объекта (в нашем исследовании – текста) от принадлежности к непринадлежности заданному множеству осуществляется постепенно. При этом элементы одного множества обладают рядом типичных параметров, свойственных данному множеству, и некоторыми специфичными, индивидуальными параметрами, которые свойственны им в меньшей степени. Переход в другое множество предполагает аккумуляцию типологических параметров другого множества. Например, если сравнивать множества «Тексты по биологии для 9-го класса» и «Тексты по биологии для 10-го класса», то очевидно, что этот переход происходит постепенно и связан с усложнением текста. Последнее должно отражаться в метриках морфологических, лексических и синтаксических параметров сопоставляемых текстов. При контрастировании текстов одной сложности, но разных предметных областей, например «Тексты по физике для 7-го класса» и «Тексты по истории для 7-го класса», естественно предположить, что они также будут отличаться рядом параметров. Причем список данных параметров может отличаться от списка параметров при сравнении текстов одного предметного блока, но разной сложности.

Исследование проводилось в три этапа и включало:

- 1) подготовку, очистку и предобработку корпуса исследования;
- 2) расчет значений (метрик) лингвистических параметров при помощи автоматического анализатора RuLingva (rulingva.kpfu.ru);
- 3) разработку методики профилирования (типологизации) текста на основе дискриминантного анализа значений лингвистических параметров.

Результаты

1. Подготовка, очистка и предобработка корпуса исследования.

Корпус исследования общим объемом 91 185 словоформ составили тексты 13 учебников трех предметных блоков («Русский язык», «Математика», «Окружающий мир») из Федерального перечня учебников Российской Федерации (fpu.edu.ru)³. Составленный на основе эк-

спертного мнения практикующих учителей начальных классов корпус был сбалансирован по объему каждого из трех составляющих подкорпусов: филологического, математического и естественно-научного. Филологический подкорпус включает четыре учебника русского языка общим объемом 34 286 словоформ, в Математический подкорпус вошло пять учебников математики, объем которых составил 28 728 словоформ, четыре учебника по предмету «Окружающий мир» составили Естественно-научный подкорпус объемом 28 171 словоформа (см. список источников). Все учебники, включенные в корпус исследования, использовались в школах РФ в 2018–2023 гг. и признаны экспертами как соответствующие когнитивным и лингвистическим способностям школьников начальных классов.

Для обеспечения единства языкового материала на этапе предобработки из текстов учебников были удалены их метаописание, предисловие, слово автора, содержание, иллюстрации, комментарии к ним, шаблонные фразы («Рисунок 1» и др.), примечания, вопросы для самоконтроля, лабораторные задания, названия параграфов, подзаголовки, тексты колонтитулов. Полученные тексты были разбиты на части длиной около 1000 слов, границы текста для анализа определялись окончанием предложения. Полный корпус исследования, содержащий 87 текстов, из которых 20 – тексты Математического подкорпуса, 30 – Филологического подкорпуса и 37 – Естественно-научного подкорпуса, был разделен на две коллекции: 77 текстов были использованы для разработки, а 10 – для тестирования параметрической модели. Тексты для тестирования были отобраны случайным образом: 3 – математических текста, 3 – филологических и 4 – естественно-научных. Эти тексты использовались не для расчетов коэффициентов в дискриминантном анализе, а для проверки математической модели.

2. *Расчет значений параметров при помощи автоматического анализатора RuLingva и анализ статистически значимых параметров.*

Расчеты метрик лингвистических параметров изучаемых текстов были выполнены при помощи программы автоматического анализа RuLingva (rulingva.kpfu.ru). Из 45 параметров, рассчитываемых RuLingva, в сокращенный список после первоначального отсе-

ва вошли 14 параметров: среднее количество слов в предложении, среднее количество слогов в слове, среднее количество существительных, глаголов, прилагательных на предложение, индекс ФК (SIS) или читабельность, индекс абстрактности, локальный повтор существительного, глобальный повтор существительного, локальный повтор аргумента, глобальный повтор аргумента, лексическое разнообразие (англ. TTR), номинативность, описательность. Все остальные параметры (доли существительных в разных падежах, доли временных форм глагола и прочие параметры, рассчитываемые RuLingva) были исключены из анализа на основе близости значений параметров текстов всех трех предметных подкорпусов.

Статистический анализ 14 параметров 77 текстов был проведен в программе Statistica. Для выявления типологических параметров учебного текста и расчета коэффициентов формулы применялся дискриминантный анализ. Лингвистические параметры текстов представлены в таблице 1.

3. *Разработка прогностической модели, то есть методики профилирования (типологизации) текста на основе дискриминантного анализа значений лингвистических параметров.*

Для создания прогностической модели был применен дискриминантный анализ, являющийся одним из наиболее апробированных многомерных методов при исследовании стиля [Андреев, 2010; Kurpiyanov et al., 2022]. Данный метод используется в лингвистике также для атрибуции (выявления авторства) текста [Ваауен, van Halteren, Tweedie, 1996; Holmes, Forsyth, 1995; Stamatatos, Fakotakis, Kokkinakis, 2001].

Дискриминантный анализ проведен с использованием модуля Discriminant Analysis программы Statistica, рассчитывающего значение лямбды Уилкса (λ) и F -критерия. Получены следующие результаты: λ Уилкса (Wilks' Lambda) = 0,02259, $F(24, 126) = 29,679$, $p < 0,000$. Известно, что значения λ Уилкса, стремящиеся к 0, свидетельствуют о хорошей дискриминации сравниваемых объектов. По данным показателя λ и по значению F -критерия можно сделать вывод, что данная классификация корректна. Значения переменных дискриминантного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 1. Лингвистические параметры текстов трех предметных подкорпусов

Table 1. Linguistic features of texts of three sub-corpora

Лингвистический параметр	Предметный корпус					
	Естественно-научный		Математический		Филологический	
	СЗ	СО	СЗ	СО	СЗ	СО
1. Среднее количество слов в предложении	8,94	0,66	8,76	1,51	6,21	1,04
2. Среднее количество слогов в слове	2,38	0,19	1,96	0,13	2,28	0,23
3. Среднее количество существительных на предложение	3,27	0,33	3,15	0,49	2,51	0,37
4. Среднее количество глаголов на предложение	1,40	0,16	0,96	0,16	0,93	0,17
5. Среднее количество прилагательных на предложение	0,95	0,17	0,74	0,22	0,63	0,16
6. Индекс ФК (мод) SIS	4,79	0,57	2,50	0,82	3,16	0,82
7. Индекс абстрактности	2,60	0,14	2,56	0,12	2,57	0,10
8. Локальный повтор существительного	0,15	0,06	0,38	0,07	0,10	0,04
9. Глобальный повтор существительного	0,04	0,02	0,03	0,01	0,05	0,08
10. Локальный повтор аргумента	0,45	0,13	0,67	0,10	0,28	0,09
11. Глобальный повтор аргумента	0,14	0,05	0,08	0,02	0,11	0,07
12. Лексическое разнообразие	0,63	0,06	0,46	0,05	0,60	0,04
13. Номинативность	0,43	0,07	0,31	0,03	0,37	0,06
14. Описательность	0,29	0,05	0,23	0,05	0,25	0,04

Примечание. В таблице использованы следующие обозначения: СЗ – среднее значение параметра; СО – стандартное отклонение.

Note. The following operators are used in the table: СЗ marks MEAN; СО marks STANDARD DEVIATION.

Таблица 2. Результаты дискриминационного анализа

Table 2. Discriminant analysis results

Параметры	λ Wilks'	λ Partial	F	p -value
1. Среднее количество слов в предложении	0,028	0,744	10,480	< 0,001
2. Среднее количество слогов в слове	0,021	0,993	0,227	0,798
3. Среднее количество существительных на предложение	0,023	0,925	2,456	0,094
4. Среднее количество глаголов на предложение	0,024	0,889	3,811	0,028
5. Среднее количество прилагательных на предложение	0,022	0,948	1,685	0,194
6. Индекс ФК (SIS)	0,021	0,991	0,276	0,760
7. Индекс абстрактности	0,022	0,972	0,865	0,426
8. Локальный повтор существительного	0,025	0,857	5,110	< 0,01
9. Глобальный повтор существительного	0,022	0,966	1,086	0,344
10. Локальный повтор аргумента	0,024	0,896	3,557	0,035
11. Глобальный повтор аргумента	0,025	0,845	5,580	< 0,01
12. Лексическое разнообразие	0,025	0,846	5,538	< 0,01
13. Номинативность	0,023	0,910	3,009	0,057
14. Описательность	0,022	0,974	0,819	0,446

Как видно из таблицы, наиболее сильное влияние на результаты оказывают параметры «средняя длина предложения», «глобальный повтор аргумента», «локальный повтор существительного», а также «лексическое разнообразие». Большое количество переменных в модели усложняет расчеты и интерпрета-

цию полученных данных, связанных с «предметностью» учебного текста. Поэтому было принято решение о дальнейшей оптимизации модели с помощью метода «Backward stepwise», который позволил создать модель, состоящую из 6 параметров (см. табл. 3). После оптимизации были получены следующие

характеристики модели: λ Уилкса (Wilks' Lambda) = 0,03090, $F(12, 136) = 53,137$, $p < 0,001$.

Данные таблицы 2 показывают, большинство параметров являются синтаксическими. При этом параметры, которые обычно связывают со сложностью текста [Курриянов, Bukach, Aleksandrova, 2023], например «абстрактность текста», «лексическое разнообразие», «индекс удобочитаемости Флеша – Кинкейда», в модель не вошли. Это свидетельствует о том, что когнитивная сложность учебных текстов на одном образовательном уровне (в данном исследовании – начальная школа, 2-й класс) примерно одинакова и существенно

не меняется в зависимости от изучаемой предметной области. Однако синтаксические параметры имеют существенные отличия в учебных текстах различных предметных областей и могут быть использованы для типологизации текстов одного уровня сложности.

Полученная модель была протестирована на 10 текстах, отобранных случайным образом (см. выше о тестовой коллекции). Проверка показала, что эффективность модели составляет 80 %: из 10 тестируемых текстов правильно были классифицированы 8 (см. рисунок).

Диаграмма рассеяния канонических значений для канонических корней демонст-

Таблица 3. Результаты дискриминационного анализа с помощью метода «Backward stepwise»

Table 3. Discriminant analysis results using the “Backward stepwise” method

Параметры	λ Wilks'	λ Partial	F	p -value
1. Среднее количество слов в предложении	0,046	0,665	17,129	<0,001
3. Среднее количество существительных на предложение	0,035	0,873	4,927	0,010
4. Среднее количество глаголов на предложение	0,063	0,491	35,182	<0,001
5. Среднее количество прилагательных на предложение	0,040	0,781	9,524	<0,001
8. Локальный повтор существительного	0,055	0,565	26,154	<0,001
9. Глобальный повтор аргумента	0,042	0,743	11,779	<0,001

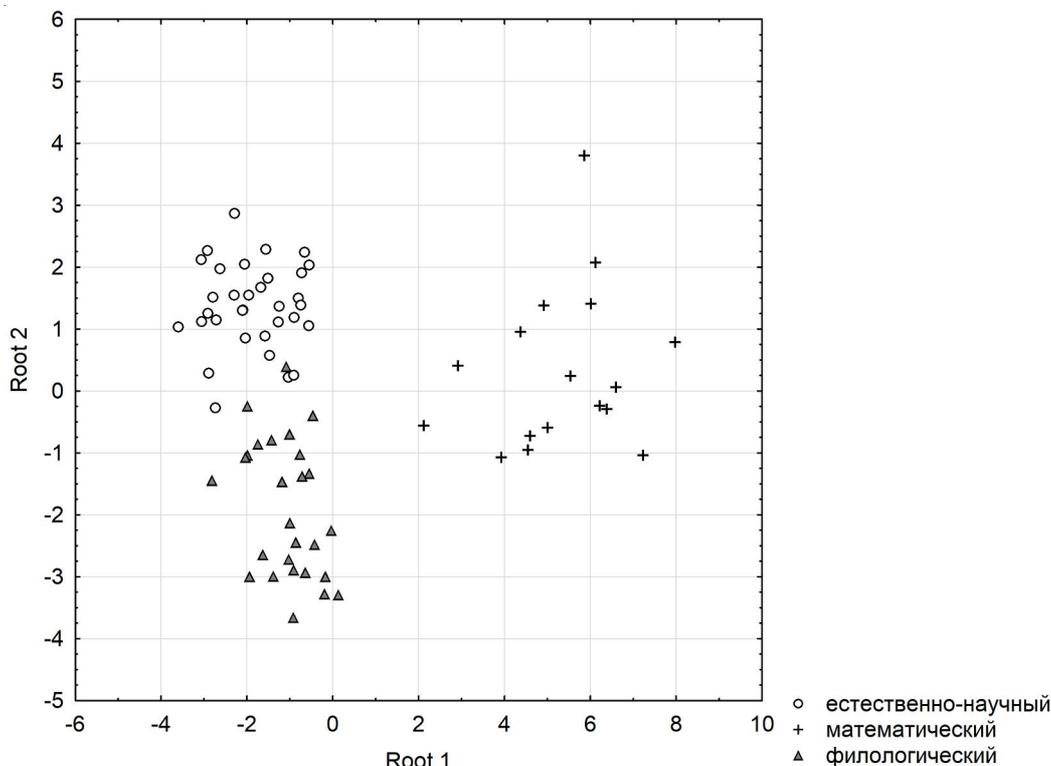

Диаграмма рассеяния канонических значений для канонических корней

Scatterplot of canonical values for canonical roots

рирует вклад, который вносит каждая дискриминантная функция в классификацию текстов предметных подкорпусов. Каноническая функция 1 (Root 1) позволяет отделить тексты по математике от текстов по филологии и естествознания: чем больше значение Root 1, тем больше вероятность того, что анализируемый текст – текст по математике. Каноническая функция 2 (Root 2) позволяет отделить тексты по филологии от текстов по математике и естествознанию: чем больше значение Root 2, тем больше вероятность того, что это текст естественно-научный. Как видно из диаграммы, области текстов по филологии и естествознанию в модели пересекаются, поэтому возможны ошибочные классификации.

Исходя из значений стандартизированных коэффициентов канонических функций (табл. 4) постулируется влияние лингвистических параметров текста на значения канонических функций 1 и 2. Судя по коэффициентам, наибольшее влияние на эти функции оказывают следующие лингвистические параметры: локальный повтор существительного,

среднее количество существительных на предложение, среднее количество глаголов на предложение. В результате дискриминантного анализа выявлены коэффициенты классификационных функций (табл. 5), которые позволяют автоматически определить предметную область учебного текста по его лингвистическим параметрам.

Таким образом, формулы для классификации текстов по предметным областям выглядят следующим образом:

$$F(\text{Ест-науч}) = -62,88 + (-10,26 \times X_1) + 29,16 \times X_2 + 68,76 \times X_3 + 16,90 \times X_4 + 9,96 \times X_5 + 40,50 \times X_6;$$

$$F(\text{Матем}) = -53,50 + 2,74 \times X_1 + 13,03 \times X_2 + 15,21 \times X_3 + (-9,72 \times X_4) + 94,10 \times X_5 + (-38,07 \times X_6);$$

$$F(\text{Филол}) = -34,55 + (-9,38 \times X_1) + 28,34 \times X_2 + 49,05 \times X_3 + 7,23 \times X_4 + 1,34 \times X_5 + 33,26 \times X_6.$$

Выводы

На основе дискриминантного анализа была разработана математическая модель типологизации текстов, в которую после оп-

Таблица 4. Стандартизированные коэффициенты канонических функций

Table 4. Standardized coefficients of canonical functions

Параметры текста	Канонические функции	
	Root 1	Root 2
1. Среднее количество слов в предложении	-0,111	0,786
2. Среднее количество существительных на предложение	-0,044	0,580
3. Среднее количество глаголов на предложение	0,291	0,773
4. Среднее количество прилагательных на предложение	0,109	0,535
5. Локальный повтор существительного	-0,445	0,511
6. Глобальный повтор аргумента	0,149	0,144

Таблица 5. Коэффициенты классификационных функций

Table 5. Classification function coefficients

Переменные (X) и константы	Обозначение переменной	Предметный подкорпус		
		Естественно-научный	Математический	Филологический
X1	Среднее количество слов в предложении	-10,26	2,74	-9,38
X2	Среднее количество существительных на предложение	29,16	13,03	28,34
X3	Среднее количество глаголов на предложение	68,76	15,21	49,05
X4	Среднее количество прилагательных на предложение	16,90	-9,72	7,23
X5	Локальный повтор существительного	9,96	94,10	1,34
X6	Глобальный повтор аргумента	40,50	-38,07	33,26
Constant	Константа	-62,88	-53,50	-34,55

тимизации вошли шесть лингвистических параметров: средняя длина предложения, среднее количество существительных на предложение, среднее количество глаголов на предложение, среднее количество прилагательных на предложение, локальный повтор существительных, глобальный повтор аргумента.

Учебные тексты трех изучаемых подкорпусов характеризуются статистически значимыми различиями. Вероятностной причиной этого следует признать различия в их функционале.

Естественно-научные тексты должны формировать целостную картину мира и расширять кругозор читателя, поэтому они имеют более длинные предложения, где описываются явления живой и неживой природы, а также связи между ними. Такие учебные тексты имеют в среднем большее количество существительных, прилагательных и глаголов на одно предложение в сравнении с математическими и филологическими текстами.

Функционально учебные тексты по математике направлены на развитие математических навыков у ребенка, то есть способности применять символы и абстрактные понятия в мыслительных операциях, а также овладение правилами и способами их использования для решения задач. Спецификой учебных текстов по математике является высокая частотность терминов и абстрактных лексических единиц (традиционно обозначаемых существительными), при этом использование синонимов в ряде случаев затруднительно, а в некоторых случаях – невозможно. Этим же можно объяснить и высокие значения коэффициента у параметра «локальный повтор существительного» в функции Root 1, которая позволяет идентифицировать предметную область и отделить учебные тексты по математике от других учебных текстов.

Филологические тексты нацелены на отработку навыков письма и анализа высказывания, поэтому учебники по русскому языку для начальной школы состоят из упражнений и заданий, для текстов в этих учебниках характерна небольшая длина предложения и простая лексика по сравнению с естественно-научными текстами.

Автоматизация расчетов данных параметров на основе созданной методики типо-

логизации текстов может служить основой лингвистической экспертизы учебных текстов, а также позволит создать профайлеры текстов, способствующие оперативному осуществлению параметрического анализа текстов. Перспектива представленного исследования видится в возможности инсталляции модели в RuLingva и разработке аналогичных моделей для текстов учебного дискурса других предметных областей, использовании его результатов для создания квантитативной лингвистической типологии текстов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета («ПРИОРИТЕТ-2030»), Стратегического проекта № 5.

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program ('PRIORITY-2030'), Strategic Project #5.

² Здесь и далее перевод на русский язык осуществлен авторами статьи.

³ Приказ Минпросвещения России № 254 от 20 мая 2020 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев В. С., 2010. Методы количественного исследования стиля в лингвистике: многомерный подход // Известия Смоленского государственного университета. № 3 (11). С. 100–110.
- Вахрушева А. Я., Солнышкина М. И., Куприянов Р. В., Гафиятова Э. В., Климагина И. О., 2021. Лингвистическая сложность учебных текстов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. № 40 (1). С. 89–99. URL: <http://jpl-journal.ru/index.php/journal/article/view/78>
- Жеребцова Ж. И., 2007. Использование информационной структуры предложения в обучении иностранных студентов-нефилологов чтению русских учебно-научных текстов : дис. ... канд. пед. наук. СПб. 252 с.
- Журавлев А. Ф., 1988. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. М. : Наука. С. 84–150.
- Маргынова Е., Солнышкина М. И., Мерзлякова А., Гизатулина Д., 2020. Лексические параметры учебного текста (на материале текстов учебного корпуса русского языка) // Филология и куль-

- тура. *Philology and Culture* : электрон. журн. № 3 (61). С. 72–80. URL: <http://www.philology-and-culture.kpfu.ru/?q=node/2728>
- Оборнева И. В., 2006. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М. 20 с.
- Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика, 2009 / [О. Б. Сиротинина и др.]. М. : Либроком. 251 с.
- Солнышкина М. И., Казачкова М. Б., Харьковская Е. В., 2020. Инструменты измерения сложности текстов на английском языке // *Иностранные языки в школе* : электрон. журн. № 3. С. 15–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42609743>
- Солнышкина М. И., Кисельников А. С., 2015. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 6 (38). С. 86–89.
- Baayen R. H., van Halteren H., Tweedie F. J., 1996. Outside the Cave of Shadows: Using Syntactic Annotation to Enhance Authorship Attribution // *Literary and Linguistic Computing*. Vol. 11, № 3. P. 121–132.
- Biber D., 2006. *University Language: A Corpus-Based Study of Spoken and Written Registers*. Amsterdam : John Benjamins. VIII, 261 p.
- Bulté B., Housen A., 2012. Defining and Operationalising L2 Complexity // *Dimensions of L2 Performance and Proficiency*. Amsterdam : John Benjamins. P. 21–46. DOI: 10.1075/llt.32.02bul
- Corlatescu D., Ruseti Ş., Dascalu M., 2022. ReaderBench: Multilevel Analysis of Russian Text Characteristics // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 26, № 2, P. 342–370. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30145>
- Crossley S. A., Varner L. K., Roscoe R. D., McNamara D. S., 2013. Using Automated Indices of Cohesion to Evaluate an Intelligent Tutoring System and an Automated Writing Evaluation System // *Artificial Intelligence in Education. 16th International Conference, AIED 2013, Memphis, TN, USA, July 9–13*. Berlin ; Heidelberg : Springer. P. 269–278. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-39112-5_28
- Ermakova L., Solovyev V., Sidorov G., Gelbukh A., 2023. Editorial: Text Complexity and Simplification // *Frontiers in Artificial Intelligence*. Vol. 6. P. 01–03. DOI: <https://doi.org/10.3389/frai.2023.1128446>
- Flesch R., 1948. A New Readability Yardstick // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 32, № 3. P. 221–233. DOI: <http://doi.org/10.1037/h0057532>
- Gatiyatullina G., Solnyshkina M., Solovyev V., Danilov A., Martynova E., Yarmakeev I., 2020. Computing Russian Morphological Distribution Patterns Using RusAC Online Server // *13th International Conference on Developments in eSystems Engineering (DeSE)*. Liverpool : IEEE. P. 393–398. DOI: <http://doi.org/10.1109/DeSE51703.2020.9450753>
- Graesser A. C., McNamara D. S., Louwerse M. M., Cai Z., 2004. Coh-Metrix: Analysis of Text on Cohesion and Language // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. Vol. 36, iss. 2. P. 193–202. DOI: <http://doi.org/10.3758/bf03195564>
- Holmes D., Forsyth R., 1995. The Federalist Revisited: New Directions in Authorship Attribution // *Literary and Linguistic Computing*. Vol. 10, iss. 2. P. 111–127.
- Kupriyanov R. V., Solnyshkina M. I., Dascalu M., Soldatkina T. A., 2022. Lexical and Syntactic Features of Academic Russian Texts: A Discriminant Analysis // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. Vol. 8, № 4. P. 105–122. DOI: <http://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-8>
- Kupriyanov R. V., Bukach O. V., Aleksandrova O. I., 2023. Cognitive Complexity Measures for Educational Texts: Empirical Validation of Linguistic Parameters // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 27, № 3. P. 641–662. DOI: <http://doi.org/10.22363/2687-0088-35817>
- Malvern D., Richards B., Chipere N., Durán P., 2004. Traditional Approaches to Measuring Lexical Diversity // *Lexical Diversity and Language Development. L.* : Palgrave Macmillan. P. 16–30. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230511804>
- McNamara D. S., Graesser A. C., Louwerse M. M., 2012. Sources of Text Difficulty: Across Genres and Grades // *Measuring Up: Advances in How We Assess Reading Ability*. Lanham : R & L Education. P. 89–116.
- McNamara D., Graesser A., McCarthy P., Cai Z., 2014. *Automated Evaluation of Text and Discourse with Coh-Metrix*. Cambridge : Cambridge University Press. XIV, 278 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511894664>
- Östen D., 2004. The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity. Amsterdam, John Benjamins Publishing. X, 333 p.
- Pallotti G., 2015. A Simple View of Linguistic Complexity // *Second Language Research*. Vol. 31, № 1. P. 117–134.
- Seifart F., Danielsen S., Meyer R., Nordhoff S., Pakendorf B., Witzlack-Makarevich A., Zakharko T., 2012. The Relative Frequencies of Nouns, Pronouns, and Verbs Cross-Linguistically Applicant. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-relative-frequencies-of-nouns-%2C-pronouns-%2C-and-Seifart-Danielsen/cd52cd7091fee4b1781c16a51fe58f87ba642c1c>

- Solnyshkina M. I., Harkova E. V., Kazachkova M. B., 2020. The Structure of Cross-Linguistic Differences: Meaning and Context of 'Readability' and Its Russian Equivalent 'Chitabelnost' // *Journal of Language and Education*. Vol. 6, iss. 1. P. 103–119.
- Solnyshkina M., McNamara D., Zamaletdinov R., 2022. Natural Language Processing and Discourse Complexity Studies // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 26, №2. P. 317–341.
- Solovyev V., Andreeva M., Solnyshkina M., Zamaletdinov R., Danilov A., Gaynutdinova D., 2019. Computing Concreteness Ratings of Russian and English Most Frequent Words: Contrastive Approach // *Proceedings – International Conference on Developments in eSystems Engineering, DeSE*. October 2019. Kazan : IEEE. Art. №9073272. P. 403–408.
- Solovyev V. D., Ivanov V. V., Akhtiamov R. B., 2019. Dictionary of Abstract and Concrete Words of the Russian Language: A Methodology for Creation and Application // *Journal of Research in Applied Linguistics*. Vol. 10, № S. P. 215–227.
- Solovyev V., Ivanov V., Solnyshkina M., 2018. Assessment of Reading Difficulty Levels in Russian Academic Texts: Approaches and Metrics // *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. Vol. 34, № 5. DOI: <http://doi.org/10.3233/JIFS-169489>
- Solovyev V., Solnyshkina M., McNamara D., 2022. Computational Linguistics and Discourse Complexology: Paradigms and Research Methods // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 26, №2. P. 275–316.
- Stamatatos E., Fakotakis N., Kokkinakis G., 2001. Computer-Based Authorship Attribution Without Lexical Measures // *Computers and the Humanities*. Vol. 35, №2. P. 193–214.
- Дмитриева Н. Я., Казаков А. Н. *Окружающий мир*. В 2 ч. Ч. 1 : учеб. для 2 кл. 8-е изд. Самара : Учеб. лит. : Федоров, 2012. 112 с.
- Дмитриева Н. Я., Казаков А. Н. *Окружающий мир*. В 2 ч. Ч. 2 : учеб. для 2 кл. 7-е изд. Самара : Учеб. лит. : Федоров, 2011. 112 с.
- Ивченкова Г. Г., Потапов И. В. *Окружающий мир*. В 2 ч. Ч. 1 : учеб. для 2 кл. М. : АСТ : Астрель, 2012. 78, [2]с.
- Ивченкова Г. Г., Потапов И. В. *Окружающий мир*. В 2 ч. Ч. 2 : учеб. для 2 кл. М. : АСТ : Астрель, 2012. 93, [3]с.
- Моро М. И., Бантова М. А., Бельтюкова Г. В. и др. *Математика*. 2 класс. В 2 ч. Ч. 1 : учеб. для общеобразоват. орг. 6-е изд. М. : Просвещение, 2015. 96 с.
- Моро М. И., Бантова М. А., Бельтюкова Г. В. и др. *Математика*. 2 класс. В 2 ч. Ч. 2 : учеб. для общеобразоват. орг. 6-е изд. М. : Просвещение, 2015. 112 с.
- Петерсон Л. Г. *Математика «Учусь учиться»*. 2 класс. Ч. 1 : учеб. комплекта «Учебник + рабочие тетради». Изд. 5-е, перераб. М. : Ювента, 2013. 80 с.
- Петерсон Л. Г. *Математика «Учусь учиться»*. 2 класс. Ч. 2 : учеб. комплекта «Учебник + рабочие тетради». Изд. 5-е, перераб. М. : Ювента, 2013. 112 с.
- Петерсон Л. Г. *Математика «Учусь учиться»*. 2 класс. Ч. 3 : учеб. комплекта «Учебник + рабочие тетради». Изд. 5-е, перераб. М. : Ювента, 2013. 112 с.
- Рамзаева Т. Г. *Русский язык*. 2 кл. В 2 ч. Ч. 1. 12-е изд., дораб. М. : Дрофа, 2011. 126, [2] с.
- Рамзаева Т. Г. *Русский язык*. 2 кл. В 2 ч. Ч. 2. 12-е изд., дораб. М. : Дрофа, 2011. 94, [2] с.
- Соловейчик М. С., Кузьменко Н. С. *Русский язык : К тайнам нашего языка*. В 2 ч. Ч. 1 : учеб. для 2 кл. общеобразоват. учреждений. 8-е изд. Смоленск : Ассоциация XXI век, 2013. 160 с.
- Соловейчик М. С., Кузьменко Н. С. *Русский язык : К тайнам нашего языка*. В 2 ч. Ч. 2 : учеб. для 2 кл. общеобразоват. учреждений. 8-е изд. Смоленск : Ассоциация XXI век, 2013. 160 с.

REFERENCES

- Andreev V.S., 2010. Metody kolichestvennogo issledovaniya stilya v lingvistike: mnogomernyy podkhod [Methods of Quantitative Style Research in Linguistics: A Multidimensional Approach]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (11), pp. 100-110.
- Vakhrusheva A.Ya., Solnyshkina M.I., Kupriyanov R.V., Gafiyatova E.V., Klimagina I.O., 2021. Lingvisticheskaya slozhnost uchebnykh tekstov [Linguistic Complexity of Academic Texts]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya* [Issues in Journalism, Education, Linguistics], no. 40 (1), pp. 89-99. URL: <http://jpl-journal.ru/index.php/journal/article/view/78>
- Zherebtsova Zh.I., 2007. *Ispolzovanie informatsionnoy struktury predlozheniya v obuchenii inostrannykh studentov-nefilologov chteniyu russkikh uchebno-nauchnykh tekstov: dis. ... kand. ped. nauk* [The Use of Information Structure of the Sentence in Teaching Foreign Non-Philological Students to Read Russian

- Academic and Research Texts. Cand. pedagog. sci. diss.]. Saint Petersburg. 252 p.
- Zhuravlev A.F., 1988. Opyt kvantitativno tipologicheskogo issledovaniya raznovidnostey ustnoy rechi [An Experience of Quantitative and Typological Investigation of Spoken Registers]. *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi: sb. nauch. tr.* [Varieties of Urban Oral Speech. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ., pp. 84-150.
- Martynova E., Solnyshkina M.I., Merzlyakova A., Gizatulina D., 2020. Leksicheskie parametry uchebnogo teksta (na materiale tekstov uchebnogo korpusa russkogo yazyka) [Lexical Parameters of Academic Text (Based on the Texts of Academic Corpus of the Russian Language)]. *Filologiya i kultura. Philology and Culture: electron. zhurn.*, no. 3 (61), pp. 72-80. URL: <http://www.philology-and-culture.kpfu.ru/?q=node/2728>
- Oborneva I.V., 2006. *Avtomatizirovannaya otsenka slozhnosti uchebnykh tekstov na osnove statisticheskikh parametrov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Automated Assessment of the Complexity of Educational Texts Based on Statistics. Cand. pedagog. sci. abs. diss.]. Moscow. 20 p.
- Sirotinina O.B. et al., 2009. *Razgovornaya rech v sisteme funktsionalnykh stiley sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Leksika* [Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Vocabulary]. Moscow, Librokom Publ. 251 p.
- Solnyshkina M.I., Kazachkova M.B., Kharkova E.V., 2020. Instrumenty izmereniya slozhnosti tekstov na angliyskom yazyke [Tools for Measuring English Texts Complexity]. *Inostrannye yazyki v shkole: electron. zhurn.* [Foreign Languages in School. Electronic Journal], no. 3, pp. 15-21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42609743>
- Solnyshkina M.I., Kiselnikov A.S., 2015. Slozhnost teksta: etapy izucheniya v otechestvennom prikladnom yazykoznanii [Text Complexity: Chronology of Russian Applied Linguistics Studies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 6 (38), pp. 86-89.
- Baayen R.H., van Halteren H., Tweedie F.J., 1996. Outside the Cave of Shadows: Using Syntactic Annotation to Enhance Authorship Attribution. *Literary and Linguistic Computing*, vol. 11, no. 3, pp. 121-132.
- Biber D., 2006. *University Language: A Corpus-Based Study of Spoken and Written Registers*. Amsterdam, John Benjamins. VIII, 261 p.
- Bulté B., Housen A., 2012. Defining and Operationalising L2 Complexity. *Dimensions of L2 Performance and Proficiency*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 21-46. DOI: <https://doi.org/10.1075/llt.32.02bul>
- Corlatescu D., Ruseti Ș., Dascalu M., 2022. ReaderBench: Multilevel Analysis of Russian Text Characteristics. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 2, pp. 342-370. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30145>
- Crossley S.A., Varner L.K., Roscoe R.D., McNamara D.S., 2013. Using Automated Indices of Cohesion to Evaluate an Intelligent Tutoring System and an Automated Writing Evaluation System. *Artificial Intelligence in Education. 16th International Conference, AIED 2013, Memphis, TN, USA, July 9-13*. Berlin, Heidelberg, Springer, pp. 269-278. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-39112-5_28
- Ermakova L., Solovyev V., Sidorov G., Gelbukh A., 2023. Editorial: Text Complexity and Simplification. *Frontiers in Artificial Intelligence*, vol. 6, pp. 01-03. DOI: <https://doi.org/10.3389/frai.2023.1128446>
- Flesch R., 1948. A New Readability Yardstick. *Journal of Applied Psychology*, vol. 32, no. 3, pp. 221-233. DOI: <http://doi.org/10.1037/h0057532>
- Gatiyatullina G., Solnyshkina M., Solovyev V., Danilov A., Martynova E., Yarmakeev I., 2020. Computing Russian Morphological Distribution Patterns Using RusAC Online Server. *13th International Conference on Developments in eSystems Engineering (DeSE)*. Liverpool, IEEE, pp. 393-398. DOI: <http://doi.org/10.1109/DeSE51703.2020.9450753>
- Graesser A.C., McNamara D.S., Louwerse M.M., Cai Z., 2004. Coh-Metrix: Analysis of Text on Cohesion and Language. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, vol. 36, iss. 2, pp. 193-202. DOI: <http://doi.org/10.3758/bf03195564>
- Holmes D., Forsyth R., 1995. The Federalist Revisited: New Directions in Authorship Attribution. *Literary and Linguistic Computing*, vol. 10, iss. 2, pp. 111-127.
- Kupriyanov R.V., Solnyshkina M.I., Dascalu M., Soldatkina T.A., 2022. Lexical and Syntactic Features of Academic Russian Texts: A Discriminant Analysis. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 8, no. 4, pp. 105-122. DOI: <http://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-8>
- Kupriyanov R.V., Bukach O.V., Aleksandrova O.I., 2023. Cognitive Complexity Measures for Educational Texts: Empirical Validation of Linguistic Parameters. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 3, pp. 641-662. DOI: <http://doi.org/10.22363/2687-0088-35817>
- Malvern D., Richards B., Chipere N., Durán P., 2004. Traditional Approaches to Measuring Lexical Diversity. *Lexical Diversity and Language*

- Development*. London, Palgrave Macmillan, pp. 16-30. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230511804>
- McNamara D.S., Graesser A.C., Louwerse M.M., 2012. Sources of Text Difficulty: Across Genres and Grades. *Measuring Up: Advances in How We Assess Reading Ability*. Lanham, R & L Education, pp. 89-116.
- McNamara D., Graesser A., McCarthy P., Cai Z., 2014. *Automated Evaluation of Text and Discourse with Coh-Matrix*. Cambridge, Cambridge University Press. XIV, 278 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511894664>
- Östen D., 2004. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam, John Benjamins Publishing. X, 333 p.
- Pallotti G., 2015. A Simple View of Linguistic Complexity. *Second Language Research*, vol. 31, no. 1, pp. 117-134.
- Seifart F., Danielsen S., Meyer R., Nordhoff S., Pakendorf B., Witzlack-Makarevich A., Zakharko T., 2012. *The Relative Frequencies of Nouns, Pronouns, and Verbs Cross-Linguistically Applicant*. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-relative-frequencies-of-nouns-%2C-pronouns-%2C-and-Seifart-Danielsen/cd52cd7091fee4b1781c16a51fe58f87ba642c1c>
- Solnyshkina M.I., Harkova E.V., Kazachkova M.B., 2020. The Structure of Cross-Linguistic Differences: Meaning and Context of Readability and Its Russian Equivalent “Chitabelnost”. *Journal of Language and Education*, vol. 6, iss. 1, pp. 103-119.
- Solnyshkina M., McNamara D., Zamaletdinov R., 2022. Natural Language Processing and Discourse Complexity Studies. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 2, pp. 317-341.
- Solovyev V., Andreeva M., Solnyshkina M., Zamaletdinov R., Danilov A., Gaynutdinova D., 2019. Computing Concreteness Ratings of Russian and English Most Frequent Words: Contrastive Approach. *Proceedings – International Conference on Developments in eSystems Engineering, DeSE. October 2019*. Kazan, IEEE. Art. no. 9073272, pp. 403-408.
- Solovyev V.D., Ivanov V.V., Akhtiamov R.B., 2019. Dictionary of Abstract and Concrete Words of the Russian Language: A Methodology for Creation and Application. *Journal of Research in Applied Linguistics*, vol. 10, no. S, pp. 215-227.
- Solovyev V., Ivanov V., Solnyshkina M., 2018. Assessment of Reading Difficulty Levels in Russian Academic Texts: Approaches and Metrics. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*, vol. 34, no. 5. DOI: <http://doi.org/10.3233/JIFS-169489>
- Solovyev V., Solnyshkina M., McNamara D., 2022. Computational Linguistics and Discourse Complexology: Paradigms and Research Methods. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 2, pp. 275-316.
- Stamatatos E., Fakotakis N., Kokkinakis G., 2001. Computer-Based Authorship Attribution Without Lexical Measures. *Computers and the Humanities*, vol. 35, no. 2, pp. 193-214.

SOURCES

- Dmitrieva N.Ya., Kazakov A.N. *Okruzhayushchiy mir. V 2 ch. Ch. 1: ucheb. dlya 2 kl.* [The World Around Us. In 2 Parts. Pt. 1. Textbook for 2nd Grade]. Samara, Ucheb. lit. Publ., Fedorov Publ., 2012. 112 p.
- Dmitrieva N.Ja., Kazakov A.N., 2011. *Okruzhayushchiy mir. V 2 ch. Ch. 2: ucheb. dlya 2 kl.* [The World Around Us. In 2 Parts. Pt. 2. Textbook for 2nd Grade]. Samara, Ucheb. lit. Publ., Fedorov Publ., 2011. 112 p.
- Ivchenkova G.G., Potapov I.V. *Okruzhayushchiy mir. V 2 ch. Ch. 1: ucheb. dlya 2 kl.* [The World Around Us. In 2 Parts. Pt. 1. Textbook for 2nd Grade]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2012. 78, 2 p.
- Ivchenkova G.G., Potapov I.V. *Okruzhayushchiy mir. V 2 ch. Ch. 2: ucheb. dlya 2 kl.* [The World Around Us. In 2 Parts. Pt. 2. Textbook for 2nd Grade]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2012. 93, 3 p.
- Moro M.I., Bantova M.A., Beltyukova G.V. et al. *Matematika. 2 klass. V 2 ch. Ch. 1: ucheb. dlya obshcheobrazovat. org.* [Mathematics. 2nd Grade. In 2 Parts. Part 1. Textbook for General Education Organizations]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2015. 96 p.
- Moro M.I., Bantova M.A., Beltyukova G.V. et al. *Matematika. 2 klass. V 2 ch. Ch. 2: ucheb. dlya obshcheobrazovat. org.* [Mathematics. 2nd Grade. In 2 Parts. Part 2. Textbook for General Education Organizations]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2015. 112 p.
- Peterson L.G. *Matematika «Uchus uchitsya». 2 klass. Ch. 1: ucheb. komplekta «Uchebnik + rabochie tetradi»* [Mathematics “Learning to Learn.” 2nd Grade. Part 1. Textbook of the “Textbook + Workbooks” Kit]. Moscow, Yuventa Publ., 2013. 80 p.
- Peterson L.G. *Matematika «Uchus uchitsya». 2 klass. Ch. 2: ucheb. komplekta «Uchebnik + rabochie tetradi»* [Mathematics “Learning to

- Learn.” 2nd Grade. Part 2. Textbook of the “Textbook + Workbooks” Kit]. Moscow, Yuventa Publ., 2013. 112 p.
- Peterson L.G. *Matematika «Uchus uchitsya». 2 klass. Ch. 3: ucheb. komplekta «Uchebnyk + rabochie tetradi»* [Mathematics “Learning to Learn.” 2nd Grade. Part 3. Textbook of the “Textbook + Workbooks” Kit.]. Moscow, Yuventa Publ., 2013. 112 p.
- Ramzaeva T.G. *Russkiy yazyk. 2 kl. V 2 ch. Ch. 1* [Russian Language. 2nd Grade. In 2 Parts. Part 1]. Moscow, Drofa Publ., 2011. 126, 2 p.
- Ramzaeva T.G. *Russkiy yazyk. 2 kl. V 2 ch. Ch. 2* [Russian Language. 2nd Grade. In 2 Parts. Part 2]. Moscow, Drofa Publ., 2011. 94, 2 p.
- Soloveychik M.S., Kuzmenko N.S. *Russkiy yazyk: K taynam nashogo yazyka. V 2 ch. Ch. 1: ucheb. dlya 2 kl. obshcheobrazovat. uchrezhdeniy* [Russian Language: To the Secrets of Our Language. In 2 Parts. Part 1. Textbook for 2nd Grade of General Education Institutions]. Smolensk, Assotsiatsiya XXI vek Publ., 2013. 160 p.
- Soloveychik M.S., Kuzmenko N.S. *Russkiy yazyk: K taynam nashogo yazyka. V 2 ch. Ch. 2: ucheb. dlya 2 kl. obshcheobrazovat. uchrezhdeniy* [Russian Language: To the Secrets of Our Language. In 2 Parts. Part 2. Textbook for 2nd Grade of General Education Institutions]. Smolensk, Assotsiatsiya XXI vek Publ., 2013. 160 p.

Information About the Authors

Roman V. Kupriyanov, Candidate of Sciences (Psychology), Senior Researcher, Text Analytics Laboratory, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia; Associate Professor, Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Karla Marxa St, 68, 420015 Kazan, Russia, kroman1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9794-9607>

Marina I. Solnyshkina, Doctor of Sciences (Philology), Head and Chief Researcher, Text Analytics Laboratory, Professor, Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, mesoln@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1885-3039>

Polina A. Lekhnitskaya, Research Laboratory Assistant, Neurocognitive Research Laboratory, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, lekhnitskaya.polina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3689-3213>

Информация об авторах

Роман Владимирович Куприянов, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия; доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, ул. Карла Маркса, 68, 420015 г. Казань, Россия, kroman1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9794-9607>

Марина Ивановна Солнышкина, доктор филологических наук, руководитель и главный научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, mesoln@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1885-3039>

Полина Александровна Лехницкая, лаборант-исследователь НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, lekhnitskaya.polina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3689-3213>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.7>

UDC 811.161.1'04:81'373.611
LBC 81.411.2-03

Submitted: 27.04.2023
Accepted: 04.09.2023

TRENDS IN NEOLOGIZATION OF VERBAL VOCABULARY IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE (15th – 17th CENTURIES)

Olga I. Dmitrieva

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Dariya G. Orlova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of neologization of the semantic and word-formation subsystem of Russian verbs. The trends of this process are determined in relation to the Old Russian language of the 15th – 17th centuries. The main object of study is suffixal verbal neologisms formed during a given period in language development according to traditional and new word-formation models. The peculiarities of verbal neologisms formation with prefixes are described using the material of derived verbs with prefixed formants *do-*, *po-*, *ot-* and *za-*. Particular attention is paid to the issue of confixation, which, as a regular method of word building, begins to take shape in the Old Russian language. The material for the analysis was comprised of the data from the “Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries”. The application of a complex semantic and word-formation, as well as functional-semantic methodology for analyzing linguistic material has enabled the authors to identify trends in neologization of Old Russian verbal vocabulary: active formation of evolutive verbs and verbs with general semantics of activity and behaviour, the formation of new types of derivatives with the suffixes *-irova-*, *-izirova-*, *-nicha-*, regular occurrence in the language system of verbs, which denote particular types of verbal action, characterized by prefixes. It is shown that confixal derivatives appear as correlatives with the prefixal ones, and that these models can correlate and compete.

Key words: Russian language history, Old Russian period, derivatology, dynamics, semantic and word-formation subsystem, word-formation processes, neologization, verb.

Citation. Dmitrieva O.I., Orlova D.G. Trends in Neologization of Verbal Vocabulary in the Old Russian Language (15th – 17th Centuries). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 95-105. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.7>

УДК 811.161.1'04:81'373.611
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 27.04.2023
Дата принятия статьи: 04.09.2023

ТЕНДЕНЦИИ НЕОЛОГИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ (XV–XVII вв.)

Ольга Ивановна Дмитриева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Дарья Григорьевна Орлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме неологизации семантико-словообразовательной подсистемы русских глаголов. Тенденции протекания этого процесса определяются применительно к старорусскому

языку XV–XVII веков. Объект изучения составляют суффиксальные глагольные неологизмы, образованные в данный период развития языка по традиционным и новым для него словообразовательным моделям. Специфика образования префиксальных глагольных неологизмов описана на материале производных глаголов с приставочными формантами *до-*, *по-*, *от-* и *за-*. Особое внимание уделено конфиксации, которая как регулярный способ словопроизводства начинает формироваться именно в старорусском языке. Материалом для анализа послужили данные «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Применение комплексной семантико-словообразовательной и функционально-семантической методики анализа языкового материала позволило установить следующие тенденции неологизации старорусской глагольной лексики: активность образования эволютивных глаголов и глаголов с общей семантикой деятельности и поведения; формирование новых типов производных с суффиксами *-ирова-*, *-изирова-*, *-нича-*; регулярность вхождения в систему языка глаголов отдельных способов глагольного действия, характеризованных приставками. Показано, что конфиксальные производные появляются как соотносительные с префиксальными и могут находиться в отношениях взаимодействия и конкуренции.

Ключевые слова: история русского языка, старорусский период, дериватология, динамика, семантико-словообразовательная подсистема, словообразовательный процесс, неологизация, глагол.

Цитирование. Дмитриева О. И., Орлова Д. Г. Тенденции неологизации глагольной лексики в старорусском языке (XV–XVII вв.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 95–105. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.7>

Введение

Неологизация – обновление лексической системы – важный динамический процесс, во многом определяющий развитие и функционирование языка. Характер неологической динамики определяется в первую очередь когнитивно-коммуникативными потребностями общества [Касьянова, 2009; Радбиль и др., 2022], но в то же время она обусловлена внутренними закономерностями развития системы языка [Дмитриева, 2014; 2019]. Неологический бум, характерный для состояния языка на рубеже тысячелетий, уже получил лингвистическое осмысление (см., например: [Земская, 2009; Радбиль и др., 2022; и др.]). Однако, по справедливому замечанию В.Н. Немченко, «в синхронном состоянии языка возможны лишь количественные изменения входящих в него элементов, но отсутствует развитие этих элементов как переход от одного качества к другому» [Немченко, 1994, с. 31]. Изучение языковой динамики базируется на представлении о ее непрерывности, поэтому нельзя недооценивать значимость диахронических исследований по вопросам неологии [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975; Дмитриева, 2014; и др.]. Они не столь многочисленны, как исследования синхронического характера, но их актуальность определяется необходимостью выявления сквозных тенденций неологизации лексической и словообразовательной систем языка, поиска общих ее закономерностей и

особенностей процесса на отдельных этапах языковой истории [Дмитриева, Орлова, 2021; Орлова, 2023].

В поле нашего внимания находится глагольная подсистема языка как менее активная в аспекте неологизации и менее изучена по сравнению с именной подсистемой область. Данное исследование, цель которого заключается в выявлении общих тенденций неологизации глагольной подсистемы, ориентировано на анализ новой глагольной лексики, которая входила в русский язык в старорусский период его развития.

Материал и методы исследования

Выявлению общих тенденций неологизации глагольной подсистемы способствует обращение к материалам исторических словарей, отражающих состояние и динамику лексической системы русского языка на определенном этапе его истории. Лексикографические источники в исследованиях синхронно-диахронного характера обеспечивают полноту охвата языковых фактов, системный характер их анализа. По справедливому утверждению И.С. Улуханова, прогресс в сфере исторической лексикографии является одной из важных предпосылок развития исторического словообразования [Улуханов, 1994, с. 5]. Представление о динамике лексической системы русского языка в старорусский период, хронологически охватывающий время с начала XV до конца XVII в.,

дают материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.». В отличие от «Словаря русского языка XVIII века», на материале которого базируется ряд предшествующих исследований процесса неологизации в диахронии [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975; Левицкая, 2012; Дмитриева, 2014; Орлова, 2023], «Словарь русского языка XI–XVII вв.» не содержит специальных помет, обозначающих новообразования старорусского периода.

Отбор языкового материала производился на основе словарной фиксации первых употреблений слова в текстах, относящихся к исследуемому периоду развития языка, то есть начиная с XV века. Методом сплошной выборки были отобраны все новые суффиксальные глаголы с учетом возможных словопроизводственных связей. Появление в языке отыменных глаголов предполагает предварительное наличие в нем имен, однокоренных по форме и соотносительных по значению, от которых могли быть образованы эти глаголы, так как производная основа без наличия производящей в действительности не существует. Предварительным условием обнаружения и квалификации глаголов как отыменных новообразований принята, следовательно, их соотносительность с соответствующими именами (подробно об этом см.: [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975]).

Общее количество суффиксальных глагольных неологизмов составляет около 370 единиц. Выявление тенденций неологизации в подсистеме приставочных глаголов базируется на анализе глаголов с приставками *до-*, *по-*, *от-*, *за-*, в том числе с учетом результатов ранее проводившегося исследования отдельных глагольных префиксальных формаций [Дмитриева, Крючкова, 2010]. Особый акцент сделан на соотносимости префиксальных новообразований и конфиксальных производных – глаголов, образованных приставочно-суффиксальным или приставочно-постфиксальным способами. Общее число включенных в систему исследования префиксальных и конфиксальных производных – 320.

Результаты и обсуждение

1. Основная тенденция неологизации глагольной лексики в старорусский период – появление новых суффиксальных глаголов.

Предпринятое ранее синхронно-диахронное исследование подсистемы приставочных глаголов [Дмитриева, Крючкова, 2010] позволило обнаружить, что в древнерусский период беспрефиксные глаголы, составляющие производящую базу глагольного словопроизводства, большей частью относились к функционально-семантическому полю действия. В основном это были глаголы с общей семантикой физического воздействия на объект (конструктивного или деструктивного), относящиеся к общеиндоевропейскому или общеславянскому лексическому фонду. Наряду с глаголами перемещения они составляли основную массив глагольной лексики, которая и вступала в процесс образования префиксальных модификаций.

В старорусский период образование новых суффиксальных глаголов продолжилось в границах функционально-семантического поля действия, но при этом значительная часть суффиксальных новообразований – это отыменные глаголы с общей семантикой преобразования, изменения объекта (53 слова). Суффиксальные новообразования поля действия можно разделить на следующие группы:

– глаголы со значением физического воздействия на объект: *алмазити* «шлифовать (о драгоценных камнях)», *брусити* «обтесывать или опиливать бревна, изготавливая брусья», *гранити* «гранить, высекать особые знаки на какой-л. поверхности);

– глаголы со значением изменения, преобразования объекта: *бархатити* (*бархотити*) «вышивать выпуклым рисунком», *гноити* «доводить до гниения»;

– глаголы со значением покрытия поверхности объекта: *дернити* «покрывать дерном», *зеленити* «покрывать, окрашивать зеленой краской, зеленить», *муравити* «покрывать муравой, глазуровать», *смолити* «покрывать, пропитывать смолой; смолить» и др.

Глаголы функционально-семантического поля действия в старорусском языке образовывались преимущественно от имен существительных с помощью суффикса *-и-*: *багрити* «ловить рыбу багром», *грабити* «сгребать, собирать», *золити* «кипятить с золой, стирать». В текстах старорусской письменности встречаются отсубстантивные новообразования поля действия с суффиксом *-ова-*

(например, *бороновати*, *печатовати* «прикреплять, прикладывать печать, запечатывать печатью, скрепив края документа») и с суффиксом *-ева-* (например, *бичевати* «наносить удары бичом, сечь», *межевати* «устанавливать границы, рубежи»). Суффиксальные отыменные новообразования с суффиксом *-а-* единичны: *плотати* «соединять, связывать в плоты», *пятнати* «накладывать тавро, клеймо», *седлати* «седлать, надевать седло на лошадь».

Новые суффиксальные старорусские глаголы функционально-семантического поля действия в свою очередь входят в состав производящей глагольной базы и включаются в процесс префиксального глагольного словопроизводства, соединяясь с приставками, например, *гноити > загноити*; *зеленити > позеленити*; *глотати > проглотати* и др.

2. В процессе анализа суффиксальных новообразований отчетливо обозначилась тенденция к активизации функционально-семантического поля деятельности и поведения в ходе неологизации старорусской лексики.

В древнерусском языке глаголы с общей семантикой деятельности (социальной, профессиональной, речевой) и поведения человека составляли незначительную, примерно десятую часть от общего количества глаголов производящей базы [Дмитриева, Крючкова, 2010]. Для этой глагольной группы характерны такие функционально-грамматические признаки, как процессуальность, непереходность, то есть отсутствие значения объектной направленности действия, отсутствие значения выраженного предела. Ранее проведенный анализ глаголов с семантикой деятельности, или агентивных глаголов, на материале, относящемся к XVIII в., обнаружил заметную активизацию обозначенной группы в ходе неологизации глагольной подсистемы языка в этот период [Кадькалова, 2007; Дмитриева, 2014; Орлова, 2023].

В старорусский период процесс вхождения в язык глагольной лексики с семантикой деятельности и поведения уже обозначился как тенденция глагольной неологизации. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» обнаружено более ста новообразований с общей семантикой профессионально-трудовой деятельности – глаголов со словообразователь-

ными значениями «исполнять обязанности того, кто назван производящей основой», «быть тем, кто назван производящей основой», «заниматься тем, что названо производящей основой», например, *архимандритити* «исполнять должность архимандрита», *скорнячити* «заниматься ремеслом скорняка», *пономарствовати* «исполнять обязанности пономаря». В старорусский период появляется ряд глагольных неологизмов с семантикой социальной деятельности, которые приобретают в деловом общении терминологический характер: *бразговати* «пользоваться угодьем на условиях особой платы – бразги», *льготити* «давать льготу, облегчение; освободить от излишних налогов, работ или взысканий», *законити* «устанавливать законы, правила».

Небольшую группу составляют новообразования с семантикой мыслительной и речевой деятельности: *аргументовати* «сообщать какие-л. сведения, свидетельствовать», *риторичествовати* «говорить или писать по правилам ораторского искусства», *словесовати* «произносить речь».

Агентивные глагольные неологизмы в старорусском языке образуются по разным словообразовательным моделям:

– субстантивная производящая основа + суффикс *-и-*: *тиунити* «исполнять обязанности тиуна», *законити* «устанавливать законы, правила»;

– субстантивная производящая основа + суффикс *-ова-*: *поваровати* «стряпать, варить пищу; заниматься ремеслом повара», *службовати* «совершать богослужение», *козновати* «замышлять зло, строить козни»;

– субстантивная производящая основа + суффикс *-ствова-*: *антипатствовати* «быть антипатом», *патриаршествовати* «быть патриархом», *аскитствовати* «вести жизнь отшельника, аскета»;

– субстантивная производящая основа + суффикс *-а-*: *сводничати* «заниматься сводничеством, сводничать».

Формирование модели образования агентивных глаголов при помощи суффиксального форманта *-нича-*, которая регулярно начинает использоваться в русском языке XVIII в. [Кадькалова, 2007], в старорусский период лишь намечается. Производящей основой старорусского глагола *истобничати* «исполнять

обязанности истобника» можно считать существительное не только потому, что словарное толкование соотносит глагол с именной основой, но и по времени первого употребления. Первая фиксация глагола *истобничати*, судя по данным словаря, – конец XVI века.

Существительное *истобникъ* (как и производное от него существительное *истобничико*) начинает употребляться, судя по лексикографическим данным, в XV в. (раньше, чем глагол *истобничати*) в значении «должностное лицо, придворный или дворовый человек, следящий за чистотой комнат, сеней и лестниц, а также выполняющий некоторые обязанности по управлению хозяйством»:

Дано истобнику Микулкѣ Максимову с<ы>ну Лукавникавскому оброку рубль, посланъ к Москвѣ **истобничать**.... Кн. прих.-расх. Волокол. № 3. 1580 г. (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 324).

Материал позволяет утверждать, что именно существительное можно с большой долей вероятности считать производящей основой при образовании глагола:

А что наши люди деленыи ловчане, и они свои места и ужожаи вѣдають по старинѣ, и городские рыболове, **истобники**, псари, подвозники... и иные кои мои люди дѣленыи ...и въ то тебѣ... не вступа- тия СГГД I. 1496 г. (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 324).

Представляется, что суффикс *-нича-*, который позднее приобретает характер регулярного словообразующего форманта, по своему происхождению является редупликантом суффикса *-ник-* со значением лица и глагольного суффикса *-а-*.

Активно пополняется новой лексикой группа глаголов с общей семантикой поведения и поступка «поступать так, как названо производящей основой», «вести себя так, как названо производящей основой»: *приятельствовати* «быть другом, доброжелательствовать», *буйствовати* «поступать заносчиво, безрассудно», *бунтовати* «бунтовать, подстрекать к бунту», *дурачествовати* «делать глупости, дурачества», *казаковати* «вести образ жизни вольного казака, бродить, кочевать; совершать лихие набеги», *простотова- ти* «делать что-л. неразумно, по недомыслию», *странничествовати* «вести образ жизни странника», *латинствовати* «быть при-

верженцем католического вероисповедания», *властвовати* «владевать, править, управлять», *правительствовати* «управлять, править», *вождествовати* «предводительствовать; руководить, направлять».

3. Активизация функционально-семантического поля состояния в глагольной семантико-словообразовательной подсистеме – заметная тенденция процесса неологизации в старорусский период. В первую очередь она затрагивает группу глаголов с общим эволютивным значением изменения, становления, приобретения признака. Уже в древнерусском языке сформировалась отадъективная модель образования объектных эволютивных глаголов с суффиксами *-и-* или *-а-* со значением «сделать таким, как названо производящим прилагательным»: **льгичити, низити, сошнити, острити, сквърнити** [Дмитриева, Крючкова, 2010, с. 82]. В старорусский период от имен прилагательных регулярно образуются субъектные эволютивные глаголы со словообразовательным значением «стать, сделаться таким, как названо производящим прилагательным»: **бѣлѣти** «светлеть, становиться белым», **здравѣти** «становиться здоровым, поправляться», **ржавѣти** «покрываться ржавым налетом», **твердѣти** «становиться твердым, плотным», **тонѣти** «1. Становиться более худым, худеть. 2. Становиться выше, тоньше (о голосе)». Всего по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» новых для старорусского периода эволютивных отадъективных глаголов становления качества с суффиксом *-ѣ-*, а также *-и-*, *-а-*, *-ну-* (*влажити* «становиться влажным, сочным», *дичати* «становиться диким, свирепеть», *крепнути* «становиться стойким, мужественным») обнаружено около пятидесяти. В старорусском языке становится возможным образование новых эволютивных глаголов не только от прилагательных, но и от существительных, например, **плѣвелѣти** «становиться плевелом».

Суффиксальные эволютивные глаголы со значением изменения качественного признака объекта являются менее активной группой новообразований старорусского периода (18 слов) по сравнению с субъектными. Они образуются от основ прилагательных с помощью форманта *-и-*: *грязнити* «пачкать», *мок-*

рители «делать мокрым», *поганити* «осквернять, делать нечистым», *тупити* «делать тупым, неострым» и др.

Продуктивность при образовании глаголов с общей семантикой состояния («быть, находиться в каком-нибудь состоянии») от именных основ обнаруживают модели с суффиксами *-ова-* (*слѣповати* «быть слепым, несведущим в чем-л.», *сердитовати* «сердиться, гневаться, негодовать», *тосковати* «грустить, тосковать») или *-ствова-* (*бодрствовати* «бодрствовать; быть бдительным», *суровствовати* «лютовать, злобствовать», *пламенствовати* «гореть, быть в жару»). Примеры употребления в речи:

Се умираю, се **пламенствую**. Вел. Зерц. XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 82);

И Антоней посердитоваль... ..нашь подвория не дали, и мы стояли на полѣ; да много о томъ **сердитоваль**. Рим. имп. д.І. 1519 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 24, с. 76).

Общее количество новообразований с семантикой состояния и отношения составляет примерно четвертую часть от объема исследованного массива новых для старорусского периода суффиксальных глаголов.

4. Тенденция к словообразовательному варьированию глагольной лексики в процессе неологизации обнаруживает себя при конкурентов словообразовательных моделей с одинаковыми или максимально близкими словообразовательными значениями [Дмитриева, 2014, с. 8]. Для суффиксальной глагольной лексики старорусского периода характерно словообразовательное варьирование. В старорусский период продуктивными, как уже отмечалось, становятся отыменные модели с суффиксами *-ствова-* и *-ова-*. Они варьируются у глаголов, образованных от тех же производящих основ, но раньше по времени, как правило, в древнерусском языке: *пирити* «пировать, праздновать», XIII в. – *пирствовати* «пировать, праздновать», XV в. – *пировати* «пировать, праздновать», XV в.; *гостевати* «то же, что гостити (в знач. 2)», XVI в. – *гостити* «2. Быть в гостях», XI в.; *дьяконствовати* «то же, что дьяконовати», XVI в. – *дьяконовати* «исполнять обязанности дьякона», XIV в. Варьирование может сопровождать употребление одного из лексико-семан-

тических вариантов многозначного глагола: *владыкати* «то же, что владычествовати (в знач. 1)», XVI в. – *княжествовати* «княжить», XVII в. – *княжити* «2. Княжить, править княжеством, XI в.».

В ходе развития языка один из словообразовательных вариантов либо утрачивается (например, *владыкати* при сохранении второго *владычествовати*), либо вступает в отношения словообразовательной синонимии (*пророчествовати* «возвещать пророчества, пророчествовать» – *пророчити* «предсказывать»), то есть приобретает новое значение или стилистическую маркированность. Ср.:

Тѣ пророцы евангельски о Христѣ **пророчествовали** Суб. Мат. 1666 г. (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 208);

Мать думала чаду въ драгихъ портахъ и цѣны нѣтъ, какъ бы до вѣку она такъ **пророчила** Горе Зл., XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 209).

Конкуренция семантически тождественных друг другу словообразовательных вариантов, появившихся именно в старорусский период, свидетельствует об активности процесса глагольной неологизации: *дурити* «то же, что дуровати (в знач. 1)», XVII в. – *дуровати* «1. Совершать нелепые, сумасбродные поступки; буйствовать», XVI в.; *голод-а-ти* «голодать», XVII в. – *голод-ова-ти* «то же, что голодати», XVII в.; *сирот-ѣ-ти* «то же, что сиротствовати», XVII в. – *сирот-ствова-ти* «быть или стать сиротой, одиноким, беззащитным человеком», XVII в.; *молн-ѣ-ти* «блистать молнией» XVI в. – *молн-ова-ти* «блистать молнией» XVI в. и др.

Спецификация семантически тождественных словообразовательных вариантов, которые возникали в разное время, но в один и тот же, старорусский, период, может определяться и развитием омонимических отношений: *боронить*² «боронить», XVII в. – *бороновать* «бороновать», XV в., и освоением новых словообразовательных моделей, например, с формантом *-нича-* (*коварничати* «то же, что коварствовати», XVII в. – *коварствовати* «строить козни, замышлять зло», XIV–XV вв.).

Тенденции образования новых приставочных глаголов в старорусском языке определяются, как позволяют утверждать резуль-

таты многолетнего синхронно-диахронного исследования процесса внутриглагольной префиксации [Дмитриева, Крючкова, 2010], формированием устойчивых приставочных модификаций, характеризующих отдельные способы глагольного действия. Основная часть новых для старорусского периода приставочных глаголов с формантами *по-*, *от-*, *до-* – это количественно-временные модификации (более абстрактные, чем пространственно-результативные в древнерусском языке): с делимитативным значением ограниченной длительности действия (*поучити* «учить некоторое время», *повоевати* «воевать некоторое время»), с диминутивным значением меры и степени реализации действия (*поукрѣтити* «укрепить в некоторой степени», *поубыти* «убыть несколько, уменьшить»), с результативно-финитивной семантикой (*отъпѣти* «пропеть», *отъалкати* «закончить пост», *отъслужити* «отбыть срок службы»), с лимитативно-результативной семантикой (*доплавити* «довести по течению до какого-л. места», *докрыти* «довести покрытие до какого-л. места», *докопати* «копая дойти до чего-л.»). Примеры употребления:

В ту ночь казаки **докопаша** до турскихъ подкопов. Аз. пов. XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 293);

Да выучили у меня снь твои Иванъ Панфилевич самъ трети азбуки да и часовниковъ **поучили**. Грамотки, XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 43);

А как **отсидят** те люди пришлые урочные лета, и они потянуть с монастырскими людми по силе. АСВР, XV в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 14, с. 29).

В качестве тенденции неологизации приставочных глаголов в старорусском языке можно рассматривать формирование начательного способа глагольного действия, характеризованного префиксом *за-*. Образование глаголов с этой приставкой в значении «начать действие» становится регулярным процессом: *запалити* «начать палить», *заболѣти* «начать болеть», *застукати* «начать стучать», *захвалити* «начать хвалить» и др. Пример употребления:

И об вечерни порѣ в трубы **затрубили** и въ колокол **завзвонили** в доски **застукали** и въ тѣ поры всѣ люди великим гласом **завопѣли**. Посольство Елчина. 1640 г. (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 308).

В ходе синхронно-диахронного анализа приставочных глаголов исследователями отмечался тот факт, что в отдельных случаях приставочное глагольное словообразование может конкурировать с конфиксальным. Для обозначения регулярного словообразовательного форманта «префикс + суффикс» или «префикс + постфикс» В.М. Марковым был предложен специальный термин «конфикс» – третий морфологический способ словопроизводства наряду с префиксацией и суффиксацией, при котором производящая основа осложняется аффиксальным формантом одновременно в пре- и постпозиции, и модель такого образования становится регулярной [Марков, 2001].

При описании суффиксальных отыменных неологизмов нами отмечался довольно регулярное для старорусского периода образование отадъективных глаголов, таких как *бѣлѣти*, *густѣти*, *твердѣти*. На первый взгляд, именно они должны стать производящей базой дальнейшего образования приставочных глаголов: *побелѣти*, *побогатѣти*, *загустѣти*, *почьрнѣти*. Однако далеко не всегда мотивационные отношения выстраиваются в словообразовательные цепи «прилагательное или существительное > суффиксальный глагол > приставочный глагол». Например, префиксальные глагольные новообразования XVI в. *загустѣти* и *заморозити* обнаруживают такую словопроизводственную последовательность: *густой* > *густѣти* > *загустѣти*; *мороз* > *морозити* > *заморозити*. В то же время многие приставочные глаголы, начало употребления которых относится к старорусскому периоду, не имеют очевидной соотнесенности с глагольными основами, а образуются непосредственно от имен прилагательных или существительных при отсутствии зафиксированного в текстах отыменного суффиксального глагола: *ржавый* (XVI в.) > *заржавѣти* (XVI в.), *румяный* (XVI в.) > *зарумянѣти* (XVI в.), *твердый* (XVI в.) > *затвердѣти* (XVI в.), *масло* (XI в.) > *замаслити* (XI в.), *кривой* (XIV в.) > *закривити* (XVII в.).

Наши наблюдения соотносятся с выводами казанских языковедов о том, что системный характер конфиксация приобретает именно в старорусский период, когда образу-

ются регулярные сложные форманты *за-ѣ*, *за-и*, *по-ѣ*, *по-и* и др., когда отмечается рост продуктивности таких образований и появление новых конфиксальных словообразовательных типов [Бубекова, 2014; Гунько, 2012]. Вероятно, образование отыменных конфиксальных глаголов в старорусском языке шло параллельно с образованием приставочных глаголов. Это подтверждается динамическим анализом старорусских конфиксальных производных с привлечением языковых фактов XVIII в. [Дмитриева, Левицкая, 2010; Левицкая, 2012], которые позволяют обнаружить более последовательное, чем в предшествующий период истории языка, образование отыменных суффиксальных глаголов и вовлечение их в процесс внутриглагольной префиксации (*заворсить* от *ворсить*, *завощить* от *вощить* при наличии словообразовательных пар *ворс – ворсить*, *воск – вощить*).

Заключение

Результаты анализа, проведенного с опорой на данные лексикографических источников, позволили сделать вывод об активности процесса неологизации глагольной лексической подсистемы в старорусский период истории русского языка (XV–XVII вв.). Основной тенденцией глагольной неологизации в этот период является активизация процесса суффиксального словопроизводства глагольных неологизмов, которые образовывались как по традиционным (с суффиксами *-и-*, *-ѣ-*, *-а-*, *-ова-*), так и по новым словообразовательным моделям, например, с суффиксом *-нича-*. Образование этого форманта на основе редупликации суффиксов *-ник-* и *-а-* только обозначилось в исследуемый период. Глаголы с общей семантикой деятельности и поведения в старорусском языке образуют самую большую и самую продуктивную группу неологической глагольной лексики старорусского языка. Активность образования глаголов этой группы сопровождается словообразовательным варьированием, то есть образованием семантически тождественных слов по разным словообразовательным моделям. Спецификация этих моделей по семантике или по стилистической маркированности в старорусский период только намечается.

Тенденции образования префиксальных глагольных неологизмов, обнаруженные в ходе синхронно-диахронного исследования производных с приставками *до-*, *по-*, *от-* и *за-*, определяются формированием у приставок количественно-временных модификаций, модификаций меры и степени совершения действия. Этот процесс сопровождается развитием ряда способов глагольного действия, характеризованных приставками (начинательного, результативно-финитивного, делимитативного, лимитативно-финитивного) и появлением относящихся к ним новых приставочных глаголов. Конфиксация, которая как регулярный способ словопроизводства начинает формироваться именно в старорусском языке, представляет собой смежный с префиксацией процесс образования суффиксальных глагольных неологизмов, которые в дальнейшем могут становиться базой префиксального словопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубекова Л. Б., 2014. Типология и парадигматика конфиксальных глаголов русского языка // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. № 3 (19). С. 37–41.
- Гунько О. Г., 2012. Формирование и развитие конфиксации в сфере русского субстантивного словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 63, № 5. С. 34–38.
- Дмитриева О. И., 2014. Динамика глагольной семантико-словообразовательной подсистемы в русском языке XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (20). С. 6–12.
- Дмитриева О. И., 2019. Динамические тенденции неологизации русской глагольной лексики // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. С. 46–52.
- Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю., 2010. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов : Науч. кн. 364 с.
- Дмитриева О. И., Левицкая А. Д., 2010. Историческая динамика словообразовательных процессов в подсистеме русских глаголов // Динамика семантико-словообразовательных под-

систем русского языка : коллектив. моногр. Саратов : Науч. кн. С. 194–260.

- Дмитриева О. И., Орлова Д. Г., 2021. Тенденции словообразовательной динамики в ходе неологизации русской глагольной лексики // Динамические аспекты русского словообразования / под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 47–60.
- Земская Е. А., 2009. Словообразование как деятельность. М. : Либроком. 224 с.
- Кадькалова Э. П., 2007. К изучению законов словопроизводства : Агентивные глаголы в русском языке. Саратов : Наука. 216 с.
- Касьянова Л. Ю., 2009. Когнитивно-дискурсивные механизмы неологизации. Астрахань : Астрахан. ун-т. 320 с.
- Левицкая А. Д., 2012. Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфикация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (16). С. 150–153.
- Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М., 1975. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л. : Наука. 371 с.
- Марков В. М., 2001. Замечания о конфикации в современном русском языке // Избранные работы по русскому языку. Казань : ДАС. С. 104–109.
- Немченко В. Н., 1994. Понятие способа словообразования с диахронической и синхронической точек зрения // Исследования по историческому словообразованию. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. С. 29–43.
- Орлова Д. Г., 2023. Новые суффиксальные глаголы и формирование новых глагольных словообразовательных типов в русском языке XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия: Филология. Журналистика. Т. 23, вып. 2. С. 122–129.
- Радбиль Т. Б., Маринова Е. В., Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В., Щеникова Е. В., Виноградов С. Н., 2022. Новые тенденции в русском языке начала XXI века : коллектив. моногр. М. : ФЛИНТА : Наука. 304 с.
- Улуханов И. С., 1994. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. С. 3–16.

СЛОВАРЬ

- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М. : Наука, 1975–2011 ; Вып. 30. М. ; СПб. : Нестор-История, 2015 ; Вып. 31. М. : ЛЕКСПУС, 2019.

REFERENCES

- Bubekova L.B., 2014. Tipologiya i paradigmatika konfiksalnykh glagolov russkogo yazyka [Typology and Paradigmatics of Confixal Verbs of the Russian Language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta* [Bulletin of the Moscow State Humanitarian-Economic Institute], no. 3 (19), pp. 37–41.
- Gunko O.G., 2012. Formirovanie i razvitie konfiksatsii v sfere russkogo substantivnogo slovoobrazovaniya [Formation and Development of Confixation in the Sphere of Russian Substantive Word Formation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], iss. 63, no. 5, pp. 34–38.
- Dmitrieva O.I., 2014. Dinamika glagolnoy semantiko-slovoobrazovatelnoy podsystemy v russkom yazyke XVIII veka [Dynamics of the Verbal Semantic-Word-Formation Subsystem in the Russian Language of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (20), pp. 6–12.
- Dmitrieva O.I., 2019. Dinamicheskie tendentsii neologizatsii russkoy glagolnoy leksiki [Dynamic Trends in the Neologization of Russian Verbal Vocabulary]. *Natsionalnye kody v yazyke i literature. Sovremennye yazyki v novykh usloviyakh kommunikatsii: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf.* [National Codes in Language and Literature. Modern Languages in New Conditions of Communication. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegor. gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo, pp. 46–52.
- Dmitrieva O.I., Kryuchkova O.Yu., 2010. *Dinamika slovoobrazovatelnykh processov: semantiko-kognitivnyy, zhanrovo-stilisticheskii, strukturnyy aspekty* [Dynamics of Word-Formation Processes: Semantic-Cognitive, Genre-Stylistic, Structural Aspects]. Saratov, Nauch. kn. Publ. 364 p.
- Dmitrieva O.I., Levickaya A.D., 2010. Istoricheskaya dinamika slovoobrazovatelnykh processov v podsysteme russkikh glagolov [Historical Dynamics of Word-Formation Processes in the Subsystem of Russian Verbs]. *Dinamika semantiko-slovoobrazovatelnykh podsystem russkogo yazyka: kollektiv. monogr.* [Dynamics of Semantic-Word-Formation Subsystems of the Russian Language. Collective Monograph]. Saratov, Nauch. kn. Publ., pp. 194–260.

- Dmitrieva O.I., Orlova D.G., 2021. Tendentsii slovoobrazovatelnoy dinamiki v khode neologizatsii russkoy glagolnoy leksiki [Trends in Word Formation Dynamics During the Neologization of Russian Verbal Vocabulary]. Dmitrieva O.I., Krjuchkova O.Yu. eds. *Dinamicheskie aspekty russkogo slovoobrazovaniya* [Dynamic Aspects of Russian Word Formation]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, pp. 47-60.
- Zemskaya E.A., 2009. *Slovoobrazovanie kak deyatelnost* [Word Formation as Activity]. Moscow, Librokom Publ. 224 p.
- Kadkalova E.P., 2007. *K izucheniyu zakonov slovooproizvodstva: Agentivnye glagoly v russkom yazyke* [Towards the Study of the Laws of Word Production. Agentive Verbs in the Russian Language]. Saratov, Nauka Publ. 216 p.
- Kasyanova L.Yu., 2009. *Kognitivno-diskursivnye mekhanizmy neologizatsii* [Cognitive-Discursive Mechanisms of Neologization]. Astrakhan, Astrakh. un-t. 320 p.
- Levitskaya A.D., 2012. Dinamika slovoobrazovatelnykh processov: glagolnye prefiksatsiya i konfiksatsiya [Dynamics of Word-Formation Processes: Verbal Prefixation and Confixation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (16), pp. 150-153.
- Maltceva I.M., Molotkov A.I., Petrova Z.M., 1975. *Leksicheskie novoobrazovaniya v russkom yazyke XVIII veka* [Lexical New Formations in the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ. 371 p.
- Markov V.M., 2001. Zamechaniya o konfiksatsii v sovremennom russkom yazyke [Notes on Confixation in the Modern Russian Language]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Kazan, DAS Publ., pp. 104-109.
- Nemchenko V.N., 1994. Ponyatiye sposoba slovoobrazovaniya diakhronicheskoy i sinkhronicheskoy tochek zreniya [The Concept of the Method of Word Formation from Diachronic and Synchronic Point of View]. *Issledovaniya po istoricheskomu slovoobrazovaniyu* [Research on Historical Word Formation]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, pp. 29-43.
- Orlova D.G., 2023. Novye suffiksialnye glagoly i formirovanie novykh glagolnykh slovoobrazovatelnykh tipov v russkom yazyke XVIII veka [New Suffixal Verbs and the Formation of New Verbal Derivational Types in the Russian Language of the 18th Century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov University. New Series: Philology. Journalism], vol. 23., iss. 2. pp. 122-129.
- Radbil T.B., Marinova E.V., Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V., Shchenikova E.V., Vinogradov S.N., 2022. *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka: kollektiv. monogr.* [New Trends in the Russian Language of the Early 21st Century. Collective Monograph]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ. 304 p.
- Ulukhanov I.S., 1994. Sostoyanie i perspektivy izucheniya istoricheskogo slovoobrazovaniya russkogo yazyka [The State and Prospects of Studying the Historical Word Formation of the Russian Language]. *Issledovaniya po istoricheskomu slovoobrazovaniyu* [Research on Historical Word Formation]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, pp. 3-16.

DICTIONARY

- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries], iss. 1-29. Moscow, Nauka Publ., 1975–2011; iss. 30. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015; iss. 31. Moscow, LEKSUS Publ., 2019.

Information About the Authors

Olga I. Dmitrieva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Media Education, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russia, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3849-7502>

Dariya G. Orlova, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Media Education, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russia, dasha.g.orlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-0068>

Информация об авторах

Ольга Ивановна Дмитриева, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и медиаобразования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Россия, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3849-7502>

Дарья Григорьевна Орлова, аспирант кафедры русской филологии и медиаобразования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Россия, dasha.g.orlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-0068>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.8>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.2-31

Submitted: 10.04.2023
Accepted: 04.09.2023

METAPHORICAL REPRESENTATION OF VISUAL PERCEPTION IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (“MOVEMENT – PERCEPTION” MODEL)

Irina A. Safonova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article focuses on metaphorical representation of the process of visual perception in the language. The verbal-nominal word groups formed by the verbs with the semantics of movement and the nouns *glaz* (*eye*) / *vzgljad* (*glance*) / *vzor* (*gaze*) constitute the object of the study. The research material was selected from the lexicographic sources and the Russian National Corpus, which reflect both the current state of the language system and the functioning of verbal-nominal word groups. The study was carried out within a comprehensive approach that was based on a descriptive method united with contextual, stylistic, and component analysis procedures. The correspondence between the processes of movement and visual perception is verified as enabling the usage of the verbs with the direct meaning of movement in space for metaphorical reflection of perception in the language. The characteristics of visual perception process are determined. They are explicitly represented in the verbs with non-perceptual semantics and the nouns that denote realia associated with perception. The functional potential of the studied combinations is described. An assumption has been made about the factors that determined their appearance in the language and the use in the texts with certain stylistic reference. The results obtained are significant for further study of the verbal metaphor in general and the metaphorical representation of perception in the language in particular.

Key words: visual perception, metaphor, verbal-nominal word groups, lexical semantics, semantic changes, functioning, modern Russian language.

Citation. Safonova I.A. Metaphorical Representation of Visual Perception in the Modern Russian Language (“Movement – Perception” Model). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 106-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.8>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 10.04.2023
Дата принятия статьи: 04.09.2023

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗРИТЕЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (МОДЕЛЬ «ДВИЖЕНИЕ – ВОСПРИЯТИЕ»)

Ирина Александровна Сафонова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы метафорического представления в языке процесса зрительного восприятия. Объект исследования составили глагольно-именные сочетания, формируемые глаголами с исходной семантикой движения и существительными *глаз* / *взгляд* / *взор*. Источниками для отбора языкового материала послужили данные лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, отражающих современное состояние языковой системы и ее реализацию в речи, в частности функционирование глагольно-именных сочетаний. Исследование проведено в рамках комплексного подхода с применением описательного метода, контекстуального анализа, а также элементов компонентного и стилистического анализа. Показано сходство процессов движения и зрительного восприятия, обусловившее возможность использования для метафорического отражения перцепции в языке глаголов, прямые значения которых связаны с перемещением в пространстве. Установлены характеристики процесса зрительного вос-

приятия, эксплицированные с помощью глаголов неперцептивной семантики и существительных, обозначающих реалии, связанные с восприятием. Описаны функциональные возможности изучаемых сочетаний. Выдвинуто предположение о факторах, детерминировавших их появление в языке и употребление в текстах определенной стилиевой отнесенности. Полученные результаты значимы для дальнейшего изучения глагольной метафоры в целом и метафорической репрезентации восприятия в языке в частности.

Ключевые слова: зрительное восприятие, метафора, глагольно-именное сочетание, лексическая семантика, семантические изменения, функционирование, современный русский язык.

Цитирование. Сафонова И. А. Метафорическая репрезентация зрительной перцепции в современном русском языке (модель «движение – восприятие») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 106–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.8>

Введение

В отечественной науке восприятие понимается как психический процесс, наряду с ощущением, памятью, мышлением, воображением, эмоциональным переживанием удовольствия или неудовольствия и др. [Леонтьев, 2001, с. 7]. Благодаря восприятию осуществляется отображение (в терминологии В.П. Зинченко) или отражение (в терминологии А.Н. Леонтьева) субъектом реальной действительности [Большой психологический словарь, 2009, с. 519; Леонтьев, 2001, с. 8].

Восприятие, объединяя разные действия, направленные на ознакомление с предметом, воздействующим на органы чувств, представляет собой чувственно-исследовательскую деятельность наблюдения (подробно об этом см.: [Большой психологический словарь, 2009, с. 74]). Результатом процесса восприятия, неразрывно связанного с другими видами деятельности человека (прежде всего практическими), становится перцептивный образ объекта, значимый для осуществления познавательной деятельности человека (см. об этом: [Запорожец, 1986]). При этом процесс восприятия всегда является осмысленным. Как писал Л.С. Выготский о специфике восприятия у взрослых людей, «мы почти не в состоянии... создать такие условия, чтобы наше восприятие было функционально отделено от осмысливания воспринимаемого предмета» [Выготский, 2005, с. 573].

Результаты восприятия находят отражение в языке. Более того, восприятие «пронизывает» язык, составляет основу многих языковых категорий. В связи с этим язык становится одним из «ключей» для понимания специфики отражения мира в сознании человека, как и наоборот, изучение особенностей вос-

приятия мира человеком дает возможность лучше понять, что такое язык. По мнению Е.С. Кубряковой, действительность, ее восприятие человеком и язык образуют триаду, выявление сути отношений между компонентами которой даст возможность прояснить природу языка и его категорий [Кубрякова, 2004, с. 78]. При этом ученый подчеркивает, что язык нельзя рассматривать как зеркало, отображающее мир. Язык – это, скорее, «автопортрет», который художник создает, глядя в зеркало и изображая себя таким, каким в нем увидел [Кубрякова, 2004, с. 92].

Роль разных каналов получения информации о реальной действительности, значимость этой информации для человека и, соответственно, отражение ее в языке неодинаковы. Важнейшим каналом признается зрительный: зрение является основным модусом (модальностью) восприятия, а доминирование зрения («окулярцентризм») – общечеловеческой универсалией (см. об этом: [Нагорная, 2017, с. 25]). По замечанию А.Н. Леонтьева, зрительное восприятие – «существенно предметное». Результатом работы зрительной системы воспринимающего субъекта становится пространственный образ объектов окружающего мира [Леонтьев, 2001, с. 174, 194].

Глаза представляют собой не только важнейший информационный, но и значимый коммуникативный канал: с их помощью человек осуществляет невербальное общение – демонстрирует окружающим свой внутренний настрой (печаль или радость, расположение или агрессию), выражает эмоции и т. п. [Антонов, 2014, с. 8].

Значимость зрительного восприятия в освоении действительности находит отражение в культурах (и языках) разных народов. При этом исследователи отмечают нетождество

ственность языков в аспекте отражения результатов восприятия, осуществляемого через разные каналы – слуховой, тактильный, зрительный (см. об этом: [Нагорная, 2017]). К наиболее «зрительно ориентированным» относятся культуры, для которых характерны признание зрения самым объективным каналом получения информации о мире, связь между зрением и просвещенностью, а также духовной просветленностью (см.: [Нагорная, 2017, с. 26]). К языкам, «демонстрирующим» доминирование у носителей зрительного восприятия как способа получения знаний о мире, относится русский язык, что подтверждается результатами лингвистических исследований, в том числе наших (см., например: [Сафонова, 2020; Горбань и др., 2015, с. 241–290]).

Вербализация зрительного восприятия в русском языке составляет объект особого интереса многих ученых-языковедов. В исследовании этой проблемы можно выделить два основных направления. Одно из них формируют работы, посвященные определению состава языковых единиц, использующихся для обозначения зрительного восприятия; второе – работы, связанные с изучением функционирования этих единиц в текстах разной стилиевой и жанровой принадлежности. В данной статье отдельно остановимся на рассмотрении работ первого направления.

К этому направлению относятся исследования, нацеленные на установление набора единиц для выражения зрительного восприятия в современном русском языке [Резанова, Владимирова, 2023; Рузин, 1994], а также в русском языке на предыдущих этапах его развития [Романова, 2005]. Ряд исследований проводится в сопоставительном аспекте, в частности на материале русского и английского языков (см., например: [Колесов, 2008]).

В рамках первого направления также могут быть рассмотрены работы, связанные с изучением метафорических способов выражения зрительной перцепции. Метафора, по замечанию В.Г. Гака, относится к универсальным явлениям, она присуща всем языкам и во все эпохи, охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях [Гак, 1988, с. 11]. Множество употребляемых человеком метафорических выражений открывает новые семан-

тические пласты, ранее не представленные явным образом [Гусев, 1988, с. 123]. Поэтому метафору относят к средствам познания действительности, средствам организации опыта взаимодействия с внешним миром. Как орудие описания и объяснения она может быть использована в различных сферах: «в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике» [Попова, Курочкина, 2015, с. 45, 46].

В отечественной науке о языке получил распространение взгляд на метафору как на явление, в основу которого положено неправдоподобие, некое нарушение логики (подробнее об этом см.: [Скляревская, 2017]). По замечанию Н.Д. Арутюновой, метафора как «постоянный рассадник алогичного в языке» позволяет сравнивать несопоставимое, элементы разной природы – конкретное и абстрактное, время и пространство [Арутюнова, 1999, с. 367]. Буквальный смысл метафорического наименования, как пишет В.П. Москвин, воспринимается на фоне близлежащего контекста как более (если метафора свежая) или менее (если метафора стертая) неправдоподобный [Москвин, 2006, с. 91]. При этом использование метафоры, объединяющей в своей структуре объяснимое и объясняющее, предполагает понимание нетождественности объединяемого [Гусев, 1988, с. 129].

С позиций логики в структуре метафоры можно выделить два субъекта – основной и вспомогательный. Значения метафоры, по мнению Н.Д. Арутюновой, определяют признаки вспомогательного субъекта, при этом целью метафоры является выведение признаков основного объекта [Арутюнова, 1999, с. 367–368].

Рассмотрение метафоры возможно с «лексикоцентрических» позиций. Этот подход представлен в работах Г.Н. Скляревской. В центре внимания ученого находится языковая метафора, которая понимается как вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента [Скляревская, 1993, с. 12]. Такое понимание метафоры включает ее в состав явлений лексической подсистемы языка, которое можно изучать с примени-

ем разных методов и с учетом трех аспектов лексико-семантической системы, соответствующих уровням системного семантического анализа, – внешнего, внутреннего и глубинного. Первый аспект связан с изучением лексических объединений (семантических полей, лексико-семантических и тематических групп и др.), второй – полисемии, третий – специфики лексического значения, в частности с использованием компонентного анализа [Скляревская, 1993, с. 13].

В настоящее время особую значимость приобретают работы, посвященные концептуальной метафоре, предполагающей обращение к первичному чувственному опыту как когнитивной базе для концептуализации явлений абстрактного порядка, моделирование представлений о внутреннем мире человека, социальных процессах по аналогии с физическим опытом, полученным с помощью разных каналов восприятия (об этом подробнее см.: [Юрина, Шлотгауэр, 2023]). Так, исследователи отмечают широкие возможности использования лексики зрительного восприятия для обозначения процессов ментальной сферы [Барашкина, 2006; Леонтьева, 2003].

Вне зависимости от подходов, используемых учеными, в центре внимания в большинстве публикаций находятся ядерные средства выражения перцептивной семантики. При этом периферийные языковые средства, к которым, как представляется, относятся глагольно-именные сочетания, не часто рассматриваются в лингвистических работах.

Одно из немногочисленных исследований, в которых представлены классификация и описание этих единиц, было проведено О.Ю. Авдевиной. В образовании глагольно-именных сочетаний автор выделяет два аспекта, связанных с репрезентацией ситуации восприятия: обозначение действий субъекта (например, *не сводить глаз*) и характеристика объекта восприятия (например, *тянуло запахом, свет резал глаза*) [Авдевина, 2014, с. 876].

Рассматривая такие сочетания с учетом лексического и синтаксического критериев, О.Ю. Авдевина разделяет наиболее регулярные из них на следующие группы: 1) подлежащее – существительные *взгляд, слух* + сказуемое (чаще всего глагол движения): *взор скользил по поверхности стены*; 2) подлежа-

щее – субъект восприятия + сказуемое (глагол активного действия) + прямое дополнение (*взгляд, взор*): *он бросил взгляд на присутствующих*; 3) подлежащее – субъект восприятия + сказуемое (глагол движения) + инструментальное дополнение (*глазами, взглядом*): *он повел глазами*; 4) метафорические конструкции различных структурных типов (например, *голос врывается в слух*) [Авдевина, 2014, с. 877–899].

Определяя данные единицы в первую очередь как явление лексическое, исследователь обосновывает необходимость их изучения с позиций синтаксиса: «...эти словосочетания подчиняются тем или иным структурным схемам, основанным не столько на предложенческих функциях, сколько на закономерностях синтаксических сочетаний частей речи» [Авдевина, 2014, с. 877]. Анализ большого массива языковых фактов позволил О.Ю. Авдевиной сделать выводы о ряде характеристик воспринимающего субъекта, о семантике глаголов, номинирующих действия этого субъекта и составляющих рассматриваемые сочетания. При этом ученый отдельно не останавливается на механизме их формирования.

Из указанных выше глагольно-именных сочетаний наиболее последовательно ситуацию зрительного восприятия отражают единицы, формирующие вторую и третью группы. Некоторые сочетания из второй группы (с именным компонентом в форме Вин. п. без предлога) уже были рассмотрены нами ранее (см.: [Сафонова, 2022]). В данной статье остановимся на сочетаниях, относящихся к третьей группе (*обводить / обвести взглядом / глазами / взором; обежать глазами / взглядом; рыскать глазами / взглядом; скользить / скользнуть глазом(-ами) / взглядом / взором; проводить / провожать взглядом / глазами / взором* и др.). Эти сочетания, образованные глаголами, прямые значения которых не связаны со зрительным восприятием, и именными компонентами в форме Твор. п. без предлога, могут быть определены как языковые метафоры, использующиеся для характеристики протекания процесса восприятия с помощью органов зрения.

Цель статьи состоит в разноаспектном анализе таких глагольно-именных сочетаний

как периферийных средств выражения семантики зрительного восприятия (по сравнению с перцептивными глаголами) для выявления их функционально-семантической специфики в современном русском языке.

Материал и методы исследования

Материалом для изучения глагольно-именных сочетаний, включающих глаголы, прямые значения которых не связаны со зрительным восприятием, и именные компоненты *глаз / взгляд / взор*, имеющие инструментальное значение, послужили данные словарей современного русского языка (см. список словарей) и Национального корпуса русского языка.

Перспективным при исследовании таких сочетаний представляется комплексный подход, обоснованный в трудах С.П. Лопушанской и предполагающий обращение к разноразмерной семантике языковых единиц с учетом их функционирования, изучение ее через призму мыслительных процессов (подробнее о подходе см.: [Лопушанская, 1988; 1990; 1996; Горбань и др., 2015]).

Цель работы обусловила применение в рамках данного подхода описательного метода, предполагающего сбор, интерпретацию и систематизацию языковых фактов, контекстуального анализа, ориентированного на изучение реализации значений в тексте, а также элементов компонентного анализа для определения стабильно реализующихся и варьирующихся компонентов значений языковых единиц, стилистического анализа для установления ограниченности / неограниченности единиц в употреблении, описание сфер их использования.

Результаты предварительного анализа показали, что рассматриваемые сочетания используются преимущественно в художественных и публицистических текстах разной жанровой отнесенности. Отдельные случаи употребления отмечены в текстах, размещенных в социальных сетях и во многом ориентированных на разговорную речь.

Изучение массива языковых единиц на лексико-семантическом уровне с опорой на данные словарей позволило предположить существование метафорических моделей фор-

мирования анализируемых сочетаний в русском языке. В основе каждой из моделей лежит перенос признаков действий по сходству. К важнейшим, как представляется, могут быть отнесены следующие модели: «движение → зрительное восприятие»; «физическое воздействие на объект → зрительное восприятие»; «физиологическое действие → зрительное восприятие»; «помещение → зрительное восприятие»; «речевая деятельность → зрительное восприятие». В данной статье подробно рассмотрим реализацию модели «движение → зрительное восприятие». Она отражает онтологическую связь двух процессов: перемещения в пространстве и зрительного восприятия, необходимого для освоения пространства. Кроме того, сам процесс зрительной перцепции предполагает движение глаз – органа, с помощью которого она осуществляется.

Результаты и обсуждение

Изучаемые глагольно-именные сочетания включают три именных компонента. Существительное *глаз* обозначает орган восприятия, *взгляд* и *взор*, не называя орган чувств и номинируя то, что видно другому человеку, являются метонимически связанными с существительным *глаз* (подробно об этом см.: [Сафонова, 2022]).

Из двух синонимичных существительных *взгляд* и *взор* первое является общеупотребительным, второе характеризуется ограниченным использованием. Единица *взор* фиксируется в словарях с пометой «традиционно-литературное» (БТСРЯ, с. 127), для наименования глаз – «устаревшее» (БАС, т. 2, с. 529). Последнее еще раз подтверждает связь языковых единиц *глаз* и *взор* (также *взгляд*), обусловленную пространственной смежностью обозначаемых ими реалий.

Модель «движение → зрительное восприятие» реализуется в сочетаниях *бежать глазами; блуждать глазами / взглядом / взором; забегать глазами; обводить / обвести взглядом / глазами / взором; обежать глазами / взглядом; обходить взглядом; перебежать глазами; поводить / повести глазом(-ами) / взглядом; пробежать глазами; рыскать глазами / взглядом; скользить /*

скользнуть глазом(-ами) / взглядом / взором; проводить / провожать взглядом / глазами / взором; следовать глазами; сопроводить взглядом / взором; шмыгать глазами; шнырять глазами.

Процесс зрительного восприятия в зависимости от наличия / отсутствия у субъекта цели получить информацию с помощью органов зрения может быть преднамеренным (в другой терминологии – целенаправленным) или непреднамеренным (нецеленаправленным). Анализируемые единицы обозначают преднамеренное зрительное восприятие, которое осуществляется одушевленным субъектом и направлено на одушевленный или неодушевленный объект. Другие признаки, определяющие характер субъекта, объекта и перцептивного процесса, варьируются.

Глагольно-именные сочетания *бежать глазами; забегать глазами; обежать глазами / взглядом; перебежать глазами / взглядом; пробежать глазами; рыскать глазами; шмыгать глазами; шнырять глазами* используются для наименования зрительного восприятия, происходящего быстро, что детерминировано семантикой корневой морфемы глагольных компонентов. Эти глагольно-именные сочетания обозначают восприятие как минимум двух объектов, в связи с чем релевантной становится такая характеристика процесса, как направление взгляда, который может перемещаться с одного объекта на другой и обратно или поочередно на разные объекты. Указание на перечисленные составляющие ситуации восприятия, а также начальный этап в его осуществлении (*забегать*) осуществляется с помощью префиксов. Например:

(1) Толпа замирает и только **бегает глазами** немца на переселенного и обратно... (В.Л. Кигн-Дедлов. Переселенцы и новые места. 1894);

(2) Он **забегал глазами** по комнате, чтоб привыкнуть к странной опустелости ее (Л.М. Леонов. Барсуки. 1924);

(3) Привстав на носки, он **обежал глазами** вокруг себя (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета. 1968);

(4) Она прищурила и без того маленькие глазки, еще раз **обежала взглядом** растерянные лица швей... (Л.А. Чарская. Мастерская мадам Пике. 1912);

(5) ...И Фальтер, мигая, с болезненным удивлением **перебежал глазами** от руки, давшей свет, к

налившейся стеклянной груше... (В.В. Набоков. Solus Rex. 1940–1942);

(6) Инспектор **пробежала глазами** декларацию и резюмировала... (В налоговую – за деньгами // Аргументы и факты. 27.03.2002).

Сочетание *пробежать глазами* нередко представлено в контекстах с наречиями, подчеркивающими высокую скорость выполнения действия:

(7) Я подал ему письмо, которое он тотчас же распечатал и **мигом пробежал глазами** (С.П. Жихарев. Записки современника. 1806–1809);

(8) Андрей же **бегло пробежал глазами** свежие газеты (А. Грачев. Ярый против видеопиратов. 1999);

(9) Антон **быстро пробежал глазами** текст и недоуменно воззрился на Дзюбу (А. Маринина. Последний рассвет. 2013).

Рассматриваемые сочетания могут употребляться для обозначения зрительного восприятия, осуществляемого субъектом в определенном эмоциональном состоянии. Словосочетания *бежать глазами, перебежать взглядом, обежать глазами, пробежать глазами* используются для характеристики действий субъекта, испытывающего как положительные, так и отрицательные эмоции:

(10) Перебирая и играя концами подпоясывавшего его шнура, Лермонтов **весело обежал глазами** комнату (К. Большаков. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова. 1928);

(11) Он **благосклонно пробежал глазами** заметку... (Фондовые рынки расплатились по ипотеке // Ведомости. 15.03.2007);

(12) Он чувствовал, что без него что-то говорили о нем, и **тревожно обежал глазами** товарищей (А.И. Куприн. Яма. 1909–1915);

(13) Антон **недоверчиво пробежал глазами** ровные строчки (А. Маринина. Последний рассвет. 2013).

Сочетание *забегать глазами* преимущественно обозначает зрительное восприятие субъекта в состоянии беспокойства, тревоги:

(14) Ленька **беспокойно забегал глазами** по раскинутым палаткам, рундукам и лавкам (В. Осеева. Динка. 1959);

(15) И Шишкин вдруг побледнел и **тревожно забегал глазами** по комнате (В.В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 1–2. 1869).

Отдельного внимания требуют сочетания *рыскать глазами*, *шмыгать глазами*, *шнырять глазами* как единицы, обозначающие зрительное восприятие, которое осуществляется с целью найти что- или кого-либо.

Глагол *рыскать*, реализуя прямое значение «торопливо и беспорядочно бегать в поисках чего-л.» (БАС, т. 24, с. 148; МАС, т. 3, с. 746), используется для описания действий животных. В сочетании с существительными *глаза* и *взгляд* данный глагол получил возможность обозначать зрительное восприятие, осуществляемое человеком. При этом рассматриваемые единицы остаются стилистически нейтральными. Например:

(16) По утрам, одна, опять она **рыскала глазами** по увертливым статейкам энциклопедии (В.В. Набоков. Король, дама, валет. 1927–1928);

(17) – Кузнец с усилием крутит винтовую крышку (умеют же закупорить, империалисты!), **рышет взглядом** по избе (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза. 2015).

Прямым для глагола *шмыгать* является значение «часто и быстро ходить, торопливо пробегать взад и вперед мимо кого-, чего-л.» (МАС, т. 4, с. 724; см. также: БТСРЯ, с. 1502). Этот глагол в сочетании с существительным *глаза* стилистически маркирован: в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» *шмыгать глазами* («быстро переводить взгляд с одного на другое, высматривая что-л.») представлено с пометой «разговорное» (ТСРЯ, с. 1110); аналогично в «Большом толковом словаре русского языка» (БСТРЯ, с. 1502); при этом в «Словаре русского языка» – с пометой «просторечное» (МАС, т. 4, с. 724).

Данное сочетание используется, как правило, в художественных текстах:

(18) Он то бледнел, то краснел, **шмыгал глазами** по столовой (Г.Г. Белых, А.И. Пантелеев. Республика ШКИД. 1926);

(19) Смясь, он **шмыгает глазами** по сторонам (А.П. Чапыгин. Разин Степан. 1927).

Аналогично представленное в словарях сочетание *шнырять глазами* (БСТРЯ, с. 1502; МАС, т. 4, с. 725; ТСРЯ, с. 1111) обнаруживает сходные тенденции в употреблении:

(20) ...А уж он шмыг, шмыг по росе, по опушке своего леса, и так **шныряет глазами** по лесу... (И.А. Бунин. Освобождение Толстого. 1937);

(21) И когда артисты, разумеется, знавшие о его присутствии, **шныряли глазами** в зал, то видели, как Никита Сергеевич время от времени наклоняется к жене (М. Козаков. Актерская книга. 1978–1995).

Глаголы *шмыгать* и *шнырять* не отмечены в сочетании с единицами *взгляд* и *взор*. Как представляется, стилистическая маркированность данных глаголов ограничивает возможности их сочетания с именными компонентами.

Для обозначения зрительного восприятия нескольких объектов, осуществляемого медленно, используются *блуждать глазами / взглядом / взором*; *обводить / обвести глазами / взглядом / взором*. Эти глагольно-именные сочетания отмечены в художественных и медийных текстах:

(22) – Я думаю, что Слава Фетисов именно та кандидатура, которая устроит всех, – заявил форвард, привычно **блуждая глазами** по потолку и протянутым на полу проводам (Вячеслава Александровича хочу // Известия. 05.07.2001);

(23) С полминуты здоровяк **блуждал взглядом** по салону (В. Громов. Компромат для олигарха. 2000);

(24) Катя **блуждала взором** по снегу, ища других воронок (А.А. Фадеев. Молодая гвардия. 1943–1951);

(25) Не меняя выражения лица, он **обвел глазами** присутствовавших (Двое в глотке // Известия. 02.09.2001);

(26) – Добровольцев нет, это жаль, – задумчиво сказала Мария Юрьевна. Она **обвела взглядом** всех по очереди (Л.Г. Матвеева. Продленка. 1987);

(27) В пути не раз возникала мысль его включить, однако, **обводя взором** руль и окрестности, соответствующей кнопки я не находил... (А. Сердечнов. Фургон-путешественник: окончание тест-драйва Volkswagen Multivan CL Life // РБК Дейли. 27.08.2013).

В ряде контекстов невысокая скорость протекания процесса подчеркивается посредством наречий, например:

(28) Лейтенант Греве, ступив на полшага вперед, опустил руку в задний карман, **медленно обводя взглядом** возбужденных людей (Л.С. Соболев. Капитальный ремонт. 1932).

Сочетание *обводить глазами / взглядом* используется также для описания восприятия, осуществляемого субъектом в определенном внутреннем состоянии (неуверенности, растерянности, задумчивости, тоски и др.), например:

(29) ...Истерически выкрикивал он, **неуверенно обводя глазами** присутствующих (Б.К. Лившиц. Полутораглазый стрелец. 1933);

(30) ...Митрий Степаныч однажды торжественно заявил, **властно обводя глазами** людей, которые сидели и на лавках и на полу... (Ф.В. Гладков. Повесть о детстве. 1948);

(31) И Максим остановился в дверях, **тоскливо обводя глазами** солнечные стены (В. Крапивин. Болтик. 1976);

(32) Аня... наконец остановилась, **растерянно обводя глазами** знакомую мебель (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный. 2000);

(33) ...Грустно вздыхает толстая молодая женщина, **призывно обводя взглядом** «вокругнудящихся» мужчин («Мужчина, какой вы нудный!» // Аргументы и факты. 18.08.2004);

(34) ...**Грозно обводя глазами** зал, сказал Росель (Итоговый выпуск (вечерний) – 25.07.05 20:00 – Екатеринбург // Новый регион 2. 26.07.2005);

(35) Обаяние курортного межсезонья, отметил Леон, **задумчиво обводя глазами** пустую пьядцу (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2014).

В современном русском языке глаголы *поводить* и *повести* используются в сочетании с существительным *глаз*, при этом сочетания *поводить глазами* и *повести глазом* обнаруживают некоторые семантические и функциональные различия.

В *поводить глазами* именной компонент используется в форме мн. ч. Основой для формирования перцептивного значения у данной единицы представляется значение «двигать, шевелить частью своего тела» (БАС, т. 17, с. 263). *Поводить глазами* употребляется для выражения зрительного восприятия, осуществляемого ограниченное время или время от времени. Например:

(36) Он... и начал говорить тихо, мерно, **поводя глазами** то по локонам Лизы, то по шее, то по талии (И.А. Гончаров. Обыкновенная история. 1847);

(37) ...Он... начнет медленно поворачивать голову в ту и другую сторону и с ласковою улыбкою **поводить глазами** на толпу (Ф.И. Буслаев. Мои воспоминания. 1897);

(38) Он **поводил глазами**, но нигде не видел заточенной императрицы (Р.Л. Антропов. Герцогиня и «конюх». 1903);

(39) **Поводил глазами** по строчкам, продолжал... (А.П. Чапыгин. Гулящие люди. 1937).

Глагол *поводить* образует сочетания и с существительными *взгляд*, *взор*, например:

(40) Морин остался стоять посреди землянки, засунув руки в свои темно-синие галифе и **поводя взглядом** с потолка на пол (Г. Сепар. Снежка – речка чистая. 1977);

(41) Незадолго до того он... **поводя взором** вокруг себя, не находил предмета, способного заменить его последнее обладание (Е.А. Ган. Идеал. 1837).

Аналогично используется и глагол *повести*, у которого основой для формирования перцептивной семантики, как представляется, послужило значение «плавно двинуть, шевельнуть (какой-л. частью тела, а также усами, бровью и т. п.)» (БАС, т. 17, с. 235). Например:

(42) Женя **повела глазами** на Ричарда (Д. Гранин. Иду на грозу. 1962);

(43) Я **повел глазами** из стороны в сторону... (В. Войнович. Москва 2042. 1986).

При этом устойчивое сочетание, формируемое рассматриваемым глаголом с отрицательной частицей *не* и существительным *глаз* в форме ед. ч. – *глазом не повести*, не имеет перцептивной семантики. Это сочетание, зафиксированное в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» в значении «не выразить ни малейшего удивления, остаться равнодушным» с пометой «разговорное» (ТСРЯ, с. 658), используется, подобно рассмотренным сочетаниям, в художественных и медийных текстах:

(44) Он прошел мимо парней, словно призрак, они и **глазом не повели** (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой. 1998);

(45) Насекомое залетело в рот спортсмена перед поединком с Энди Марреем во втором круге, а тот и **глазом не повел** – проглотил и пошел к своей скамье (Е. Бакин. Британский юмор // lenta.ru. 16.07.2017).

Для характеристики особой разновидности зрительной перцепции, предполагающей

восприятие нескольких объектов и несосредоточенность субъекта на процессе, употребляются *скользить / скользнуть глазами / взглядом / взором*. Данная семантика стала результатом трансформаций непрямого значения глагола *скользить* «легко, плавно двигаться, слегка прикасаясь к поверхности чего-л.» (МАС, т. 4, с. 113). В сочетании с существительными *глаза, взгляд, взор* он реализует значение «переходить с предмета на предмет, не задерживаясь на чем-л.» (МАС, т. 4, с. 113; см. также: БТСРЯ, с. 1198):

(46) Девочка **скользила взором** по бокам скалы... (А.М. Волков. Урфин Джюс и его деревянные солдаты. 1963);

(47) ...Первый секретарь все еще **скользил глазами** по строчкам, возвращаясь к началу... (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. 1969–1975);

(48) ...Экзаменатор привычно **скользил взглядом** по стандартным правильным ответам... (vk. 19.12.2013);

(49) ...Вдруг кто-нибудь нас заметит и увидит – не то что **скользнет взором** по нашему лицу, а увидит по-настоящему... (митрополит Антоний (Блум). О творении и спасении мира. 1977);

(50) Олег их развернул, **скользнул глазами**: договора, накладные, обязательства (В. Мясников. Водка. 2000).

Подобно рассмотренным выше сочетания *скользить / скользнуть глазами / взглядом / взором* могут функционировать с контекстуальными уточнителями, посредством которых в текст вводятся такие характеристики, как эмоциональное и ментальное состояние субъекта восприятия, например:

(51) Лариска раскрывала книжку и **с надменным видом скользила взглядом** по страницам... (А.А. Ломтев. Там, где ничего не случилось // Волга. 2008);

(52) Царь Иосиф **равнодушно скользил взглядом** по жилищам ремесленников из войлока и дерева... (А.И. Красницкий. Князь Святослав. 1894);

(53) ...Она, как и все, **неустанно скользила взглядом** по бесчисленным округлым водопадам... (Г. Маркосян-Каспер. Кариатиды // Звезда. 2003);

(54) Характерно наклонив голову, он **внимательно скользил взглядом** по сумкам и карманам покупателей (И. Миронов. Короли чужих карманов // Труд-7. 20.07.2007);

(55) Корнева повернулась, **весело скользнула глазами** по прибывшим... (Н.Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты. 1895);

(56) Лида **бессознательно скользнула глазами** по его маленькой фуражке... (М.П. Арцыбашев. Санин. 1902);

(57) Тихий прилежный постоялец (она **испытующе скользнула глазами** по пришедшим) (Л.А. Данилкин. Юрий Гагарин. 2011).

Еще одну разновидность зрительного восприятия, связанного с движением глаз воспринимающего субъекта вслед за объектом (вне зависимости от количества объектов), обозначают глагольно-именные сочетания *провождать / проводить глазами / взглядом / взором; следовать глазами / взглядом / взором; сопровождать глазами / взглядом*.

Для выражения зрительного восприятия удаляющегося объекта употребляются сочетания *провождать / проводить глазами / взглядом* (вне зависимости от количества объектов):

(58) Клавочка... **провождает глазами** летящие мимо искры из трубы паровоза (А.А. Селиванов. В белой тишине // Пробуждение. № 4. 1918);

(59) Он так быстро вертел головой, словно следил за игрой в теннис, **провождая взглядом** каждый мяч (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. 1931);

(60) Тогда она высунулась из будки и **проводила глазами** прохожего (Рид Грачев. Помидоры. 1959);

(61) Путники **проводили взглядом** три красных огонька последнего вагона... (Ю. Петкевич. Живые цветы зимой. 2001).

Рассматриваемые сочетания обнаруживают широкие возможности употребления, в частности с наречиями и существительными с темпоральной и эмотивной семантикой:

(62) ...И потому прохожие **с некоторым удивлением провожали глазами** стройного юношу... (Е.А. Бекетова (Краснова). Два мира. 1888);

(63) Корней опустил на кукорки и **ласково провожал глазами** зверушку (В.П. Правдухин. Годы, тропы, ружье. 1930);

(64) ...И **долго провожал глазами** красное облако пыли, в котором взблескивали то рога, то копыта (Ф. Абрамов. Дом. 1973–1978);

(65) ...И Сергей **с некоторой долей жалости провожал глазами** гордую спину ее уверенного в себе спутника (Ф. Искандер. Морской скорпион. 1977);

(66) Домочадцы **грустно провожали глазами** каждую мелочь, которую я решительно отправляла на свалку (Глобальные реформы в пределах одной квартиры // Аргументы и факты. 23.10.2000);

(67) Писатель Л. **с сожалением проводил взглядом** коробок, исчезнувший в кармане серого с искрою английского костюма... (В. Личутин. Любостай. 1987);

(68) Виталий **с тоской проводил взглядом** последнюю десятку лейтенантов... (В. Васильев. Шуруп. 2013).

Сочетания *следовать глазами / взглядом / взором* и *сопровождать глазами / взглядом* также обозначают восприятие движущегося объекта. При этом движение объекта не всегда осуществляется в направлении от воспринимающего субъекта (в отличие от *провождать / проводить глазами / взглядом / взором*). Количество объектов может варьироваться. Например:

(69) Вначале больной обычно просто **следует глазами** за близкими ему людьми (Жизнь без жизни // Аргументы и факты. 28.03.2001);

(70) Маша... тихо **следует взглядом**... за Владиком... (Л. Петрушевская. Колыбельная птичьей родины. 1998–1999);

(71) Раз утром он сидел в длинных креслах с трубкою в руках и **следуя взором** за голубоватую струю дыма... (М.С. Жукова. Барон Рейхман. 1837);

(72) Быстро, бесшумно летела карета по улицам; не замечали ее; и не **сопровождали глазами** и вздохами (А. Белый. Москва. Ч. 2. Москва под ударом. 1926);

(73) Друзья, представьте себе, что вы идете по совершенно безлюдному переулку и чувствуете, что на самом деле вы не одиноки, что на вас смотрят, вас **сопровождают взглядом**... (vk. 31.01.2012).

Основой для формирования перцептивного значения у рассмотренных стилистически нейтральных сочетаний послужили прямые значения глаголов *провождать (проводить), следовать, сопровождать*, связанные с одновременным перемещением того, кто сопровождает, и того, кого сопровождают (БАС, т. 20, с. 672; МАС, т. 4, с. 133, 199).

Заключение

Глагольно-именные сочетания, образованные глаголами неперцептивной семантики

и существительными *глаз, взгляд, взор*, обозначающими орган восприятия и связанные с ним реалии, относятся к периферийным средствам репрезентации зрительного восприятия в языке.

Семантическим механизмом формирования изучаемых словосочетаний становится метафорический перенос, основанный на сходстве двух важнейших для человека процессов – движения и восприятия. Осмысление зрительного восприятия по аналогии с движением закономерно, поскольку зрительная перцепция непосредственно связана с перемещением в пространстве и часто предполагает движение глаз.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что к характеристикам зрительного восприятия, метафорически отраженным в языке с помощью проанализированных глагольно-именных сочетаний, относятся эмоциональное и ментальное состояние воспринимающего субъекта, цель, с которой он осуществляет восприятие; количество воспринимаемых объектов, перемещение глаз вслед за движущимся объектом восприятия; интенсивность и скорость протекания перцептивного процесса. Основой для изменений, в результате которых стало возможным использование глаголов неперцептивной семантики для выражения зрительного восприятия, послужили их прямые значения.

Стилистически нейтральными являются сочетания *обводить / обвести взглядом / глазами / взором; пробежать глазами; скользить / скользнуть глазом(-ами) / взглядом / взором; проводить / провожать взглядом / глазами / взором; следовать глазами; сопровождать взглядом / взором* и др. Сочетания *шмыгать глазами, иньирять глазами* обнаруживают ограниченность в употреблении: они стилистически маркированы как разговорные.

Разнообразие глагольно-именных сочетаний, необходимых для детализированного описания процесса зрительного восприятия, детерминировано в первую очередь особой значимостью данной разновидности перцепции для жизни человека в социуме. Еще одним фактором, определившим появление и употребление таких сочетаний, является стилистический: художественный и публицисти-

ческий тексты, в которых они преимущественно используются, обуславливают возможность обращения к различным, в том числе стилистически маркированным, языковым средствам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеевнина О. Ю., 2014. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М. 1065 с.
- Антонов Д. И., 2014. Предисловие (*видеть и знать*) // Сила взгляда. Глаза в мифологии и иконографии / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М. : Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та. С. 7–13.
- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры. XV, 896 с.
- Барашкина Е. А., 2006. Метафорическая модель «зрительное восприятие» как способ характеристики ментальной сферы // Функционирование языка: категории и методы исследования : материалы регион. науч. конф. (Самара, 28 февр. – 1 марта 2006 г.). Самара : Самар. ун-т. С. 41–45.
- Большой психологический словарь, 2009 / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М. : АСТ ; СПб. : Прайм-Еврознак. 811 с. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/bolshoy-psihologicheskii-slovar.html>
- Выготский Л. С., 2005. Психология развития человека. М. : Смысл ; Эксмо. 1136 с.
- Гак В. Г., 1988. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука. С. 11–26.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект : коллектив. моногр. / отв. ред. Е. М. Шептухина. М. : Флинта ; Наука. 352 с.
- Гусев С. С., 1988. Упорядоченность научной теории и языковые метафоры // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука. С. 119–133.
- Запорожец А. В., 1986. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М. : Педагогика. 320 с.
- Колесов И. Ю., 2008. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). Барнаул : БГПУ. 354 с.
- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. слав. культуры. 560 с.
- Леонтьев А. Н., 2001. Лекции по общей психологии. М. : Смысл. 511 с.
- Леонтьева Т. В., 2003. Метафора зрительного восприятия в концептуальном поле «Интеллект человека» // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4 : сб. науч. тр. / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 64–77.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении) : межвуз. сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Москвин В. П., 2006. Русская метафора : Очерк семиотической теории. М. : ЛЕНАНД. 184 с.
- Нагорная А. В., 2017. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор / отв. ред. Э. Б. Яковлева. М. : ИНИОН. 86 с.
- Попова Т. Г., Курочкина Е. В., 2015. Метафора как языковой и ментальный механизм в создании образно-эстетической составляющей художественного произведения // Язык и культура. № 1 (29). С. 45–53. DOI: 10.17223/19996195/29/6
- Резанова З. И., Владимировича В. Е., 2023. Рейтинги вклада модальностей восприятия в семантику слов в отношении к частям речи и лексико-грамматическим разрядам // Вестник Томского государственного университета. № 487. С. 30–41. DOI: 10.17223/15617793/487/4
- Романова О. М., 2005. История лексических гнезд с общеславянскими корнями *ględ-, *mot-, *vid-, *zъg- (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 22 с.
- Резин И. Г., 1994. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. № 6. С. 79–100.
- Сафонова И. А., 2020. Перцептивная лексика как средство создания образов подвижников благочестия в агиографических текстах XVIII–XX вв. // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. семинара, посвящ. 110-летию Саратов. гос. ун-та (г. Саратов, 1 нояб. 2019 г.) / отв. ред. О. И. Дмитриева. Саратов : Амрит. С. 97–105.
- Сафонова И. А., 2022. Глагольно-именные сочетания с семантикой зрительного восприятия: синхронно-диахронический аспект // Вестник Волгоградского государственного универси-

тета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. С. 132–145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.11>

- Склярская Г. Н., 1993. Метафора в системе языка / отв. ред. Д. Н. Шмелев. СПб. : Наука. 151 с.
- Склярская Г. Н., 2017. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // Мир русского слова. № 4. С. 9–17.
- Юрина Е. А., Шлотгауэр Е. А., 2023. Русская тактильная метафора в аспекте эмотивности (на материале лексико-фразеологического поля «Гладить») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 1. С. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.7>

СЛОВАРИ

- БАС* – Большой академический словарь русского языка. М. : Наука ; СПб. : Наука, 2004– .
- БТСРЯ* – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985–1988.
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.

REFERENCES

- Avdevnina O.Yu., 2014. *Kategoriya vospriyatiya i sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [The Category of Perception and Means of Its Explication in the Modern Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 1065 p.
- Antonov D.I., 2014. Predislovie (videt i znat) [Preface (To See and to Know)]. Antonov D.I., ed. *Sila vzgljada. Glaza v mifologii i ikonografii* [The Power of Gaze. Eyes in Mythology and Iconography]. Moscow, Izd. tsentr Ros. gos. gumanitar. un-ta, pp. 7-13.
- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. XV, 896 p.
- Barashkina E.A., 2006. Metaforicheskaya model “zritelnoe vospriyatie” kak sposob kharakteristiki mentalnoy sfery [Metaphorical Model of Visual Perception as a Means of Mental Sphere Description]. *Funktsionirovanie yazyka: kategorii i metody issledovaniya: materialy region. nauch. konf. (Samara, 28 fevr. – 1 marta*

2006 g.) [Functioning of the Language: The Categories and Research Methods: Regional Scientific Conference Proceedings (Samara, February 28 – March 1, 2006)]. Samara, Samar. un-t, pp. 41-45.

- Meshcheryakova B.G., Zinchenko V.P., eds. *Bolshoy psikhologicheskii slovar* [Large Dictionary of Psychology]. Moscow, AST Publ., Saint Petersburg, Praym-Yevroznak Publ. 811 p. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/bolshoy-psihologicheskii-slovar.html>
- Vygotskiy L.S., 2005. *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Human Development Psychology]. Moscow, Smysl Publ.; Eksmo Publ. 1136 p.
- Gak V.G., 1988. Metafora: universalnoe i spetsificheskoe [The Metaphor: Universal and Particular Traits]. Teliya V.N., ed. *Metafora v yazyke i tekste* [The Metaphor in the Language and the Text]. Moscow, Nauka Publ., pp. 11-26.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V.; Sheptukhina E.M., ed., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kollektiv. monogr.* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Gusev S.S., 1988. Uporyadochennost nauchnoy teorii i yazykovye metafory [The Systematicness of Scientific Theory and Linguistic Metaphors]. Teliya V.N., ed. *Metafora v yazyke i tekste* [The Metaphor in the Language and the Text]. Moscow, Nauka Publ., pp. 119-133.
- Zaporozhets A.V., 1986. *Izbrannye psikhologicheskie trudy. V 2 t. T. 1. Psikhicheskoe razvitie rebenka* [Selected Psychological Works. In 2 Vols. Vol. 1. Mental Development of the Child]. Moscow, Pedagogika Publ. 320 p.
- Kolesov I.Yu., 2008. *Problemy kontseptualizatsii i yazykovoy reprezentatsii zritel'nogo vospriyatiya (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Issues on Conceptualization and Language Representation of Visual Perception (On the Basis of English and Russian)]. Barnaul, BGPU. 354 p.
- Kubryakova E.S., 2004. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. Heading for the Knowledge of the Language. Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of the Language in Understanding the World]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 560 p.
- Leontyev A.N., 2001. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow, Smysl Publ. 511 p.

- Leontyeva T.V., 2003. Metafora zritel'nogo vospriyatiya v kontseptualnom pole «Intel'ekt cheloveka» [Visual Perception Metaphor in the Conceptual Domain Human Intelligence]. Rut M.E., ed. *Onomastika i dialekt'naya leksika. Vyp. 4: sb. nauch. tr.* [Onomastics and Dialect Vocabulary. Iss. 4. Collection of Scientific Works]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 64-77.
- Lopushanskaya S.P., 1988. Izmenenie semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v protsesse modulyatsii [Changing the Semantic Structure of Russian Prefixless Verbs Denoting Motion in the Process of Modulation]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii): mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Russian Verb (Comparative Analysis). Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaya S.P., 1990. *Razvitiye i funktsionirovaniye drevnerusskogo glagola* [Evolution and Functioning of Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaya S.P., 1996. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitel'nyy protsess [Semantic Modulation as a Speech-and-Mental Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya*, iss. 1, pp. 6-13.
- Moskvin V.P., 2006. *Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoy teorii* [Russian Metaphor. An Essay on Semiotic Theory]. Moscow, LENAND Publ. 184 p.
- Nagornaya A.V., 2017. *Lingvosensorika kak perspektivnoye napravleniye sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: analit. obzor* [Linguistic Sensory Perception as a Promising Area of Current Linguistic Research. Analytical Review]. Moscow, INION Publ. 86 p.
- Popova T.G., Kurochkina E.V., 2015. Metafora kak yazykovoy i mental'nyy mekhanizm v sozdaniy obrazno-esteticheskoy sostavlyayushchey khudozhestvennogo proizvedeniya [Metaphor as a Language and Mental Mechanism in Artwork]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 1 (29), pp. 45-53. DOI: 10.17223/19996195/29/6
- Rezanova Z.I., Vladimirova V.E., 2023. Reytingi vkladov modalnostey vospriyatiya v semantiku slov v otnoshenii k chastyam rechi i leksiko-grammaticheskim razryadam [Ratings of the Perceptual Modalities Contribution to the Semantics of Words in Relation to Parts of Speech and Lexico-Grammatical Categories]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 487, pp. 30-41. DOI: 10.17223/15617793/487/4
- Romanova O.M., 2005. *Istoriya leksicheskikh gnezd s obshch斯拉vianskimi kornyami *ględ-, *mot-, *vid-, *zъr- (na materiale russkogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The History of Word Families with Slavonic Roots *ględ-, *mot-, *vid-, *zъr- (Exemplified by the Russian Language). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Ufa. 22 p.
- Ruzin I.G., 1994. Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke [Cognitive Strategies of Naming: Modalities of Perception (Sight, Hearing, Touch, Smell, and Taste) and Their Expression in Language]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 79-100.
- Safonova I.A., 2020. Pertseptivnaya leksika kak sredstvo sozdaniya obrazov podvizhnikov blagochestiya v agiograficheskikh tekstakh XVIII–XX vv. [Perceptual Vocabulary as a Means of Creating Godliness Devotees in Hagiographic Texts of the 18th–20th Centuries]. Dmitrieva O.I., ed. *Razvitie slovoobrazovatel'noy i leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: sb. st. po materialam VII Mezhdunar. nauch. seminar, posvyashch. 110-letiyu Sarat. gos. un-ta (g. Saratov, 1 noyab. 2019 g.)* [Development of the Word-Building and Lexical System of the Russian Language. Collection of Articles Based on Proceedings of the 7th International Scientific Seminar Dedicated to the 110th Anniversary of the Saratov State University (Saratov, November 1, 2019)]. Saratov, Amirit Publ., pp. 97-105.
- Safonova I.A., 2022. Glagolno-imennyye sochetaniya s semantikoy zritel'nogo vospriyatiya: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt [Verb-and-Nominal Phrases with Semantics of Visual Perception: Synchronic and Diachronic Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 132-145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.11>
- Sklyarevskaya G.N., 1993. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the Language System]. Saint Petersburg, Nauka Publ. 151 p.
- Sklyarevskaya G.N., 2017. Metafora i sravnenie: logicheskie, semanticheskie i strukturnyye razlichiya [Metaphor and Comparison: Logical, Semantic and Structural Differences]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 4, pp. 9-17.
- Yurina E.A., Shlotgauer E.A., 2023. Russkaya taktil'naya metafora v aspekte emotivnosti (na

materiale leksiko-frazeologicheskogo polya «Gladit») [Russian Tactile Metaphor in Terms of Emotiveness (A Study of the Lexico-Phraseological Field Gladit)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 1, pp. 81-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.7>

DICTIONARIES

Bolshoy akademicheskij slovar russkogo yazyka [Great Academic Dictionary of the Russian

Language]. Moscow, Nauka Publ., Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004–.

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1985–1988.

Shvedova N.Yu., ed. *Tolkovyi slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p.

Information About the Author

Irina A. Safonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

Информация об авторе

Ирина Александровна Сафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.9>

UDC 811.111'01
LBC 81.432.1-03

Submitted: 26.11.2022
Accepted: 05.06.2023

SOMATIC LEXIS OF THE VESPASIAN PSALTER

Sergey V. Mukhin

MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the linguistic properties of Old English somatic vocabulary represented by the specific lexis and idiomatic expressions collected from The Vespasian Psalter, an 8th century Anglo-Saxon glossed manuscript. The research submits to scrutiny 37 substantive words with corporeal semantics, which are grouped according to the conventional procedure. In the text of the Vespasian Psalter 750 contexts with lexical somatisms are thoroughly analyzed to calculate the frequency of occurrence of each unit and detect the corporeal vocabulary which enjoys the highest frequency and therefore may prove to be phraseologically productive. Proceeding from the analysis of a number of contexts with the noun *toð* (tooth), the study is made of the capacity of lexical somatisms to build regular idiomatic complexes with the contextual ambience. The emphasis is laid on the fact that the main signatures of idiomatization are regular speech incidence of the somatic component combined with certain words and a constant image underpinning the semantic structure of the hereby formed idiomatic word-combination. To verify the phraseological status of the word-combinations, contexts are considered in comparison with the corresponding contexts in other Old English manuscripts. The research can be of interest to specialists in a number of linguistic departments: lexicology, phraseology, linguoculturology and history of English.

Key words: somatism, Vespasian Psalter, frequency of occurrence, phrase-building, study of idioms, Old English, Latin.

Citation. Mukhin S.V. Somatic Lexis of the Vespasian Psalter. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 120-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.9>

УДК 811.111'01
ББК 81.432.1-03

Дата поступления статьи: 26.11.2022
Дата принятия статьи: 05.06.2023

СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ВЕСПАСИАНОВОЙ ПСАЛТИРИ

Сергей Владимирович Мухин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье описываются языковые характеристики древнеанглийской соматической лексики на примере конкретного лексико-фразеологического материала, отобранного методом сплошной выборки из древнеанглийского текста памятника письменности VIII в. – Веспасиановой Псалтири. Всего рассмотрено 37 субстантивных лексем с телесно-антропным значением. Данная лексика сгруппирована в соответствии с

принятой классификацией соматических лексем. В тексте глосс Веспасиановой Псалтири выявлено 750 контекстов с соматизмами. Произведен расчет частотности употребления каждой единицы, охарактеризованы наиболее частотные соматизмы как потенциально обладающие высокой фразеологической продуктивностью. На примере анализа контекстов с существительным *toð* (зуб) показана способность лексических соматизмов образовывать устойчивые фразеологические связи с контекстуальным окружением. Признаками фразеологизации признаются регулярная воспроизводимость сочетания соматического компонента с теми или иными лексемами и наличие у образуемого словосочетания постоянной образной основы. В целях верификации фразеологического статуса словосочетания контексты Веспасиановой Псалтири сопоставлены с соответствующими контекстами в других памятниках письменности того же периода. Исследование представляет интерес для специалистов по лексикологии, фразеологии, лингвокультурологии и истории английского языка.

Ключевые слова: соматизм, Веспасианова Псалтирь, частотность, фразообразование, идиоматика, древнеанглийский язык, латинский язык.

Цитирование. Мухин С. В. Соматическая лексика Веспасиановой Псалтири // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 120–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.9>

Введение

Соматизмы представляют собой значимый фрагмент языковой картины мира. Эта лексическая группа отличается универсальностью, так как ее единицы могут использоваться не только для вербализации телесных концептов, но и для описания иных фрагментов действительности. Ключевое положение соматизмов в лексической системе любого языка объясняется антропоцентризмом человеческого сознания, единообразием телесного устройства и его независимостью от природных, территориальных и других факторов, склонностью людей наделять тело рядом метафизических свойств и способностью тела задавать параметры изначального измерения пространственных и даже временных величин. В культурном отношении телесность играет чрезвычайно важную роль. Под телесностью (корпореальностью) понимается совокупность культурных норм, определений, стереотипов, связанных с биологическим организмом человека [Щепанская, 2022, с. 252]. Корпореальность выступает важным признаком, на котором базируется концептуализация действительности и который определяет способы конструирования внешнего мира человеком [Жура, Рудова, 2019, с. 119].

Настоящая работа выполнена в рамках более широкого исследования фразеологии древнеанглийского языка. Фразеологический анализ, обычно используемый при изучении фразеологии, допускает привлечение исторических данных [Кунин, 1996, с. 36], однако в работах по фразеологии чаще всего рассмат-

ривается ее современное состояние. Этот раздел языкознания остается одним из наименее изученных с точки зрения истории языка. Вместе с тем историческое описание языка нельзя считать полным без реконструкции фразеологической подсистемы.

В статье ставится цель выявить и описать продуктивную для фразообразования соматическую лексику в тексте Веспасиановой Псалтири и доказать на конкретных примерах ряд положений, отражающих особенности корпуса лексем с телесно-антропной семантикой. Изучение совокупности лексических соматизмов, отобранных методом сплошной выборки, позволяет предположить, что соматическая лексика демонстрирует: 1) разнообразие, 2) высокую частотность, 3) фразообразовательную продуктивность.

Материал и методы

Цели и процедура исследования обуславливают применение корпусного подхода к изучению соматизмов, а также лингвокультурологического, контекстуального, компонентного анализа и метода словарных дефиниций.

Языковой материал отобран из рукописи *MS Cotton Vespasian A I* в редакции Г. Свита (OET). Манускрипт на латинском языке создан, предположительно, в Личфилде, графство Стаффордшир, в первой половине VIII века. Во второй четверти IX в. рукой королевского писца, известного в медиевистике под условным именем *Royal Bible Master Scribe*, в рукопись внесены подстрочные глоссы на древнеанглийском языке с довольно выраженными

ми особенностями мерсийского диалекта [Ball, 1970]. Почерк писца распознается и в других памятниках письменности той эпохи, принадлежавших аббатству Св. Августина в Кентербери или созданных там [Freeman, 2018]. Таким образом, Веспасианова Псалтирь является самой ранней псалтирью Древней Англии, а также первым образцом перевода библейского текста в истории английского языка.

Результаты и обсуждение

Репрезентация соматизмов

Веспасиановой Псалтири в рамках классификации соматической лексики

Термин «соматический» в отношении языкового понятия впервые был введен в фино-угроведении Ф. Вакком, который изучал фразеологизмы эстонского языка с компонентами – названиями частей человеческого тела [Вакк, 1968]. Этот термин имеет разные толкования: он может называть средства обозначения явлений телесной сферы (чаще используется в биологии и медицине) или любое значимое свойство, положение или движение лица и всего человеческого тела [Маслова, 2001, с. 56–57], что предполагает и невербальные формы – жесты, мимику, позы и т. п. В рамках настоящего исследования соматизмы интерпретируются как номинации элементов строения и проявлений тела. Существуют разные классификации соматизмов. Мы опираемся на классификацию, предложенную Р.Ю. Мугу, поскольку на данный момент она является одной из самых полных [Мугу, 2003, с. 14–15]. В зависимости от объекта номинации вся соматическая лексика Веспасиановой Псалтири распределяется по шести разделам.

I. Сомонимическая лексика служит для обозначения частей и областей тела, как правило внешних: *muð* (рот, уста; н.-англ. *mouth*; лат. *os*¹), *sean* (зрачок, зеница; н.-англ. *pupil*, *apple*; лат. *pupilla*), *heafod* (голова, глава; н.-англ. *head*; лат. *caput*), *hond* (рука; н.-англ. *hand*; лат. *manus*), *hnol* (темя, макушка; н.-англ. *top*; лат. *vertex*), *finzer* (палец, перст; н.-англ. *finger*; лат. *digitus*), *earm* (рука, мышца; н.-англ. *arm*; лат. *bracchium*), *ondwleota* (лицо, лоб; н.-англ. *face*; лат. *facies*),

onsien (лицо; н.-англ. *face*; лат. *vultus*), *fof* (нога, стопа, ступня; н.-англ. *foot*; лат. *pes*), *swiðre* (десница, правая рука; н.-англ. *right hand*; лат. *dextera*), *locc* (волос; н.-англ. *hair*; лат. *capillus*), *helspure* (пятка, пята; н.-англ. *heel*; лат. *calcaneum*), *bæc* (спина; н.-англ. *back*; лат. *dorsum*), *weolor* (губа, уста; н.-англ. *lip*; лат. *labium*), *breʒ* (веко; н.-англ. *eyelid*; лат. *palpebra*), *beard* (борода; н.-англ. *beard*; лат. *barba*), *ʒebecnend* (указательный палец, перст указующий; н.-англ. *forefinger*; лат. *index*), *ðunwenʒe* (висок; н.-англ. *temple*; лат. *tempus*).

II. Остеонимическая лексика служит для номинации костей и их соединений: *toð* (зуб; н.-англ. *tooth*; лат. *dens*), *ban* (кость; н.-англ. *bone*; лат. *ossis*), *swirban* (шея, шейный отдел позвоночника; н.-англ. *neck-bone*; лат. *cervix*).

III. Спланхонимическая лексика служит для наименования внутренних органов и частей организма: *heorte* (сердце; н.-англ. *heart*; лат. *cor*), *ʒoma* (гортань; н.-англ. *palate*; лат. *fauces*), *womb* (лоно, утроба; н.-англ. *womb*; лат. *utero*), *innera* (внутренности; н.-англ. *guts*; лат. *interiora*), *innod* (утроба, внутренности; н.-англ. *stomach*, *bowels*; лат. *venter*, *viscera*, *utero*), *sceate* (грудь; н.-англ. *bosom*, *breast*; лат. *sinus*).

IV. Ангионимическая лексика используется для наименования кровеносной системы человеческого организма: *eðre* (вена, артерия; н.-англ. *vein*; лат. *vena*).

V. Сенсонимическая лексика обозначает органы чувств: *eʒe* (глаз, око; н.-англ. *eye*; лат. *oculus*), *eare* (ухо; н.-англ. *ear*; лат. *auris*), *tunʒe* (язык; н.-англ. *tongue*; лат. *lingua*), *nesðyrel* (ноздря; н.-англ. *nostril*; лат. *naris*).

VI. Лексика, обозначающая болезни, недуги и проявления организма: *blod* (кровь; н.-англ. *blood*; лат. *sanguis*), *sed* (семя; н.-англ. *seed*; лат. *semen*), *tear* (слеза; н.-англ. *tear*; лат. *lacrima*).

В группу VI мы включили лексические единицы, именующие проявления деятельности организма, в частности названия телесных жидкостей. Представляется нецелесообразным включать в классификацию наименования болезней и недугов, поскольку абстракции, по нашему мнению, не согласуются с

четко выраженной материальной природой телесности.

К лексическим соматизмам также необходимо причислить существительное *flæsc* (плоть; н.-англ. *flesh*; лат. *caro*), которое в силу факторов значения и анатомии не может быть отнесено ни к одному из перечисленных разделов, однако четко демонстрирует семантику корпоральности.

Соматическая лексика понимается как тематическая группа, то есть группа слов одного частеречного значения, объединенных по принципу предметной отнесенности [Шмелев, 1973]. В соответствии с таким подходом в тексте псалмов Веспасиановой Псалтири нами зафиксировано 37 субстантивных лексических единиц с телесно-антропной семантикой, в том числе одно субстантивированное прилагательное *swiðre* (десница, правая рука)² и одно субстантивированное активное причастие *zebeacnend* (указательный палец) от глагола *zebeacnian* (указывать, обозначать; н.-англ. *to point out, indicate*; лат. *indicare, nuntiare*).

Соматические лексемы Веспасиановой Псалтири в той или иной степени представлены во всех разделах принятой классификации. Количественно основной группой выступает сомонимика, в которую входит примерно половина от общего количества всех соматизмов. Данное обстоятельство объясняется тем, что наибольшей востребованностью в речевом обиходе пользуются названия внешних частей тела, функции которых человеку очевидны.

Частотность лексических соматизмов в тексте Веспасиановой Псалтири

Сплошная выборка лексических соматизмов в тексте псалмов позволила определить количественные параметры их употребления. Соматизмы в принципе отличаются повышенной частотностью в сравнении со многими другими тематическими группами и относятся к ядерной лексике языка. В расширенной 207-словной версии списка Сводеша для древнеанглийского языка 11 % слов представляют собой антропные соматизмы (The Indo-European...). В их число входят и 13 единиц (35 % в пропорциональном отношении) из ото-

бранной нами соматической лексики Веспасиановой Псалтири: *heafod* (голова), *ea ðe* (глаз), *mid* (рот), *toð* (зуб), *tun ðe* (язык), *fin ðer* (палец), *foð* (нога, стопа), *hond* (рука), *blod* (кровь), *ban* (кость), *heorte* (сердце), *innod* (внутренность), *womb* (живот, чрево). Характерным является то, что все перечисленные лексемы, за исключением существительного *innod*, сохранились в новоанглийском языке.

Из характеристик частотности рассматриваемых соматизмов в рамках данного памятника письменности главный интерес представляют три показателя: 1) общее количество контекстов с соматизмами, дающее представление о частотности соматической лексики в целом; 2) распределение таких контекстов по псалмам, дающее возможность судить о значимости соматической лексики для Псалтири как цельного произведения; 3) количество контекстов употребления каждой отдельной единицы, позволяющее определить наиболее продуктивные соматизмы в плане фразеобразования и создания образности.

Соматическая лексика рассматривается именно в контекстуальном употреблении, поскольку это необходимо для изучения ее фразеологической продуктивности. Кроме того, поскольку древнеанглийские варианты контекстов представляют собой подстрочный перевод, а фразеологически связанные словосочетания, соответственно, являются кальками, в настоящем исследовании представляется целесообразным также приводить исходные латинские контексты.

По нашим подсчетам, общее количество контекстов с соматизмами в тексте Веспасиановой Псалтири составляет 750. Контекст понимается как случай употребления одного конкретного соматизма в словесном окружении. Если две или более лексических единиц с телесно-антропной семантикой употребляются в тесном контексте (в одном стихе или предложении) либо являются элементами одной синтаксической группы, то такой контекст мы рассматриваем как ряд отдельных контекстов, например:

(1) *labia dolosa in corde
welure fæcne in heortan*
коварны уста в их сердце³ (11:2).

Данный фрагмент стиха учитывается как два контекста: для существительного *welur* (губа, уста) и для существительного *heorte* (сердце) отдельно. Исключаются из учета случаи употребления рассматриваемых лексем, когда у них контекстуально реализуется зооморфное значение, например:

(2) **Lingua** canum tuorum ex inimicis ab ipso
tunze hunda ðinra of feondum from him
язык псов твоих – в кровь врагов Его (67:23).

Контекст с соматизмом *tunze* (язык) не подлежит учету. Здесь соматизм зооморфен, поскольку он относится к существительному *hund* (собака).

Таким образом, в среднем каждая рассматриваемая лексема употребляется пример-

но в 20 контекстах, что определяется по формуле $Freq_x = \frac{Q_x}{Q_{all}}$, где $Freq_x$ – частотность слова x , Q_x – количество употреблений слова x , Q_{all} – общее количество словоупотреблений. Полученное значение 20 принимается как медианное значение частотности по тексту Веспасиановой Псалтири для всех соматизмов в целом. Распределение контекстов с соматизмами по псалмам демонстрирует таблица 1.

Как можно видеть, употребление соматизмов фиксируется в 133 псалмах из 150.

Другим значимым показателем выступает количество контекстов употребления для каждой конкретной лексемы. Данный показатель позволяет определить наиболее частотные соматизмы.

Таблица 1. Распределение контекстов с соматизмами по псалмам

Table 1. Somatic contexts incidence in specific psalms

Псалом	Количество контекстов	Псалом	Количество контекстов	Псалом	Количество контекстов	Псалом	Количество контекстов	Псалом	Количество контекстов
I	1	XXXI	6	LXI	4	XCI	3	CXXI	1
II	–	XXXII	5	LXII	7	XCII	–	CXXII	6
III	2	XXXIII	9	LXIII	4	XCIII	6	CXXIII	1
IV	4	XXXIV	9	LXIV	1	XCIV	5	CXXIV	2
V	1	XXXV	5	LXV	10	XCV	2	CXXV	3
VI	3	XXXVI	14	LXVI	1	XCVI	4	CXXVI	1
VII	6	XXXVII	12	LXVII	12	XCVII	3	CXXVII	–
VIII	4	XXXVIII	8	LXVIII	9	XCVIII	1	CXXVIII	3
IX	18	XXXIX	7	LXIX	–	XCIX	–	CXXIX	1
X	4	XL	2	LXX	8	C	7	CXXX	2
XI	7	XLI	5	LXXI	–	CI	8	CXXXI	6
XII	3	XLII	1	LXXII	13	CII	1	CXXXII	1
XIII	1	XLIII	15	LXXIII	7	CIII	5	CXXXIII	1
XIV	2	XLIV	7	LXXIV	–	CIV	7	CXXXIV	9
XV	8	XLV	1	LXXV	2	CV	10	CXXXV	3
XVI	16	XLVI	1	LXXVI	5	CVI	3	CXXXVI	3
XVII	16	XLVII	2	LXXVII	16	CVII	3	CXXXVII	6
XVIII	5	XLVIII	6	LXXVIII	4	CVIII	11	CXXXVIII	10
XIX	2	XLIX	4	LXXIX	10	CIX	5	CXXXIX	9
XX	7	L	10	LXXX	6	CX	2	CXL	7
XXI	19	LI	2	LXXXI	1	CXI	4	CXLI	–
XXII	1	LII	2	LXXXII	2	CXII	–	CXLII	4
XXIII	3	LIII	3	LXXXIII	4	CXIII	9	CXLIII	9
XXIV	4	LIV	5	LXXXIV	–	CXIV	4	CXLIV	4
XXV	7	LV	5	LXXXV	2	CXV	–	CXLV	–
XXVI	8	LVI	5	LXXXVI	–	CXVI	–	CXLVI	1
XXVII	5	LVII	9	LXXXVII	4	CXVII	3	CXLVII	1
XXVIII	–	LVIII	4	LXXXVIII	17	CXVIII	42	CXLVIII	–
XXIX	2	LIX	3	LXXXIX	5	CXIX	3	CXLIX	2
XXX	15	LX	2	XC	3	CXX	3	CL	–

Таблица 2 демонстрирует количество слоупотреблений для каждой лексемы. С опорой на приведенные данные представляется возможным разделить лексические соматизмы по признаку частотности на высокочастотные и низкочастотные. К высокочастотным относятся те единицы, количество контекстов с которыми превышает установленное выше медианное значение для соматизмов в целом – 20 контекстов употребления. Таких лексем в нашем списке 11: *muð* (рот), *heafod* (голова), *hond* (рука), *onsien* (лицо), *fot* (нога), *swiðre* (десни-

ца), *weolor* (губа), *heorte* (сердце), *eze* (глаз), *eare* (ухо), *tunze* (язык). Соответственно, низкочастотными признаются единицы, количество контекстов с которыми ниже медианы.

Чем выше частотность лексического соматизма, тем потенциально выше его фразообразовательная продуктивность. Полученные данные коррелируют с результатами исследования частотности соматических фразеологизмов, согласно которому в русской и английской фразеологии наиболее представлены соматизмы-названия наружных частей

Таблица 2. Количество контекстов по отдельным соматизмам

Table 2. The number of contexts with specific somatizms

Соматизмы в тексте псалмов	Новоанглийские и латинские словарные соответствия	Значение	Количество контекстов
<i>muð</i>	<i>mouth; os</i>	рот, уста	67
<i>sean</i>	<i>apple; pupilla</i>	зрачок, зеница	1
<i>heafod</i>	<i>head; caput</i>	голова, глава	26
<i>hond</i>	<i>hand; manus</i>	рука	106
<i>hnol</i>	<i>top; vertex</i>	темя, макушка	1
<i>finzer</i>	<i>finger; digitus</i>	палец, перст	2
<i>earm</i>	<i>arm; brachium</i>	рука, мышца	13
<i>ondwleota</i>	<i>face; facies</i>	лицо, лик	19
<i>onsien</i>	<i>face; vultus</i>	лицо	61
<i>fot</i>	<i>foot; pes</i>	нога, ступня	39
<i>swiðre</i>	<i>right hand; dextera</i>	десница	37
<i>locc</i>	<i>hair; capillus</i>	волос	2
<i>helspure</i>	<i>heel; calcaneum</i>	пятка, пята	2
<i>bæc</i>	<i>back; dorsum</i>	спина	2
<i>weolor</i>	<i>lip; labium</i>	губа, уста	27
<i>brez</i>	<i>eyelid; palpebra</i>	веко	2
<i>beard</i>	<i>beard; barba</i>	борода	1
<i>zebecnend</i>	<i>forefinger; index</i>	указательный палец	1
<i>ðunwenze</i>	<i>temple; tempus</i>	висок	1
<i>toð</i>	<i>tooth; dens</i>	зуб	6
<i>ban</i>	<i>bone; ossis</i>	кость	16
<i>swirban</i>	<i>neck-bone; cervix</i>	шея, шейная кость	1
<i>heorte</i>	<i>heart; cor</i>	сердце	135
<i>zoma</i>	<i>palate; fauces</i>	гортань	5
<i>womb</i>	<i>womb; utero</i>	лоно	10
<i>innera</i>	<i>guts; interiora</i>	внутренности	2
<i>innoð</i>	<i>bowels; venter</i>	утроба	6
<i>sceate</i>	<i>bosom; sinus</i>	грудь	2
<i>eðre</i>	<i>vein; vena</i>	артерия, вена	4
<i>eze</i>	<i>eye; oculus</i>	глаз, око	57
<i>eare</i>	<i>ear; auris</i>	ухо	21
<i>tunze</i>	<i>tongue; lingua</i>	язык	33
<i>nesðyrel</i>	<i>nostril; naris</i>	ноздря	2
<i>blod</i>	<i>blood; sanguis</i>	кровь	14
<i>sed</i>	<i>seed; semen</i>	семя	10
<i>tear</i>	<i>tear; lacrima</i>	слеза	4
<i>flæsc</i>	<i>flesh; caro</i>	плоть	12
Всего			750

тела: *голова / head, лицо / face*, а также названия их составных частей – *глаз / eye, рот / mouth, ухо / ear* и конечностей – *рука / hand, нога / foot* [Аверина, Болдырева, 2013, с. 12].

Обращает на себя внимание чрезвычайно высокая частотность спланхнонимического соматизма *heorte* (сердце). Количество контекстов с ним составляет до 18 % от общего количества рассматриваемых контекстов. Кроме повышенной частотности данная единица отличается высокой фразеобразовательной продуктивностью. В качестве компонента фразеологизмов существительное *heorte* (сердце) имеет символическое значение «индикатора чувств-состояния» [Красавский, 2001, с. 48]. В группе сомонимики выделяется высокой частотностью существительное *hond* (рука). Большое количество его контекстов вместе с контекстами гипонимичного синонима *swidre* (десница) (в совокупности до 19 % от всех контекстов) позволяет признать концепт Рука важнейшим в рассматриваемой семиотической области.

Фразеологическая продуктивность соматической лексики

В рамках лингвокультурологического подхода фразеологизация трактуется как культурно детерминированный процесс. Любое фразеологическое значение формируется под воздействием культуры как результат межсемиотической транспозиции [Зыкова, 2015, с. 81]. Семиотическая область телесности служит источником транспонирования концептуального содержания в знаки другой семиотической системы – языка, что в результате приводит к образованию в языке фразеологизмов.

Вслед за В.Н. Телия фразеологизм понимается нами как фиксированное сочетание словесных компонентов, которое воспроизводится в речи и основано на устойчивом соотношении между определенным лексико-грамматическим составом и смысловым содержанием [Телия, 1997]. Применительно к ограниченному материалу древних рукописей мы исходим из того, что фразеологический статус того или иного словосочетания может быть верифицирован на основе двух главных показателей фразеологизации: 1) постоянство об-

раза; 2) регулярная воспроизводимость сочетания соматического компонента с теми или иными лексемами в тексте рассматриваемой рукописи и других памятников письменности.

В качестве примера проанализируем ограниченное количество контекстов с соматизмом *toð* (зуб), выделенных в тексте Веспасиановой Псалтири. Всего таких контекстов шесть.

(3) *diriserunt derisu striderunt in me dentibus suis*

bismeradon mid bismereunze zrymetadon in mec mid toðum heara

насмеялись надо мною с глумлением, **скрежетали** на меня **зубами** своими (34:16).

В данном контексте соматизм *toð* (зуб) характеризуется левой сочетаемостью с глаголом *zrymetan* (скрежетать; н.-англ. *to roar, grunt*; лат. *fremere, rugire, grunnire*), осуществляющим предложное управление соматическим компонентом. Анализ всех контекстов с данным соматизмом показывает, что употребление этих лексем по данной фразеобразовательной модели не единично. Так, в 36-м псалме можно отметить аналогичное употребление, то есть в этом случае можно говорить о воспроизводимости словосочетания:

(4) *Observabit peccator justum et fremet super eum dentibus suis*

haldeð se synfulla ðone rehtwisan & zrymetad ofer hine mid toðum his

Подстерегать будет грешник праведного и **скрежетать** на него **зубами** своими (36:12).

Помимо регулярности воспроизведения еще одним показателем фразеологизации выступает постоянство соматического образа, фиксируемое вне зависимости от возможной вариативности словосочетания. Для установления такого постоянства целесообразно рассматривать сочетаемость соответствующих лексем в других памятниках письменности, созданных позже Веспасиановой Псалтири. В настоящем исследовании мы сравниваем контексты Веспасиановой Псалтири с соответствующими контекстами более поздних глоссированных псалтирей:

– Парижская Псалтирь (Paris, Bibliothèque nationale de France MS Lat. 8824, середина XI в.) (OES);

– Псалтирь Вителлия (London, British Library, Cotton MS Vitellius E XVIII, третья четверть XI в.) (VP);

– Псалтирь Эдвина (Cambridge, Trinity College Library, MS R.17.1, третья четверть XII в.) (ECP).

Сравнение показывает, что приведенное выше словосочетание с соматическим компонентом *toð* (зуб) было подвержено вариативности, однако образ в основе сохранялся благодаря неподменяемому компоненту-соматизму. Например, в Парижской Псалтири фиксируются следующие контексты:

(5) *ʒrisbitedon, mid heora toþum*, on ʒean me **скрежетали** на меня **зубами** своими (34:16);

(6) Se synfulla sætað þæs rihtwisan, and *ʒristbitað mid his toþum* on ʒean hine

Подстергать будет грешник праведного и **скрежетать** на него **зубами** своими (36:12).

Здесь можно отметить иной порядок слов, нежели в Веспасиановой Псалтири, и иной лексический состав словосочетания. Так, вместо предлога *ofer* (над, на) используется предложная единица *on ʒean* (против). В качестве глагольного компонента используется глагол *ʒristbitian* (скрежетать; н.-англ. *to gnash or grind the teeth*; лат. *frendere, stridere*). Несмотря на иное лексическое наполнение фразеологической структуры, постоянство образа достигается благодаря стержневому компоненту *toð* (зуб), соотносимому с антропо-соматическим кодом культуры. Словосочетание, которое, таким образом, следует трактовать как потенциальный фразеологизм, передает стереотипные представления об отрицательных эмоциях: злобе, досаде, ярости и т. п. Соответственно, его фразеологическое значение – «ненавидеть; злиться на кого-л».

Косвенным признаком фразеологизации является способность словосочетания к вторичному фразеобразованию. Так, на основе рассмотренного глагольного словосочетания появился его субстантивный фразеологический дериват, зафиксированный в различных памятниках письменности в нескольких формах: *wop and toþa ʒristbitunʒ*; *wop & toþa ʒryst-lunʒ*; *wop and toþene ʒristbittunʒ* (плач и скрежет зубов). Фразеологическое значение данного словосочетания – «боль; отчаяние» – реали-

зуется, например, в Евангелии из Линдисфарна, глоссы к которому были составлены в середине X в. (Gospel):

(7) *biðon ʒedrifin in ðyostrum wytimesto: ðer bið wop, and ʒrist-biottunʒ toeda*

извержены будут во тьму внешнюю: там будет **плач и скрежет зубов** (Мф. 12:8).

В приведенном контексте следует отметить тождество фразеологического образа с образом в основе глагольной единицы из Веспасиановой Псалтири. Рассмотрим еще один пример словосочетания с соматизмом *toð* (зуб) из текста 56 псалма на предмет выявления фразеологического статуса:

(8) Filii hominum **dentēs** eorum **arma et saggitæ** bearn monna **toðas** heara **wepen & strelas**

сыны человеческие, **зубы** их – **оружие и стрелы** (56:5).

В данном случае можно отметить наличие метафоры, предполагающей сопоставление и взаимодействие зооморфных и антропных образов, что наглядно видно при расширении контекста:

(9) Eripuit animam meam de medio catulorum leonum. Dormivi conturbatus. Filii hominum **dentēs** eorum **arma et saggitæ et lingua** eorum **machera acuta** ʒenerede sawle mine of midle hwelþa leona ic hneappade ʒedroefed bearn monna **toðas** heara **wepen & strelas & tun ʒe** heara mece scearþ

избавил душу мою из среды молодых львов. Я уснул встревоженным: сыны человеческие, **зубы** их – **оружие и стрелы, и язык** их – **острый меч** (56:4–5).

Псалмопевец сравнивает своих врагов со львами. Преследующие рассказчика противники стремятся поразить его человеческим оружием, подобно тому, как хищники ранят и убивают свою жертву зубами, и уязвить словом, стереотипным средством обозначения которого служит еще один соматизм – *tun ʒe* (язык). Представляется, что использование существительного *toð* (зуб) в метафорическом значении не обуславливает фразеологизации словосочетания *toðas heara wepen & strelas* (зубы их – оружие и стрелы) как идиомы. Высказывание скорее получает афористический характер, благодаря своему яркому образу и предикативной структуре. Конкретный метафорический образ здесь является

частью развернутой метафоры, которая выстраивается в пределах двух стихов. В других контекстах Веспасиановой Псалтири рассматриваемое словосочетание не встречается. В тексте Парижской Псалтири метрический синтаксис соответствующего контекста еще менее предполагает фразеологическую связь между разрозненными компонентами:

(10) *Synd me manna bearn mihtizum toðum, wæren-strælas, þa me wundedon*

букв.: Суть мне сыны человеческие крепкие зубы, оружие-стрелы, что меня ранили (56:4–5).

В целом структурно-семантические и узальные особенности словосочетания из Веспасиановой Псалтири позволяют усомниться в наличии у него статуса идиомы.

Еще одно словосочетание с соматизмом *toð* (зуб) отмечено в двух контекстах Веспасиановой Псалтири:

(11) *dentes peccatorum conteruisti toeð synfulra ðu forðræstes*

зубы грешников Ты сокрушил (3:6);

(12) *Deus contret dentes eorum in ore ipsorum*

Зод forþresteð toð heara in mude heara Бог сокрушит зубы их в пасти их (57:5).

В отличие от предыдущего случая здесь достаточно четко просматривается фразеологическая связь между компонентами словосочетания *forðræstan toð* (сокрушить зубы). Соматический образ в основе этой глагольной единицы позволяет трактовать ее как идиому, выступающую стереотипным средством обозначения поражения, гибели. Образ сокрушенных зубов грешников метонимически передает идею поражения и уничтожения последних в их противостоянии с Богом. Воспроизводимость словосочетания также свидетельствует в пользу его фразеологического статуса. Кроме двух контекстов в Веспасиановой Псалтири вариант словосочетания с тем же неизменным образом фиксируется в соответствующих контекстах Парижской Псалтири, Псалтири Вителлия и Псалтири Эдвина:

(13) *Зод heora toðas zrame zescæneð, þa hi on mude mycle habbað* (57:5);

(14) *zod forbryteð teð heora on mude heo...* (57:7);

(15) *zod tobriceð teð hiræ on mudæ hiræ* (57:7).

В приведенных версиях, в отличие от примеров (11) и (12), используются другие синонимичные глаголы: *zescænan, forbryttan* и *tobrecan* (сломать, сокрушить; н.-англ. *to diminish, break, shatter*; лат. *conterere, confringere, conquassare*), однако постоянство образа и воспроизводимость словосочетания позволяют признать все словосочетания в рассмотренных контекстах вариантами фразеологизма, идиоматическое значение которого – «поразить, уничтожить».

Последний из контекстов Веспасиановой Псалтири с соматизмом *toð* (зуб) обнаруживается в 123-м псалме:

(16) *non dedit nos in captione dentibus eorum ne salde usic in heftned toðum heara*
не дал нас в добычу зубам их (123:5).

Глагольное словосочетание *sellan in heftned toðum* (дать в добычу зубам) основано на соматическом образе. Соматизм *toð* (зуб) здесь метонимически обозначает гонителей праведников: *arisað men in usic* – «восстали люди на нас» (123:2). Соответственно, в сочетании с глаголом *sellan* (давать; н.-англ. *to give*) и существительным *heftned* (плен, заключение; н.-англ. *captivity, thraldom, custody*; лат. *captio*), производным от глагола *hæftan* (ловить, брать в плен; н.-англ. *to seize, bind, arrest, imprison*), соматизм реализует резко отрицательную коннотацию. Потенциальное фразеологическое значение словосочетания здесь – «оставить на произвол; принести в жертву». В то же время других контекстов с данным выражением в тексте Веспасиановой Псалтири не встречается. В Псалтири Вителлия и Псалтири Эдвина фиксируются почти идентичные контексты:

(17) *sealde ...s on hæftned toþum heora* (123:5);

(18) *seleþ us hieftniede toðum hiræ* (123:6).

Та же ситуация в Парижской Псалтири описывается более пространно:

(19) *ne dýde æfre, þæt us on hearde hæft-nyd sealde, þam þe us mid toðum toteon woldan*

букв.: не допустил никогда, чтобы нас в жестокий плен отдать тем, кто нас зубами разорвать хотел бы (123:5).

Такой синтаксис затрудняет установление устойчивой фразеологической связи. В отличие от соответствующего контекста Веспасиановой Псалтири, в последнем варианте отсутствует синтаксическая связь между дистантно расположенными компонентами *hæft-nyd* и *toð*, что приводит к созданию иного образа – речь о попадании не в «плен зубов», а в плен к жестоким врагам, готовым разорвать праведника зубами. В целом следует заключить, что словосочетание из Веспасиановой Псалтири *sellan in heftned toðum* (дать в добычу зубам) потенциально может быть фразеологической единицей.

В итоге рассмотрения вышеописанных показателей фразеологизации применительно к словосочетаниям с соматизмом *toð* (зуб) можно сделать вывод о том, что из шести контекстов Веспасиановой Псалтири с соматизмом *toð* (зуб) по меньшей мере в четырех из них представлены фразеологизмы. В одном контексте для верификации фразеологического статуса образного словосочетания недостает данных о его регулярной воспроизводимости. В одном контексте словосочетание с большой долей уверенности не определяется как идиома, но имеет признаки афоризма.

Заключение

Представляется возможным перечислить ряд наблюдений, сделанных в ходе настоящего исследования. Отобранные лексические соматизмы фиксируются во всех разделах соматической лексики в рамках принятой классификации. Количественно (до половины всех единиц) преобладают соматимические лексемы, называющие внешние части тела, функциональность которых наиболее очевидна. В совокупности соматическая лексика употребляется в 750 контекстах в тексте 133 псалмов. Частотность конкретных лексических соматизмов неравномерна. Наиболее частотные существительные с телесно-антропной семантикой достаточно немногочисленны, среди них 11 лексем (30 % от общего числа) со значением выше медианного употребляются более чем в 81 % рассматриваемых контекстов. Перспективным для поиска и изучения фразеологического материала древнеанглийского языка следует признать именно словосочетания с высокочастот-

ными лексемами. На примерах ограниченного количества контекстов с лексическим соматизмом *toð* (зуб) подтверждается высокая фразеобразовательная продуктивность телесно-антропной лексики. Верификация фразеологического статуса словосочетаний возможна на основании двух показателей фразеологизации: а) переосмысления значения одного или более из компонентов словосочетания, приобретающего новое, идиоматическое значение; б) регулярной воспроизводимости как в тексте самой Веспасиановой Псалтири, так и в других памятниках древнеанглийской письменности.

В качестве одного из выводов следует отметить перспективность дальнейшего изучения соматического материала Веспасиановой Псалтири, а также других версий Псалтири, относящихся к той же эпохе. Исследование показало, что соматизмы образуют особую группу лексики в аспекте фразеологической продуктивности. Полученные результаты могут представлять интерес для лингвокультурологии, лексикологии, фразеологии, истории английского языка и переводоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее значения древнеанглийских лексем семантизируются по словарю Дж. Босворта (ASD).

² Соматизм *swiðre* в значении «десница» исходно является формой сравнительной степени прилагательного *swiþ* (сильный; н.-англ. *strong*), то есть лексема служит наименованием более сильной, правой руки.

³ Здесь и далее русский вариант приводится по тексту Псалтири в Полном православном молитвослове (Псалтирь), за исключением особо указанных случаев буквального перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверина М. А., Болдырева Е. И., 2013. Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и английского языков // Альманах современной науки и образования. № 6 (73). С. 11–13.
- Вакк Ф., 1968. О соматической фразеологии эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: материалы IX Всесоюз. координац. совещ. Баку: Изд-во АН АЗССР. С. 152–155.

- Жура В. В., Рудова Ю. В., 2019. Корпоральность и представления о красоте в различных дискурсах русской лингвокультуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 4. С. 118–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.9>
- Зыкова И. В., 2015. Разновидности процесса фразеологизации с позиции лингвокультурологического подхода // Вестник МГЛУ. Вып. 22 (733). С. 79–91.
- Красавский Н. А., 2001. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград. 507 с.
- Кунин А. В., 1996. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Высш. шк. ; Дубна : Феникс. 381 с.
- Маслова В. А., 2001. Лингвокультурология. М. : Академия. 208 с.
- Мугу Р. Ю., 2003. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп. 23 с.
- Телия В. Н., 1997. Фразеологизм // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Большая Рос. энцикл. ; Дрофа. С. 605–607.
- Шмелев Д. Н., 1973. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. М. : Наука. 280 с.
- Щепанская Т. Б., 2022. Корпоральность гармонной игры: динамические пересечения тела и вещи // Этнография. № 1 (15). С. 250–273.
- Ball C. J. E., 1970. The Language of the Vespasian Psalter Gloss: Two Caveats // The Review of English Studies. Vol. 21, iss. 84. P. 462–465.
- Freeman J., 2018. Through Many Hands: The Vespasian Psalter. URL: <https://blogs.bl.uk/digitisedmanuscripts/2018/11/through-many-hands-the-vespasian-psalter.html>

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Псалтирь* – Псалтирь // Полный православный молитвослов. URL: <https://www.molitvoslov.com/text262.htm>
- ASD* – Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. L. : Oxford University Press, 1964. 1302 p.
- MS Cotton Vespasian A I* – MS Cotton Vespasian A I // British Library. 2022. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Cotton_MS_Vespasian_A_I
- ECP* – Eadwine's Canterbury Psalter / ed. by F. Harsley. L. : N.Trübner & Co, 1889. 269 p.

- Gospel* – The Gospel According to Saint Matthew in Anglo-Saxon and Northumbrian Versions. Cambridge ; Deighton : Bell, & Co, 1858. 231 p.
- OET* – The Oldest English Texts / ed. by H. Sweet. L. : N. Trübner & Co, 1885. 668 p.
- OES* – The Old English Version of the Heptateuch, Ælfric's Treatise on the Old and New Testament and his Preface to Genesis / ed. by S. J. Crawford, B. Blitt. L. : Oxford University Press, 1922. 186 p.
- The Indo-European Wordlists* – The Indo-European Wordlists. 2002. URL: <https://www.cs.rice.edu/~nakhleh/CPHL/ie-wordlist-07.pdf>
- VP* – The Vitellius Psalter / ed. by J. L. Rosier. Ithaca ; N. Y. : Cornell University Press, 1962. 452 p.

REFERENCES

- Averina M.A., Boldyreva E.I., 2013. Somatism kak komponent frazeologicheskoy edinitiy russkogo i angliyskogo yazykov [Somatism as a Component of an Idiom in Russian and in English]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], no. 6 (73), pp. 11–13.
- Vakk F., 1968. O somaticheskoy frazeologii estonskogo yazyka [On Somatic Phraseology of Estonian]. *Voprosy frazeologii i sostavleniya frazeologicheskikh slovarey: materialy IX Vsesoyuz. koordinats. sovesch.* [Issues of Phraseology and the Compilation of Phraseological Dictionaries. Proceedings of the 9th All-Union Coordination Meeting]. Baku, Izd-vo AN AzSSR, pp. 152–155.
- Zhura V.V., Rudova Yu.V., 2019. Korporealnost i predstavleniya o krasote v razlichnykh diskursakh russkoy lingvokultury [Perceptions of Corporeal Dimension of Beauty in Various Discourses of the Russian Linguoculture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 118–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.9>
- Zykova I.V., 2015. Raznovidnosti protsessov frazeologizatsii s pozitsii lingvokulturologicheskogo podkhoda [Types of the Process of Phraseologism-Formation in a Linguoculturological Perspective]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], iss. 22 (733), pp. 79–91.
- Krasavskiy N.A., 2001. *Dinamika emotsionalnykh kontseptov v nemetskoj i russkoy lingvokulturrakh: dis. ... d-ra filol. nauk* [Dynamics of Emotional Concepts in the German and Russian Linguocultures. Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd. 507 p.

- Kunin A.V., 1996. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Course of Modern English Phraseology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., Dubna, Feniks Publ. 381 p.
- Maslova V.A., 2001. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ. 208 p.
- Mugu R. Yu., 2003. *Polisemantizm somaticheskoy leksiki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polysemantism of Somatic Lexis in Russian and in German. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Maykop. 23 p.
- Teliya V.N., 1997. *Frazeologizm* [Phraseologism]. Karaulov Yu.N., ed. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [The Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya Ros. encikl. Publ., Drofa Publ., pp. 605-607.
- Shmelev D.N., 1973. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki: na materiale russkogo yazyka* [Problems of Semantic Analysis of Lexis in Russian]. Moscow, Nauka Publ. 280 p.
- Shchepanskaya T.B., 2022. *Korporealnost garmonnoy igry: dinamicheskie peresecheniya tela i veshchi* [Corporeality of the Harmonica (Button Accordion) Play: Dynamic Intersection of Body and Thing]. *Etnografiya* [Ethnography], no. 1 (15), pp. 250-273.
- Ball C.J.E., 1970. The Language of the Vespasian Psalter Gloss: Two Caveats. *The Review of English Studies*, vol. 21, iss. 84, pp. 462-465.
- Freeman J., 2018. *Through Many Hands: The Vespasian Psalter*. URL: <https://blogs.bl.uk/digitisedmanuscripts/2018/11/through-many-hands-the-vespasian-psalter.html>
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Psaltyr. *Polnyy pravoslavnyy molitvoslov* [Psalter. Complete Orthodox Prayer Book]. URL: <https://www.molitvoslov.com/text262.htm>
- Bosworth J. *An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*. London, Oxford University Press, 1964. 1302 p.
- Cotton MS Vespasian A I. *British Library*, 2022. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Cotton_MS_Vespasian_A_I
- Harsley F., ed. *Eadwine's Canterbury Psalter*. London, N.Trübner & Co, 1889. 269 p.
- The Gospel According to Saint Matthew in Anglo-Saxon and Northumbrian Versions*. Cambridge, Deighton, Bell, & Co, 1858. 231 p.
- Sweet H., ed. *The Oldest English Texts*. London, N.Trübner & Co, 1885. 668 p.
- Crawford S.J., Blitt B., eds. *The Old English Version of the Heptateuch, Ælfric's Treatise on the Old and New Testament and His Preface to Genesis*. London, Oxford University Press, 1922. 186 p.
- The Indo-European Wordlists*, 2002. URL: <https://www.cs.rice.edu/~nakhleh/CPHL/ie-wordlist-07.pdf>
- Rosier J.L., ed. *The Vitellius Psalter*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1962. 452 p.

Information About the Author

Sergey V. Mukhin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Language No. 1, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russia, s.muhin@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7891-8725>

Информация об авторе

Сергей Владимирович Мухин, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Россия, s.muhin@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7891-8725>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.10>

UDC 81'25:82-6
LBC 81.18

Submitted: 23.01.2023
Accepted: 05.06.2023

TYPES OF INFORMATION IN THE TEXTS OF EPISTOLARY GENRE AND WAYS OF THEIR RENDERING IN TRANSLATION

Yulia S. Klinkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the issue of information type congruence in the epistolary texts translation. The aim of this research is to characterize information types contained in the text of epistolary genre, explain the language mechanism of maintaining the congruence of the information types proportion between the source text and the translation while preserving the dominant type. The book “Chesterfield’s Letters to His Son” (1774) and its translation into Russian (1971) served as the empirical material. The analysis was conducted on the basis of contexts containing verbs of speech production. The research identifies the presence of emotional, cognitive, operative and aesthetic information, as well as the ways of their linguistic expression in the source text. Ways of conveying information types of the source text in translation are characterized. The analysis reveals that the presence of specific information types in an epistolary work, alongside the choice of linguistic means for their expression, is determined by the communicative goal of the utterance – to give the author’s opinion and considerably influence the recipient’s views. The analysis shows that, in correspondence with such goal, emotional information is dominant in the text of epistolary genre under study. The preservation of the original information types in translation enables a creation of a secondary text that is equivalent to the source text and has a comparable value in the target linguoculture.

Key words: information types, fictional discourse, information theory of translation, epistolary genre, literary translation.

Citation. Klinkova Yu.S. Types of Information in the Texts of Epistolary Genre and Ways of Their Rendering in Translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 132-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.10>

УДК 81'25:82-6
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 23.01.2023
Дата принятия статьи: 05.06.2023

ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТАХ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ В ПЕРЕВОДЕ

Юлия Сергеевна Клиноква

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме конгруэнтности видов информации в оригинале и переводе текстов эпистолярного жанра. Цель статьи составляет описание видов информации, содержащихся в эпистолярном тексте художественного дискурса, раскрытие языкового механизма поддержания конгруэнтности видов информации между текстом оригинала и текстом перевода с сохранением доминирующего вида. В качестве эмпирического материала использовано произведение «Chesterfield’s Letters to His Son» (1774) и его перевод на современный русский язык. Анализ проводился на основе контекстов, содержащих глаголы речепорождения. Определено, что в эпистолярном тексте представлены эмоциональная, когнитивная, оперативная и эстетическая информация. Выявлены средства ее выражения в оригинальном произведении, охарактеризованы способы передачи содержащихся в оригинале видов информации в переводе. Установлено, что наличие тех или иных видов информации в произведении эпистолярного жанра и выбор речевых средств для их экспликации детерминированы коммуникативной целью высказывания – выражением авторского мнения и оказанием значительного влияния на взгляды адресата. Показано, что в соответствии с такой целью в письмах доминирует эмоциональная информа-

ция. Сохранение исходных видов информации в переводе способствует созданию эквивалентного оригиналу вторичного произведения, обладающего аналогичной ценностью в принимающей лингвокультуре.

Ключевые слова: вид информации, художественный дискурс, информационная теория перевода, эпистолярный жанр, перевод.

Цитирование. Клинкова Ю. С. Виды информации в текстах эпистолярного жанра и способы их передачи в переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 132–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.10>

Введение

Создание переводного текста, адекватного оригиналу, – сложная задача, которая решается переводчиком на разных уровнях текста. Один из них – уровень содержащейся в тексте информации.

Результаты научной дискуссии о сущности информации (обзор см., например, в: [Logan, 2012, p. 69]) позволяют специалистам определять информацию как феномен, несущий в себе определенное значение и оказывающий влияние на уже имеющиеся знания получателя (см.: [MacKay, 1969, p. 58; Урсул, 2010, с. 33; и др.]).

В лингвистике понятие информации анализируется в разных аспектах: когнитивном [Жинкин, 1982; Миронова, 2022; Chafe, 1994], текстовом [Беяева, 2016; Гальперин, 2007], когнитивно-дискурсивном [Алефиренко, 2008; Кубрякова, 2005], переводоведческом [Александрова, Черкунова, Старостина, 2021; Алексеева, 2008; Беяева, 2016; Исаев, 2019; Моисеев, 2018; Петрова, 2021; Раренко, 2018]. В работах представлены классификации видов информации в зависимости от ее прагматического назначения [Гальперин, 2007, с. 27] или коммуникативной ценности [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 71]. Однако эти классификации рассматривают феномен информации довольно широко и преимущественно ориентированы на анализ информации в рамках исходного текста без учета возможности создания вторичного текста, каковым является перевод, хотя в информационной теории перевода и отмечается, что перевод направлен на полноценную передачу информации, заложенную отправителем в сообщении [Миньяр-Белоручев, 1996].

В данном исследовании принята классификация, предложенная И.С. Алексеевой, которая обращает внимание на необходимость информационного анализа исходного текста

перед созданием текста перевода и, предлагая транслатологическую классификацию типов текста, вводит термин «вид информации», выделяя когнитивную, оперативную, эмоциональную и эстетическую информацию [Алексеева, 2008, с. 50]. В основе классификации лежит коммуникативная интенция, реализуемая посредством информации того или иного вида.

Соотношение видов информации в текстах, принадлежащих к разным типам дискурса, варьируется, в связи с чем представляет интерес рассмотрение этого соотношения в рамках художественного дискурса, одной из особенностей которого является сочетание в себе нескольких типов дискурсов.

Термин «художественный дискурс» характеризует не только литературные произведения, но и другие художественные формы, воплощающие авторское переосмысление событий или отражающие неосознанное автором проявление субъективного начала, обусловленное личностными характеристиками автора, его ценностями, мотивами создания произведения. Текстами, в которых концентрированно представлены разные виды информации, являются тексты эпистолярного жанра, поскольку они находятся на стыке документальной прозы и художественной литературы.

Личная переписка рассматривается в рамках самостоятельного, хотя и промежуточного, эпистолярного стиля [Щерба, 1957] или как один из функциональных стилей [Кецба, 1971], относится к художественной литературе [Ахманова, 2004; Местергази, 2007; Фесенко, 2008] и квалифицируется как один из ее жанров [Sinanan, 2023; Writing the Female Voice..., 1989; Rosenmeyer, 1994] либо как «нарративный поджанр» [Rosbottom, 1977], «прото-жанр» [Jolly, Stanley, 2005, p. 91]. В рамках нашего исследования мы используем термин «эпистолярный жанр», опираясь на теорию речевых жанров М.М. Бахтина, характеризовавшего письмо во всех его формах как

жанр [Бахтин, 1996]. Согласно М.М. Бахтину, жанры представляют собой «типические формы высказываний» [Бахтин, 1996, с. 162–163], которые относительно устойчивы тематически, композиционно и стилистически и входят в состав того или иного стиля. Каждый жанр в разной степени допускает выражение индивидуальности автора, и переписка, в особенности частная, позволяет отправителю практически в полной мере ее проявить.

Одной из особенностей эпистолярного жанра выступает его адресность: письмо используется для осуществления межличностной коммуникации отправителя и получателя, которая близка к разговорной речи. Личные письма предназначены прежде всего для прочтения только их получателем. Однако со временем переписка выдающихся личностей публикуется в качестве самостоятельного литературного произведения и становится достоянием общественности, поскольку имеет культурную, историческую и эстетическую ценность.

Перевод эпистолярных текстов связан с определенными сложностями, которые обусловлены рядом причин. Во-первых, содержание переписки, в форме которой реализуется эпистолярный жанр, тесно связано с личностями отправителя и получателя: отражает идиостиль их автора, может включать культурные отсылки, информацию о памятных событиях, шутки и т. п., понятные только автору и его адресату. Во-вторых, в эпистолярном жанре представлено разнообразие видов информации. В-третьих, акт коммуникации, в который вовлекаются автор писем и читатель, не являющийся изначальным адресатом, специфичен ввиду своей опосредованности. Текст эпистолярного жанра, будучи частью художественного дискурса, имеет отчетливый субъективный характер, поскольку выступает носителем мировоззрения и убеждений его автора, а также смыслов, которые он вкладывает в повествование. Читатель декодирует эти смыслы, исходя из собственной картины мира, вследствие чего неизбежны информационные потери. Переводчик как дополнительный посредник добавляет помехи в коммуникацию, становясь одновременно и читателем, декодирующим смыслы, и автором, кодирующим их заново на другом языке. Боль-

шое значение при этом имеет культурная составляющая текста; как отмечает В.А. Митягина, «чем больше дистанция между исходной и целевой культурой, тем шире вариативность действий переводчика» [Митягина, 2016, с. 9], а, следовательно, их целесообразность позволяет добиться корректной интерпретации переводного текста получателем. Создание адекватного перевода, соответственно, зависит от осознания перечисленных препятствий и подбора подходящей переводческой стратегии.

Гипотезу настоящего исследования можно сформулировать следующим образом: в эпистолярном жанре представлены все виды информации: когнитивная, оперативная, эмоциональная и эстетическая – с доминированием эмоциональной информации. Создание адекватного перевода сопряжено с обеспечением конгруэнтности состава информации в тексте оригинала и тексте перевода.

Целью исследования являются характеристика видов информации, содержащихся в эпистолярном тексте, раскрытие языкового механизма поддержания конгруэнтности видов информации между текстом оригинала и текстом перевода с сохранением доминирующего вида.

Материал и методы

Виды информации в эпистолярном жанре исследуются в настоящей статье на материале писем Филипа Стэнхоупа, 4-го графа Честерфилд, к его сыну, впервые опубликованных в 1774 г. под названием «Chesterfield's Letters to His Son», и их перевода на современный русский язык, выполненного А.М. Шадриним в 1971 году. Данное собрание писем представляет собой не обычную переписку на личные темы, а своего рода «пособие» по воспитанию, в связи с чем коммуникативной целью является выражение авторского мнения и оказание значительного влияния на взгляды адресата. Письма графа были проданы издателям вдовой его сына Юджинией Стэнхоуп, получили широкий отклик в обществе и были несколько раз переизданы. Оценки произведения, данные современниками, были довольно противоречивыми: многие отзывались о сборнике с презрением и пренебрежением; в то же

время Вольтер, хороший друг графа, признавая недостатки высказываемых им суждений, все же писал, что «книга эта весьма поучительна, и, пожалуй, это самое лучшее из всего когда-либо написанного о воспитании» (цит. по: [Алексеев]).

Из писем были отобраны контексты, содержащие глаголы речепорождения (*advise, answer, ask, call, communicate, mutter, say, stammer, tell, utter, proclaim*), поскольку информативность коммуникации поддерживается определенными ментальными действиями – генерацией, сбором, хранением, распространением фактов и мнений.

Контексты отбирались методом сплошной выборки из текста оригинального произведения с последующим поиском русскоязычной переводной версии. Исследование текста оригинала и текста перевода было выполнено с помощью сравнительно-сопоставительного анализа, включавшего рассмотрение лексического окружения глаголов речепорождения в оригинале и переводе с опорой на методы дефиниционного и семантико-стилистического анализа, приемы дискурс-анализа, что в свою очередь позволило выявить в контекстуальном окружении глаголов речепорождения языковые знаки, указывающие на разные виды информации.

Общий объем отобранных контекстов составляет 140 единиц: 70 из оригинального произведения и 70 из текста его перевода.

Результаты и обсуждение

В исследуемом эпистолярном тексте представлены все выделенные в классификации И.С. Алексеевой виды информации в силу обширности тематики писем и сочетания в данном жанре разных видов дискурса. Количественное соотношение контекстов, содержащих информацию разных видов таково: эмоциональная информация выражена в 42 англоязычных и 42 русскоязычных контекстах, когнитивная – в 20 англоязычных и 20 русскоязычных, оперативная – в 12 англоязычных и 12 русскоязычных, эстетическая – в 3 англоязычных и 3 русскоязычных (контексты, в которых совмещается информация разных видов, учитывались в соответствии с видом передаваемой в них информации несколько раз).

Эмоциональная информация

Поскольку личная переписка предполагает неограниченное выражение чувств собеседников, эмоциональная информация ожидаема в текстах эпистолярного жанра. Информация данного вида передает эмоции (чувства) в процессе коммуникации [Алексеева, 2008, с. 53] и эксплицируется с помощью языковых средств, выражающих субъективность, конкретность и образность. Например:

(1) Frequent and loud laughter is the characteristic of **folly** and **ill manners**; it is the manner in which **the mob** express their **silly joy at silly things**; and they **call** it being merry.

Частый и громкий смех свидетельствует об **отсутствии ума** и **о дурном воспитании**; этим способом **низменная толпа** выражает свои **глупые радости по поводу каких-нибудь глупых происшествий**; на ее языке это **означает** веселиться.

Эмоциональную информацию эксплицируют прежде всего лексемы с негативной коннотацией, которые переведены вариантными соответствиями, например: *folly* – *отсутствие ума*; *ill manners* – *дурное воспитание*; *the mob* – *низменная толпа*; а повтор прилагательного в словосочетании *silly joy at silly things*, развернутый в переводе до *глупые радости по поводу каких-нибудь глупых происшествий*, усиливает выражение неприязни автора к описываемому типу людей и способствует созданию эмоционального образа людей, демонстрирующих определенную манеру речевого поведения.

Эмоциональная информация может быть выражена в использовании возможностей графики:

(2) If, into the bargain, **YOU MUTTER IT, OR UTTER IT INDISTINCTLY AND UNGRACEFULLY**, it will be still worse received.

Если же ты в довершение всего еще будешь **не говорить, а бормотать или мямлить**, произведенное ими впечатление будет еще хуже.

В тексте оригинала эмоциональная информация передана лексемами с отрицательной коннотацией (*mutter, indistinctly, ungracefully*) и дополнительно эксплицируется с помощью графического выразительного средства – написания значимого смыслового

фрагмента прописными буквами. Переводчик принял решение не использовать графику, аналогичную той, которая применяется в оригинальном тексте. В переводе отсутствие капитализации компенсируется лексическими средствами: переводчик прибегает к использованию приема смыслового развития, противопоставляя эквивалент лексемы *mutter* (*бормотать*) с отрицательной коннотацией его синониму с нейтральной коннотацией – *utter* (*говорить*) с помощью заместительного союза *ne ... , a*. Такая оппозиция позволяет передать представления автора о том, что он считает правильным и желательным, а что неприемлемым. Словосочетание *utter it indistinctly and ungracefully* переведено лексемой разговорного стиля *мямлит* с яркой негативной коннотацией, что лаконично и точно передает неприязненное отношение автора к описываемым им особенностям речи.

В нашем материале представлены контексты, где при передаче информации эмоционального типа переводчик использует дополнительные языковые средства выражения содержащегося в оригинале вида информации, что обусловлено стремлением максимально полно отразить ее в тексте перевода. Например:

(3) But I should be outrageous, if I heard you **mutter** your words unintelligibly, **stammer**, in your speech, or hesitate, **misplace, and mistake in your narrations**; and I should run away from you with greater rapidity, if possible, than I should now run to embrace you, if I found you **destitute of all those graces** which I have **set my heart upon** their making you one day, ‘omnibus ornatum excellere rebus’.

Но я был бы вне себя, если бы вдруг услышал, что, вместо того чтобы **говорить** как следует, ты **бормочешь** так, что ничего нельзя понять или, рассказывая что-нибудь, вдруг **останавливаешься, сбиваешься, пугаешься и мелешь чепуху**; и так же, как теперь мне хочется поскорее примчаться к тебе, обнять тебя и расцеловать, так мне захочется убежать куда-нибудь подальше прочь, если я увижу, что у тебя нет тех манер, которые я мечтаю сделать твоим достоянием, чтобы они позволили тебе рано или поздно omnibus ornatum excellere rebus.

В данном отрывке переводчик вновь противопоставляет лексемы *бормотать* и *говорить*, несмотря на отсутствие подобного противопоставления в оригинале. Если учесть, что

далее он также применяет прием смыслового развития фразы *misplace, and mistake in your narrations* – *сбиваешься, пугаешься и мелешь чепуху*, возможно предположить, что решение об использовании лексико-семантической трансформации обусловлено стремлением к точной передаче авторских эмоций при описании форм речепорождающей деятельности. Отметим также широкое употребление образных выражений (*destitute of graces, set my heart upon...*) и описание фантазий автора о вымышленных ситуациях (*I should run away from you; I should now run to embrace you*).

Когнитивная информация

Когнитивная информация в эпистолярном жанре – это объективные сведения о мире, которые автор высказывания считает истинными, соответствующими действительности. Данный вид информации характеризуют такие параметры, как объективность, абстрактность и плотность [Алексеева, 2008, с. 50]. Объективность проявляется в использовании презентной формы в значении настоящего вне-временного, прямого порядка слов, неличной семантики субъекта и пассивности действия по отношению к субъекту. Например:

(4) **Words were given us to communicate our ideas by**; and there **must** be something inconceivably absurd in **uttering** them in such a manner as that either people cannot understand them, or will not desire to understand them.

Слова даны нам для того, чтобы мы могли **выражать наши мысли**, и до крайности нелепо **произносить** их так, что, либо люди вообще не смогут понять их, либо у них пропадет всякое желание вникать в их смысл.

Пассивная конструкция (*were given*) свидетельствует об отношении автора к своему высказыванию как непреложной истине, что в переводе также передано страдательным причастием прошедшего времени (*даны*), придающим высказыванию объективность. Модальный глагол *must* в оригинале выражает модальность вероятности, поскольку автор оставляет за собой право на ошибку в суждениях, в то время как в переводе реализуется модальность реальности. Перевод в данном случае можно признать

адекватным, поскольку он эксплицирует когнитивную информацию, содержащуюся в оригинале, и выполняет схожую коммуникативную функцию высказывания.

Когнитивная информация в эпистолярных текстах выражается посредством выстраивания логичного повествования, когда все части текста связаны между собой, и актуализации отношений условия и его следствия:

(5) Therefore, what I **have said** in this, and in my last, **is more than sufficient, if you have sense; and ten times more would not be sufficient, if you have not;** so here I rest it.

Поэтому того, что я **высказал** тебе в этом и в предыдущем письме, **более чем достаточно, если у тебя есть соображение, а если нет, то напиши я и в десять раз больше, это все равно не поможет**, итак, довольно об этом.

В приведенном примере наблюдается логичное изложение вариантов ситуации и их последствий с использованием условных предложений. В переводе когнитивная информация также передается с помощью сложноподчиненных предложений с придаточным условием.

Плотность когнитивной информации заключается в сокращении протяженности текста посредством различных средств компрессии. Одним из них является интертекстуальность, выражающаяся в текстах эпистолярного жанра в виде ссылки на предыдущую переписку. Это позволяет избежать полного приведения информации, содержащейся в другом тексте:

(6) DEAR BOY: **Having in my last pointed out what sort of company you should keep,** I will now give you some rules for your conduct in it; rules which my own experience and observation enable me to lay down, and **communicate** to you, with some degree of confidence.

Милый мой мальчик, **В последнем письме я писал, какого общества тебе следует держаться**, а сейчас хочу дать кое-какие правила, как в нем себя вести, опыт мой и собственные наблюдения позволяют мне установить их и достаточно уверенно тебе **высказать**.

Интертекстуальное включение – напоминание автором содержания предыдущего письма – сохраняется и в переводе.

Оперативная информация

Оперативная информация выражает призыв автора к совершению неких действий [Алексеева, 2008, с. 52]. Коммуникативная ситуация наставления, наблюдаемая в анализируемом произведении, обуславливает наличие оперативной информации, которая может быть имплицитной либо эксплицитной.

Чаще всего оперативная информация выражена с помощью побудительных конструкций, например глаголами в формах императива:

(7) If you are **asked** what o'clock it is, **tell** it; but **do not proclaim** it hourly and unasked, like the watchman.

Если тебя **спросят** «который час?» – **ответь**, но **не возвещай** время ежечасно и когда тебя никто не спрашивает – ты ведь не ночной сторож.

В данном случае оперативная информация эксплицируется с помощью глаголов *tell*, *do not proclaim* в повелительном наклонении, а также придаточными условиями, конкретизирующими ситуацию, в которой следует выполнить указание. В переводе данный вид информации передается схожим образом – *ответь*, *не возвещай*.

В приведенном примере также представлена эмоциональная информация: она эксплицируется глаголом *proclaim* с оценочной коннотацией, передающим критичную оценку автором описываемого им поведения. Отметим, что сочетание оперативной информации с другими видами – чаще эмоциональной – позволяет нагляднее выразить интенцию убеждения:

(8) **Stick** to that; and **be convinced** that whatever breaks into it, in any degree, however speciously it may be turned, and however puzzling it may be to **answer** it, is, notwithstanding, **false in itself, unjust, and criminal.**

Следуй этому правилу, и **можешь не сомневаться**, что все поступки, в той или иной степени противоречащие ему, как бы благовидно они ни выглядели и как ни трудно было бы против них что-либо **возразить**, все равно **неправомерны, несправедливы и преступны**.

В оригинале оперативная информация выражается глаголом в повелительном наклонении (*stick*, *be*), в переводе – однознач-

ным соответствием (*stick – следу́й*) и модальным глаголом с семантикой уполномочия, что позволяет эксплицировать данный вид информации (*be convinced – можешь не сомневаться*). Оказиональный синонимический ряд *false in itself, unjust, and criminal*, включающий прилагательные с ярко негативными коннотациями, свидетельствует о наличии эмоциональной информации, что также было полностью сохранено переводчиком для передачи авторской интенции.

Эстетическая информация

Эстетическая информация воздействует на чувство прекрасного, представляя читателю текст в качестве произведения искусства [Алексеева, 2008, с. 56]. В эпистолярном жанре она воплощает авторскую индивидуальность и может эксплицироваться с помощью средств художественной выразительности, в частности развернутых индивидуальных метафор, и совмещается с информацией других видов, прежде всего эмоциональной. Например:

(9) But in the clouds, at the top of the piece, are represented the three Graces... <...> Nay, I will go further, as the transition from Popery to Paganism is short and easy, I will classically and poetically **advise** you to invoke, and sacrifice to them every day, and all the day.

В обоих изображены три грации... <...> Больше того, так как от папизма легко и просто можно перейти к язычеству, я **посоветую** тебе, выражаясь классическим и поэтическим языком, призывать их и приносить им жертвы каждый день, с утра и до вечера.

Ироничный тон данного отрывка задается фразой *the transition from Popery to Paganism is short and easy – от папизма легко и просто можно перейти к язычеству*. Эту идею автор развивает, предлагая призывать трех граций и приносить им жертвы, гиперболизируя процесс: *every day, and all the day – каждый день, с утра и до вечера*. Здесь сочетается эмоциональная информация об ироничном отношении автора к обсуждаемой теме и критике папизма и эстетическая, проявляющаяся в создании художественного образа поклонения грациям, что было полностью сохранено в переводе.

Рассмотрим еще один пример совмещения эстетической информации с иными видами:

(10) **Never maintain** an argument with **heat** and clamor, though you think or know yourself to be in the right: but **give** your opinion modestly and **coolly**, which is the **only** way to convince; and, if that does not do, **try** to change the conversation, by saying, with good humor, “We shall hardly convince one another, **nor is it necessary** that we should, so let us talk of something else.”

Никогда не доказывай своего мнения **громко** и с жаром, даже если **в душе** ты убежден в своей правоте и **твердо** знаешь, что **иначе и быть не может** – **выскажи** его скромно и **спокойно**, ибо это **единственный** способ убедить; если же тебе не удастся это сделать, **попытайся** попросту перевести разговор на другую тему и весело скажи: «Вряд ли нам удастся переубедить друг друга, да в этом и нет необходимости, поэтому давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом».

Автор приводит подробные указания по ведению дискуссии, расцениваемые им как наиболее подходящие и необходимые в обсуждаемой ситуации. Оперативной информации, выражаемой глаголами в повелительном наклонении (*maintain, give, try*), сопутствует эмоциональная, приносимая лексемами с оттенком категоричности: *never, only*. Эстетическая информация эксплицируется антитезой *heat – coolly*, субъектно-предикатной инверсии *nor is it necessary*. Переводчик передает категоричность лексемами *никогда, твердо (знаешь), единственный*, идиомой *иначе и быть не может*. Эстетический компонент сохранен и выражается в подборе аналогичной антитезы *громко – спокойно*, использовании коллокации *в душе*.

Особенность наполнения эпистолярного текста эстетической информацией (совмещение с информацией других видов), вероятно, обусловлена фокусом личной переписки на эмоциональном компоненте коммуникации, нежели на эстетическом, так как автор не ставит своей изначальной целью создание именно художественного произведения. Выбор языковых средств, которыми может быть выражена эстетическая информация, ограничивается только творческим замыслом автора, поэтому вывод о наличии или отсутствии эстетической информации может зависеть от интерпретации текста его получателем, поскольку в большинстве случаев позиция автора недоступна.

Заключение

В результате предпринятого анализа установлено, что в эпистолярном тексте представлена информация четырех видов: эмоциональная, когнитивная, оперативная, эстетическая. Среди них доминирует эмоциональная информация, что обусловлено коммуникативной целью автора: сообщение субъективного мнения, оценка событий или явлений и формирование у получателя надлежащих убеждений, взглядов и ценностей. Детерминацию видов информации в контекстах эпистолярного жанра можно представить в виде схемы: коммуникативная цель, заключающаяся в передаче эмоций автора или наставлении адресата, предопределяет наличие вида информации в предложении и приводит к выбору конкретных языковых единиц, способных его передать.

Преобладание эмоциональной информации объясняется спецификой коммуникативной ситуации – личное общение отца с сыном, не ограничивающее автора в выборе лексических и стилистических средств, в выражении субъективного мнения и оценки описываемых событий или явлений. Оперативная информация, несмотря на то, что темой писем зачастую становится наставление, передача указаний и опыта, уступает когнитивной, поскольку автор, как свидетельствует материал, чаще выражает предписания в виде структурированного и объективного, по его мнению, повествования, чем использует императивные конструкции. Эстетическая информация мало представлена в анализируемом произведении, вероятно, по причине того, что перед автором не стояло цели как-либо украшать форму своих писем.

Эмоциональная информация эксплицируется с помощью таких языковых средств, как лексемы с положительной или отрицательной коннотацией, стилистически маркированные слова (прежде всего разговорные), метафоры; используются также графические средства. Когнитивная информация выражена глаголами в пассивном залоге, прямым порядком слов, выражением причинно-следственных связей, использованием приемов компрессии текста. Оперативная информация передается преимущественно глагольными формами императива. Эстетическая информация

представлена индивидуальными метафорами и в анализируемом эпистолярном тексте совмещается с информацией других видов.

Виды информации, содержащиеся в переводе, конгруэнтны имеющимся в оригинале, что позволяет оценивать его как адекватный, поскольку он полностью реализует поставленную автором коммуникативную цель. Механизм создания конгруэнтности заключается в полноценной передаче информационного содержания текста оригинала в переводе. Этому способствует подбор переводчиком адекватных эквивалентов и вариантных соответствий, передающих тот же вид информации, что и в оригинале. В случае невозможности выражения в переводе того или иного вида информации с использованием эквивалентов переводчик прибегает к приему компенсации, подбирая узуальные для языка перевода средства (в анализируемом материале это характерно для контекстов, в которых передается эмоциональная информация).

Оценивать адекватность отдельных переводческих решений и выполненного перевода в целом необходимо с учетом полноты передачи заданных в оригинале видов информации. Их выделение на этапе предпереводческого анализа художественного текста и передача их в переводе способствуют созданию эквивалентного оригиналу вторичного произведения, обладающего аналогичной эстетической и культурной ценностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова Г. Н., Черкунова М. В., Старостина Ю. С., 2021. Роль текстовых доминант при переводе аналитических отчетов МВФ (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14, № 6. С. 1799–1804. DOI: 10.30853/phil210292
- Алексеев М. П. Честерфилд и его «Письма к сыну». URL: <http://lingvo.asu.ru/english/texts/chester/chester78.html>
- Алексеева И. С., 2008. Текст и перевод. Вопросы теории. М. : Междунар. отношения. 184 с.
- Алефиренко Н. Ф., 2008. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник ВятГУ. № 2. С. 75–78.
- Ахманова О. С., 2004. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС. 576 с.

- Бахтин М. М., 1996. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М. : Рус. слов. 732 с.
- Беляева Л. Н., 2016. Сетевые ресурсы в технологии перевода // Вестник СПбГУ. Язык и литература. № 4. С. 45–55.
- Гальперин И. Р., 2007. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига. 144 с.
- Жинкин Н. И., 1982. Речь как проводник информации. М. : Наука. 159 с.
- Исаев И. М., 2019. Особенности перевода разных видов информации в педагогическом дискурсе (на примере лекции) // *Artium Magister*. Т. 19, № 1. С. 36–44.
- Кецба Л. Н., 1971. Место эпистолярного стиля в системе функциональных стилей // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. № 3/4. С. 94–99.
- Кубрякова Е. С., 2005. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. М. : Яз. слав. культур. 976 с.
- Местергази Е. Г., 2007. Специфика функционирования эпистолярного жанра // Вестник СПбГУ. Язык и литература. № 3-II. С. 351–357.
- Миньяр-Белоручев Р. К., 1996. Теория и методы перевода. М. : Моск. лицей. 208 с.
- Миронова Д. М., 2022. Лингвокогнитология & системология: интегративность in actu (теоретический и методологический аспекты сопряжения) // *Дискурс*. № 8 (4). С. 122–135. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-122-135
- Митягина В. А., 2016. Культурное измерение текста в фокусе актуальных концепций переводоведения // *НОМО LOQUENS : Вопросы лингвистики и транслятологии* : сб. ст. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 3–13.
- Моисеев М. В., 2018. Способы передачи культурной семантики при переводе англоязычных художественных текстов // *Коммуникативные исследования*. № 2 (16). С. 165–181. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.165-181
- Петрова О. В., 2021. Что, где, когда, зачем и как? (Размышления о прагматической адаптации) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3. С. 266–279. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-3-266-279
- Раренко М. Б., 2018. Перевод рекламных текстов: теория и практика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 18 (816). С. 296–307.
- Урсул А. Д., 2010. Природа информации: философский очерк. Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 231 с.
- Фесенко О. П., 2008. Эпистолярный текст: жанр, стиль, дискурс // *Вопросы филологии*. № 3 (30). С. 13–21.
- Щерба Л. В., 1957. Избранные работы по русскому языку. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР. С. 110–129. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-57.htm>
- Chafe W. L., 1994. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago : L. : University of Chicago Press. 392 p.
- Jolly M., Stanley L., 2005. Letters as / not a Genre // *Life Writing*. Vol. 2, № 2. P. 91–118.
- Logan R. K., 2012. What Is Information?: Why Is It Relativistic and What Is Its Relationship to Materiality, Meaning and Organization // *Information*. № 3. P. 68–91.
- MacKay D. M., 1969. *Information, Mechanism and Meaning*. Cambridge : The M.I.T. Press. 196 p.
- Rosbottom R. C., 1977. Motifs in Epistolary Fiction: Analysis of a Narrative Sub-Genre // *L'Esprit Créateur*. Vol. 17, № 4. P. 279–301.
- Rosenmeyer P. A., 1994. *The Epistolary Novel // Greek Fiction*. L. : Routledge. P. 146–165.
- Sinanan K., 2023. Mr Darcy, Jane Austen's Imperial Man of Feeling // *Austen After 200*. Cham : Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-08372-3_7
- Writing the Female Voice: Essays on Epistolary Fiction, 1989* / ed. by E. C. Goldsmith. Boston : Northeastern University Press. 296 p.

ИСТОЧНИКИ

- Честерфилд Ф. Д. С. Письма к сыну. М. : РИПОЛ Классик, 2010. 282 с.
- Lord Chesterfield. *Lord Chesterfield's Letters* / ed. by D. Roberts. Oxford : Oxford University Press, 1998. 480 p.

REFERENCES

- Aleksandrova G.N., Cherkunova M.V., Starostina Yu.S. 2021. Rol tekstovoykh dominant pri perevode analiticheskikh otchetov MVF (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [The Role of Textual Dominants in the Translation of IMF Analytical Reports (In the Russian and English Languages)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues], vol. 14, no. 6, pp. 1799-1804. DOI: 10.30853/phil210292
- Alekseev M.P. *Chesterfield i ego «Pisma k synu»* [Chesterfield and His "Letters to His Son"]. URL: <http://lingvo.asu.ru/english/texts/chester/chester78.html>

- Alekseeva I.S., 2008. *Tekst i perevod. Voprosy teorii* [Text and Translation. Theoretical Issues]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ. 184 p.
- Alefirenko N.F., 2008. Kognitivnaya lingvistika: predposylki, predmet, kategorii [Cognitive Linguistics: Background, Subject, Categories]. *Vestnik VyatGU* [Herald of Vyatka State University], no. 2, pp. 75-78.
- Akhmanova O.S., 2004. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Editorial URSS. 576 p.
- Bakhtin M.M., 1996. Problema rechevykh zhanrov [Issues of Speech Genres]. *Sobranie sochineniy. V 7 t. T. 5. Raboty 1940–1960 gg.* [Collected Works. In 7 Vols. Vol. 5. Works 1940–1960]. Moscow, Rus. slov. Publ. 732 p.
- Belyaeva L.N., 2016. Setevye resursy v tekhnologii perevoda [Internet Resources in Translation Technology]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], no. 4, pp. 45-55.
- Galperin I.R., 2007. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Objects of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ. 144 p.
- Zhinkin N.I., 1982. *Rech kak provodnik informatsii* [Speech as a Conductor of Information]. Moscow, Nauka Publ. 159 p.
- Isaev I.M., 2019. Osobennosti perevoda raznykh vidov informatsii v pedagogicheskom diskurse (na primere lektsii) [Peculiarities of Translating Various Information Types in Pedagogical Discourse (Case Study of Lecture)]. *Artium Magister*, vol. 19, no. 1, pp. 36-44.
- Ketsba L.N., 1971. Mesto epistolyarnogo stilya v sisteme funktsional'nykh stiley [Role of Epistolary Style in the System of Functional Styles]. *Izvestiya Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR* [Bulletin of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic Academy of Sciences], no. 3/4, pp. 94-99.
- Kubryakova E.S., 2005. O termine «diskurs» i stoyashchey za nim strukture znaniya [On the 'Discourse' Term and the Knowledge Structure Behind It]. *Yazyk. Lichnost. Tekst: sb. st. k 70-letiyu T.M. Nikolaevoy* [Language. Personality. Text. Collection of Articles for the 70th Birthday of T.M. Nikolaeva]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 976 p.
- Mestergazi E.G., 2007. Spetsifika funktsionirovaniya epistolyarnogo zhanra [Specifics of Epistolary Genre Functioning]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], no. 3-II, pp. 351-357.
- Minyar-Beloruhev R.K., 1996. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and Methods of Translation]. Moscow, Mosk. litsey Publ. 208 p.
- Mironova D.M., 2022. Lingvokognitologiya & sistemologiya: integrativnost in actu (teoreticheskiy i metodologicheskiy aspekty sopryazheniya) [Linguocognitology & Systemology: Integrativity in actu (Theoretical and Methodological Aspects of Interaction)]. *Diskurs* [Discourse], no. 8 (4), pp. 122-135. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-122-135
- Mityagina V.A., 2016. Kulturnoe izmerenie teksta v fokuse aktualnykh kontseptsiy perevodovedeniya [Text's Cultural Dimension Through the Prism of Relevant Concepts of Translation Studies]. *HOMO LOQUENS: Voprosy lingvistiki i translyatologii: sb. st.* [HOMO LOQUENS. Linguistics and Translatology Issues. Collection of Articles]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 3-13.
- Moiseev M.V., 2018. Sposoby peredachi kulturnoy semantiki pri perevode angloyazychnykh khudozhestvennykh tekstov [Ways of Transferring Cultural Semantics in Translation of English-Language Fiction]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communicative Research], no. 2 (16), pp. 165-181. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.165-181
- Petrova O.V., 2021. Chto, gde, kogda, zachem i kak? (Razmyshleniya o pragmaticheskoy adaptatsii) [What, Where, When, What for and How? (Reflections on Pragmatic Adaptation)]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 3, pp. 266-279. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-3-266-279
- Rarenko M.B., 2018. Perevod reklamnykh tekstov: teoriya i praktika [To Translate Advertising Texts: Theory and Practice]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 18 (816), pp. 296-307.
- Ursul A.D., 2010. *Priroda informatsii: filosofskiy ocherk* [Nature of Information: Philosophical Essay]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. akad. kultury i iskusstv. 231 p.
- Fesenko O.P., 2008. Epistolyarnyy tekst: zhanr, stil, diskurs [Epistolary Text: Genre, Style, Discourse]. *Voprosy filologii* [Philology Issues], no. 3 (30), pp. 13-21.
- Shcherba L.V., 1957. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Gos. ucheb.-ped. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR, pp. 110-129.

- URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-57.htm>
- Chafe W.L., 1994. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago, London, University of Chicago Press. 392 p.
- Jolly M., Stanley L., 2005. Letters as / not a Genre. *Life Writing*, vol. 2, no. 2, pp. 91-118.
- Logan R.K., 2012. What Is Information?: Why Is It Relativistic and What Is Its Relationship to Materiality, Meaning and Organization. *Information*, no. 3, pp. 68-91.
- MacKay D.M., 1969. *Information, Mechanism and Meaning*. Cambridge, The M.I.T. Press. 196 p.
- Rosbottom R.C., 1977. Motifs in Epistolary Fiction: Analysis of a Narrative Sub-Genre. *L'Esprit Créateur*, vol. 17, no. 4, pp. 279-301.
- Rosenmeyer P.A., 1994. The Epistolary Novel. *Greek Fiction*. London, Routledge, pp. 146-165.
- Sinanan K., 2023. Mr Darcy, Jane Austen's Imperial Man of Feeling. *Austen After 200*. Cham, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-08372-3_7
- Goldsmith E.C., ed., 1989. *Writing the Female Voice: Essays on Epistolary Fiction*. Boston, Northeastern University Press. 296 p.

SOURCES

- Chesterfield F.D.S. *Pisma k synu* [Letters to Son]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2010. 282 p.
- Lord Chesterfield; Roberts D., ed. *Lord Chesterfield's Letters*. Oxford, Oxford University Press, 1998. 480 p.

Information About the Author

Yulia S. Klinkova, Postgraduate Student, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, juliaklinkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7620-8364>

Информация об авторе

Юлия Сергеевна Клинова, аспирант кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, juliaklinkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7620-8364>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.11>

UDC 81'373.23
LBC 81.053.16

Submitted: 01.10.2022
Accepted: 05.06.2023

PROPER NAME DISCOURSE ACTUALIZATION (EXEMPLIFIED BY LINGUISTIC EXPERIMENT)

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article describes the results of a linguistic experiment aimed at expanding a proper name discourse by the addressee. A consecutive model of the experiment on the proper name inclusion in different stages of discourse generation was built on the assumption that the name actualizes the discourse of the onym. The study enrolled within three stages: an associative experiment, a discursive experiment on modelling dialogical statements and a discursive experiment on provoking the addressee to create a monologue text. Functioning in urban discourse names of commercial objects, or ergonyms, were chosen as the material. The method of the linguistic experiment was the “But-test”, the specifics of which can be called “anti-orientation”. The informant had to continue a negatively constructed statement, thus “pulling out” deep (background) knowledge about a particular object to the surface. As a result, various types of statements were identified, with the onym playing the role of a trigger mechanism (stimulus) provoking a number of onymic statements-reactions, which lead to expanding the onym discourse. The statements under analysis were divided into dictum (existential, actional and perceptual) and modus (positive, negative and mixed) ones. The dictum-type statements deliver objective information, which refers to the life experience of the speaker, while the modus-type ones are based on the subjective assessment of facts and events. The onym theme-statement directs the unfolding of onym discourse and actualizes the spheres, which are connected with the cognitive activity of the recipients, for instance, the spheres of events, wishes and intentions, comparison, evaluation, attribution, background knowledge. The onym discourse embraces the explicit and implicit meanings, it unites the personal (individual) and collective (social) experience.

Key words: discursive onomastics, discursive experiment, onym, proper name, text, discourse, discursive field, individual sense.

Citation. Pozdnyakova E. Yu. Proper Name Discourse Actualization (Exemplified by Linguistic Experiment). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 143-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.11>

УДК 81'373.23
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 01.10.2022
Дата принятия статьи: 05.06.2023

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Елена Юрьевна Позднякова

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

Аннотация. В статье описаны результаты лингвистического эксперимента, направленного на развертывание дискурса имени собственного адресатом. Основываясь на предположении о том, что имя актуали-

зирует дискурс, стоящий за онимом, мы построили поэтапную модель эксперимента по включению имени собственного в разные стадии порождения дискурса. Она предполагает 3 этапа: ассоциативный эксперимент, дискурсивный эксперимент по моделированию диалогических высказываний и дискурсивный эксперимент, провоцирующий адресата на создание монологического текста. В качестве материала выбраны наименования коммерческих объектов (эргонимы), функционирующие в городском дискурсе. Методом представляемого лингвистического эксперимента послужил «But-test», специфика которого составляет «анти-направленность»: продолжая негативно построенное высказывание, информант таким образом актуализирует глубинные (фоновые) знания о конкретном объекте. В результате выявлены различные типы онимических высказываний, в которых имя собственное играло роль механизма (стимула), запускающего ряд онимических высказываний-реакций, приводящих к развертыванию дискурса онима. Полученные высказывания разделены на диктумные (экзистенциональные, акциональные и перцептивные) и модусные (позитивные, негативные и смешанные). Диктумные высказывания сообщают объективную информацию, связанную с жизненным опытом говорящих, модусные высказывания основываются на субъективной оценке событий / фактов. Онимическое высказывание-тема задает направление развертывания дискурса онима, актуализируя при этом области, связанные с когнитивной деятельностью реципиентов: области событий, желаний / намерений, сравнения, оценки, атрибуции, фоновых знаний. Дискурс онима содержит эксплицируемые и неэксплицируемые смыслы, объединяя личностный (индивидуумный) и коллективный (социальный) опыт.

Ключевые слова: дискурсивная ономастика, дискурсивный эксперимент, оним, имя собственное, текст, дискурс, дискурсивное поле, личностный смысл.

Цитирование. Позднякова Е. Ю. Актуализация дискурса имени собственного (на материале лингвистического эксперимента) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 143–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.11>

Введение

Цель статьи – описание результатов лингвистического эксперимента, направленного на развертывание дискурса имени собственного адресатом. Исходя из предположения о том, что имя собственное является своего рода свернутым текстом, содержащим в компрессивном виде потенции своего развертывания адресатом, мы предприняли лингвистический эксперимент по актуализации дискурса онима. В ходе проведения эксперимента нас интересовали типы онимических высказываний и виды когнитивных структур, задействованных при восприятии онима реципиентом.

Еще в трудах А.А. Потебни указано, что значение слова не есть полное содержание мысли, слово «сворачивает» мысль. Он пишет: «Мысль, с которой когда-то было связано слово, снова вызывается в сознании звуками этого слова, так что, например, всякий раз, как я слышу имя известного мне лица, мне представляется снова более или менее ясно и полно образ того самого лица, которое я прежде видал, или же известное видоизменение, сокращение этого образа» [Потебня, 1999, с. 81]. Мы утверждаем, что имя собственное образуется в результате свертыва-

ния текста (текстов) и развертывается в процессе коммуникации, образуя при этом не единственно возможный текст-дискурс, а неограниченное множество текстов, включенных в дискурсивные практики носителей языка.

Несмотря на то что в современных исследованиях высказываются некоторые мысли о том, что имя представляет собой редуцированный текст (см., например: [Горбаневский 1994; Максимов 2015; Степовая 2014; и др.]), законченной теории дискурсивности онима не существует. Отметим также, что внимание ученых в настоящее время сосредоточено на семантике онима, подвергающегося компрессии, и, как следствие, оним зачастую изучается лишь с позиции номинатора – адресанта, создателя наименования, то есть в семасиологическом аспекте. Кроме того, применяется ономасиологический подход, в рамках которого изучаются наименования; при этом движение научного анализа направлено «от предмета (понятия) к наименованиям, их обозначающим» [Гак, 1998, с. 199]. В.Г. Гак указывает на то, что «ономастиология имеет дело не со значением, а с обозначением, то есть языковой элемент с уже определенным значением применяется для обозначения объекта» [Гак, 1998, с. 199], и рассматривает имя собственное как номинатив-

ную единицу, исследуя закономерности использования языковых средств для обозначения объектов внеязыковой действительности, описывая принципы и способы номинации. Представители ономастического направления изучают проприальное наименование как результат процесса номинации [Горяев, 2000; Горяев, Бугешу, 2018; Козлов, 2000; Рут, 2008; Суперанская, 1973; и др.], выявляют принципы и способы номинации [Астафьева, 1996; Голев, 1972, 1981; Способы номинации..., 1982], предлагают различные классификации типов номинации [Арутюнова, 1977; Гак, 1998; Голомидова, 1998; Языковая номинация..., 1977; и др.], выделяют компоненты номинативного процесса [Гак, 1998], изучают состав, функционирование и специфику разных групп проприальной лексики в городском ономастическом пространстве, а именно: ойкодомонимов (названий учреждений культуры, бытового обслуживания и торговли) [Астафьева, 1996], эргоурбонимии [Вайрах, 2019; Козлов, 2000], коммерческих эргонимов [Шимкевич, 2002], рекламных имен [Крюкова, 2004], названий деловых объектов [Трифонова, 2006], городской эргонимии [Емельянова, 2007; Носенко, 2007; Щербакова, 2009], эмпоронимов (названий магазинов и салонов одежды), эргонимов иноязычного происхождения [Самсонова, 2012], ивентонимов (названий собственных имен специальных событий) [Романова, 2020], монументонимов (названий памятников и городской скульптуры) [Ахметова, 2022], медицинских эргонимов [Горяев, Полякова, 2023] и др.

Однако, несмотря на большое количество исследований и многообразие научных подходов, недостаточно внимания уделяется вопросам, связанным с порождением имен собственных, их восприятием различными адресатами, функционированием в разных видах дискурсов, трансформацией их значения в процессе употребления, то есть тому, что можно назвать «действительной жизнью» имени. Восприятие адресата и механизмы, позволяющие развертывать дискурс онима, остаются за рамками научного осмысления.

Под дискурсом онима будем понимать связанный с именем некий текст (совокупность текстов), который в процессе коммуникации может быть развернут в языковом сознании реципиентов и актуализирован в

форме речевых актов контактной (диалог) и неконтактной (монолог) природы. В речевом акте оним играет роль темы, которая порождает новые высказывания – рему. С такой точки зрения развертывание дискурса онима представляет собой процесс речепорождения, в котором оним играет роль механизма (стимула), запускающего ряд онимических высказываний-реакций, приводящих к развертыванию дискурса онима. Эта особенность слова уже отмечалась лингвистами: «Слово задает направление репрезентации смысла и активирует психические, лексические и грамматические механизмы» [Степыкин, 2021, с. 21].

Дискурс может быть развернут с разной степенью подробности – начиная от отдельного слова-реакции на оним в ассоциативном ряду и заканчивая завершенными и синтаксически оформленными речевыми актами контактной и неконтактной природы. Совокупность всех текстов образует дискурсивное поле онима. Мы полагаем, что «дискурсивное поле онима изменчиво, зависит от множества факторов, среди которых можно отметить социокультурную, политическую, экономическую ситуацию, современные тенденции, связанные с модой, новыми технологиями и открытиями и пр. Кроме того, усложнение дискурсивного поля имени заключается в том, что сами онимы и связанные с ними дискурсы могут взаимодействовать между собой, пересекаясь и создавая онимические ансамбли и семиотические коллизии» [Позднякова, 2021а, с. 252]. В процессе восприятия имени собственного актуализируются разные стороны его семантики, адресат при этом действует лексическое, энциклопедическое значения имени, а также фоновые знания и личностные смыслы.

Методика

дискурсивного эксперимента

Основываясь на предположении о том, что имя актуализирует дискурс, стоящий за онимом, мы построили поэтапную модель эксперимента по вовлечению имени собственного в разные стадии порождения дискурса. Экспериментальная методика включала в себя 3 основных этапа:

1-й этап – ассоциативный эксперимент, в результате которого был получен набор ключевых слов, позволяющих моделировать концепт имени (подробно см.: [Позднякова, 2021б]);

2-й этап – дискурсивный эксперимент, направленный на создание диалогического текста, в ходе которого был сконструирован диалогический дискурс, заданный онимом;

3-й этап – дискурсивный эксперимент, направленный на моделирование монологического текста, позволивший смоделировать фантазийные монологические дискурсы, в которых разворачивается оним (подробно см.: [Позднякова, 2021а]).

В ходе дискурсивного эксперимента были использованы следующие методы: метод свободного ассоциативного эксперимента (далее – САЭ) применялся на 1-м этапе; метод лингвистического эксперимента, целью которого было развертывание диалогического дискурса (далее – ЛЭ-1), был задействован на 2-м этапе исследования; метод лингвистического эксперимента, с помощью которого проходило моделирование фантазийного монологического текста (далее – ЛЭ-2), использовался на 3-м этапе; «But-тест», направленный на выявление когнитивных структур и реконструкцию фоновых знаний об онимах (далее – ЛЭ-3), дополнял результаты ЛЭ-1 и ЛЭ-2.

В качестве материала были выбраны наименования городских коммерческих объектов (эргонимы), поскольку это наиболее распространенная в городском языковом пространстве группа собственных имен, функционирующих как в обыденном, так и в институциональном дискурсе. Респондентами стали студенты 1-го курса АлтГТУ им. И.И. Ползунова (170 человек).

Результаты

лингвистического эксперимента

Поскольку основные результаты экспериментального исследования (САЭ, ЛЭ-1, ЛЭ-2) были освещены в ряде статей автора (см.: [Позднякова, 2021а; 2021б; 2022; и др.]), остановимся подробно на описании лингвистического эксперимента (ЛЭ-3). Методом эксперимента послужил «But-

test», спецификой которого можно назвать «анти-направленность»: продолжая негативно построенное высказывание, информант таким образом «вытаскивает» на поверхность глубинные (фоновые знания) о конкретном объекте. Данные знания часто связаны с личностными смыслами, с индивидуальным восприятием имени респондентом. Мы полагаем, что данная методика может быть с успехом применена к исследованию дискурсивного поля онима, поскольку позволяет выявить глубинные структуры и воссоздать скрытые смыслы, образующие латентный дискурс онима в совокупности с воспроизводимыми высказываниями контактной и неконтактной природы.

На данном этапе эксперимента было задействовано 9 наименований предприятий ресторанной сферы г. Барнаула. Респондентам предлагалось письменно продолжить следующие предложения:

1. «Я никогда не бывал в кафе “Лукошко”, но...».
2. «Я не был в ресторане “Ганс”, но...».
3. «Я не заходил в ресторан “Асадор”, но...».
4. «Я не слышал о банкетном зале “Черемушки”, но...».
5. «Я сам не бывал в ресторане “Velvet”, но говорят, что...».
6. «Я не заходил в “Арт-кафе”, но слышал, что...»
7. «Я не знаю о баре-ресторане “Опера”, но...».
8. «Я не заходил в бар-ресторан “Сова”, но...».
9. «Я никогда не был в кофейне “Тициан”, но...».

В том случае, если утверждение не соответствовало действительности, испытуемые имели возможность исправить его. В результате было получено 650 высказываний, которые могут быть рассмотрены как диалогические речевые акты. Первая реплика – стимульная – имеет притекстовый статус и позволяет встроить реплику информанта в коммуникацию.

Полученные реакции были разделены нами на две группы: диктумные и модусные. Разделение на диктум и модус в предложении восходит к трудам Ш. Балли, который свя-

зывает диктум с его объективным содержанием, а модус – с индивидуальной оценкой фактов. «Диктумная, пропозитивная часть дискурса имеет отношение, прежде всего, к семантике, модусная, субъективная часть, – прежде всего к прагматике» (цит. по: [Григорьева, 2007, с. 33]).

1. Диктумные высказывания связаны с жизненным опытом респондентов, например:

а) бытийные высказывания (экзистенциальные высказывания):

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но зато я **был** в кафе «Кузина»;

Я бывал в кафе «Лукошко», когда оно **было** на Малахова;

Я не был в ресторане «Ганс», но **побывал** в ресторане «РыбаРис»;

Я не был в ресторане «Ганс», но мои друзья **были**;

Я не заходил в «Арт-кафе», но слышал, что кафе **находится** на окраине города;

б) высказывания, связанные с действиями субъектов (акциональные высказывания):

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но мой брат **планирует** там провести свадьбу;

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но **читал** отзывы;

в) высказывания, связанные с восприятием субъектов (перцептивные высказывания):

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но **слышал** о банкетном зале «Ползуновъ»;

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но теперь **слышал**;

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но **видел** в соцсетях;

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но **видел** его.

В данных примерах стимульная реплика выступает в качестве темы высказывания, а реплика воспринимающего субъекта становится ремой, поскольку сообщает новое о предмете речи. По справедливому утверждению Л.Г. Ким, «под воздействием стимульных дискурсивных единиц испытуемый воссоздает коммуникативное зада-

ние, декодируя текстовые элементы (позиция слушающего), и затем, владея стратегией порождения, создает высказывание (позиция говорящего)» [Ким, 2012, с. 11]. Отталкиваясь от заданной стимульной репликой темы, говорящий / пишущий достраивает высказывание, используя при этом предикаты с различной временной соотносительностью – настоящего будущего, прошедшего времени, кроме того, встречаются высказывания с глаголами в сослагательном наклонении.

2. Модусные высказывания, включающие в себя дополнительные коннотации, могут быть следующих видов:

а) высказывания с позитивной оценкой:

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но слышал, что там отличное кафе;

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но друзья хвалят это кафе;

Я не был в ресторане «Ганс», но там восхитительно;

Я не был в ресторане «Ганс», говорят, что там вкусно;

б) высказывания с негативной оценкой:

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но обслуживающий персонал оставляет желать лучшего;

Я не был в ресторане «Ганс», но говорят, что там ужасное обслуживание;

в) высказывания со смешанной оценкой:

Я был в ресторане «Ганс», но остался им недоволен, еда была приготовлена не лучшим образом, однако, несмотря на это, персонал со своей работой справлялся очень хорошо.

Отметим, что высказывания с положительной оценочной модальностью преобладают. Кроме того, существует следующая закономерность: негативные высказывания основываются на личном опыте говорящих, а позитивные чаще всего являются развертками дискурса онима, не основанными на фактическом знании.

Наши наблюдения позволяют утверждать, что онимическое высказывание-тема задает направление развертывания дискурса онима в следующих областях, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов:

а) область событий актуализирует **событийные высказывания (состояние, локация, действие)** (был, бывал, проходил):

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но несколько раз проезжал мимо на маршрутке;

Я не был в ресторане «Ганс», но я слышал о нем;

Я не заходил в ресторан «Асадор», но заходил в другой;

Я не заходил в ресторан «Асадор», но проходил рядом с ним;

Я не знаю о баре-ресторане «Опера», но там проходят драки;

б) область желаний / намерений актуализирует **интенциональные высказывания (хотел бы, намереваюсь, хочу / не хочу):**

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но обязательно туда схожу после карантина;

Я не был в ресторане «Ганс», но хочу там побывать;

Я не заходил в ресторан «Асадор», но хотел бы его посетить;

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но теперь хочу услышать;

Я никогда не был в кофейне «Тициан», но и не хочу, ведь самое вкусное кофе в «Академии кофе»!

в) область сравнения актуализирует **компаративные высказывания (лучше, хуже, дешевле, очень дорого и др.):**

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но он, наверное, похож на «Вилку-ложку» своим меню;

Я не знаю о баре-ресторане «Опера», но в «Che Guevara» дешевле;

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но видел банкетный зал «Ермак»;

г) область оценки актуализирует **оценочные высказывания** – позитивные, негативные (*понравилось, не понравилось, восхитительно, красиво, комфортно, ужасно, название мутное, прекрасная атмосфера*), смешанные:

Я был в ресторане «Ганс», но мне там не понравилось;

Я не заходил в «Арт-кафе», но слышал, что это хорошее кафе;

Я не заходил в «Арт-кафе», но слышал, что там приятная атмосфера;

Я знаю о баре-ресторане «Опера», но мне там не понравилось;

Я не заходил в бар-ресторан «Сова», но говорят, что там ужасно;

Я никогда не был в кофейне «Тициан», но говорят, это лучшая кофейня;

д) область атрибуции актуализирует **атрибутивные высказывания:**

Я не слышал о банкетном зале «Черемушки», но он достаточно популярный;

Я сам не бывал в ресторане «Velvet», но говорят, что там очень разнообразное меню;

Я сам не бывал в ресторане «Velvet», но говорят, что это стоящее место;

Я не заходил в бар-ресторан «Сова», но слышал, что там разнообразная кухня;

е) область фоновых знаний актуализирует **фреймовые высказывания** (в том числе сообщение информации о месте нахождения, меню заведения, особенностях его интерьера и пр.):

Я не заходил в бар-ресторан «Сова», но знаю, что он работает до утра;

Я не заходил в бар-ресторан «Сова», но знаю, что есть такая птица;

Я никогда не был в кофейне «Тициан», но я знаю, есть такой художник;

Я никогда не был в кофейне «Тициан», но знаю о их живописи;

Я никогда не был в кофейне «Тициан», но хорошее место с шикарным видом на город, правда, там дороговато, но это того стоит;

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но, видимо, оно для детей;

Я никогда не бывал в кафе «Лукошко», но, наверное, там многие блюда из грибов.

Полученные данные лингвистического эксперимента (ЛЭ-3) указывают на то, что развертывание диалогов происходит как приращение смыслов, при этом были зафиксированы и индивидуальные реакции-высказывания, и многочисленные стереотипные, повторяющиеся реакции. Достираивание диалогов происходит с разной степенью подробности – от одного слова до словосочетания и целостной предикативной конструкции. Совпадающие реплики свидетельствуют о стереотипности восприятия онимического выс-

казывания, единичные реплики-реакции связаны, по нашему мнению, с личностными смыслами реципиентов, их субъективным восприятием и опытом.

В результате анализа материалов ЛЭ-3 были обозначены области, связанные с когнитивной деятельностью реципиентов (см. рисунок).

Дискурсивное поле онима, согласно нашим наблюдениям, образуется в процессе вовлечения онима в высказывания контактной (диалог) и неконтактной (монолог) природы, при этом дискурс онима объединяет в себе эксплицируемые (воспроизводимые) и неэксплицируемые (латентные) смыслы, связанные с невербализуемыми представлениями и отражающими как личностный (индивидуумный), так и коллективный (социальный) опыт, то есть фоновые знания об ониме. Без владения фоновыми знаниями невозможно адекватное восприятие и понимание дискурса онима. Личностные смыслы придают ониму субъективную окраску, которая выявляется в процессе коммуникации.

Построение высказывания вариативно и многовекторно. Стимул может актуализировать различные области когнитивной деятельности реципиентов и провоцировать высказывания различной природы (см. таблицу). Развертывание текста во многом зависит от ключевого слова – стимула, которым выступает оним, становящийся основой для дальнейшего высказывания – реакции.

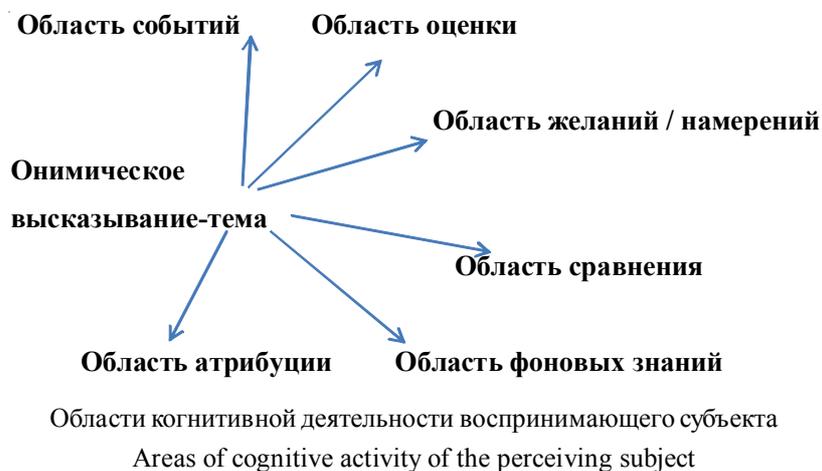
Реакции поделены на 2 группы – диктумные и модусные. Среди диктумных реакций зафиксированы экзистенциальные, перцептив-

ные и акциональные. Последние включают описание физических, ментальных и коммуникативных действий. Модусные реакции связаны с прагматическим содержанием высказываний, они основаны на индивидуальной оценке фактов и могут быть оценочными, атрибутивными, интенциональными, компаративными и фреймовыми (подробное описание представлено в таблице).

Заключение

Проведенный лингвистический эксперимент доказал, что имя собственное представляет собой свернутый текст (текст-компрессив), который может быть развернут в процессе коммуникации, образуя при этом не единственно возможный дискурс, а неограниченное множество дискурсов, включенных в дискурсивные практики носителей языка.

Моделируемые в ходе эксперимента реплики адресатов позволили определить виды когнитивных структур, актуализирующихся при восприятии имени собственного. В результате были обозначены следующие области когнитивной деятельности реципиентов: событий; желаний / намерений; сравнения; оценки; атрибуции; фоновых знаний. При этом стимульная реплика актуализировала различные области когнитивной деятельности реципиентов и провоцировала высказывания разной природы: событийные, интенциональные, компаративные, оценочные, атрибутивные и фреймовые.

Виды реакций и характеристика порождаемого высказывания

Types of reactions and distinguishing features of a produced statement

Вид реакций	Характеристика порождаемого высказывания			
	Тип высказывания		Лексические маркеры	Примеры
Диктумные реакции	Экзистенциальные		<i>Есть, быть, находиться, существовать</i> и др.	<i>Там были мои друзья; Был во множестве других ресторанов; Мои знакомые там бывали; Находится в центре</i>
	Акциональные	Физические действия	<i>Идти, ехать, делать, выполнять</i> и др.	<i>Проходил мимо него; Заходил на задний двор; Там проводят праздники</i>
		Ментальные действия	<i>Думать, знать, полагать, надеяться</i> и др.	<i>Предполагаю, что там красиво; Думаю, что следующий день рождения пройдет именно там; Думаю, там вкусно готовят; Знаю, где он находится</i>
		Коммуникативные действия	<i>Говорить, рассказывать, читать, обсуждать, советовать</i> и др.	<i>Мне много про него рассказывали; Говорят, там очень вкусно; Читал отзывы; Мне советовали туда сходить</i>
	Перцептивные		<i>Видеть, слышать, чувствовать, пробовать, любить</i> и др.	<i>Ничего о нем не слышал; Слышал о прекрасной атмосфере этого заведения; И попробовал вкусный бизнес-ланч; Видел, что там есть скидки</i>
Модусные реакции	Оценочные	Позитивная оценка	<i>Хороший</i> и его синонимы	<i>Наверно, оно хорошее; Мне понравилось; Там хорошие блюда; Это лучшее место в своем роде; Там прекрасная кухня</i>
		Негативная оценка	<i>Плохой</i> и его синонимы	<i>Мне там не понравилось</i>
		Смешанная оценка	<i>Хороший</i> (и его синонимы) и <i>плохой</i> (и его синонимы)	<i>Выбор блюд ограничен, однако они очень вкусные</i>
	Атрибутивные		<i>Интересный, приятный, разнообразный</i> и др.	<i>Там дорогой ассортимент; Там низкие цены и отзывчивый персонал; Там разнообразное меню; Там безупречный чизкейк; Там очень вежливые официанты; Там оригинальное оформление зала и вкусная еда</i>
	Интенциональные		<i>Хотеть, желать, намереваться, планировать</i> и др.	<i>Хотел бы туда заглянуть; Собирался сходить в ресторан «Ганс»; Хочется побывать</i>
	Компаративные		<i>Лучше, хуже</i> и др.	<i>Он, наверное, похож на «Вилку-Ложку» своим меню; Но в «Che Guevara» дешевле</i>
	Фреймовые (актуализируют фоновые знания)		Определенных маркеров нет	<i>Я наткнулся на хорошие отзывы в интернете; Там очень часто проводятся мероприятия, из-за чего очень сложно туда попасть; Он известен своей красотой; По его названию я не могу представить ничего престижного; Атмосфера там что надо; Дизайн кафе выполнен в стиле модерн; Там много арт-картин</i>

Имя собственное встраивается в дискурсивные практики носителей языка и в процессе развертывания актуализирует любые из своих значений: лексическое, энциклопедическое, коннотативное, эмоционально-оценочное и пр., включая субъективные личностные смыслы и комплекс фоновых знаний коммуникантов. Позиция адресата при этом представляется как диалогическая – направленная на интерпретацию и оценку имени собственного. Данная позиция воспринимающего субъекта проявляется в том, что адресат словно вступает в диалог с номинатором-создателем имени собственного, актуализируя в процессе развертывания онима различные аспекты его семантики, производя его оценку и встраивая оним в создаваемые тексты-дискурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аругюнова Н. Д., 1977. Номинация, референция, значение // Языковая номинация : Общие вопросы. М. : Наука. С. 188–206.
- Астафьева И. А., 1996. Способы номинации в речевой ситуации города: на материале ойкодомонимов г. Омска : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 19 с.
- Ахметова М. В., 2022. Неофициальные монументонимы: к определению ономастического статуса // Вопросы ономастики. Т. 19, № 3. С. 195–220. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.037
- Вайрах Ю. В., 2019. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования : монография. М. : ИНФРА-М. 96 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1009763>
- Гак В. Г., 1998. Языковые преобразования. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 768 с.
- Голев Н. Д., 1972. О принципах номинации и методе их исследования // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5. Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск : Изд-во ТГУ. С. 94–99.
- Голев Н. Д., 1981. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск : Изд-во ТГУ. С. 17–28.
- Голомидова М. В., 1998. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та. 232 с.
- Горбаневский М. В., 1994. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : дис. ... д-ра филол. наук. М. 432 с.
- Горяев С. О., 2000. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 20 с.
- Горяев С. О., Бугешу А. 2018. Коммерческое имя в мировой ономастике: современное состояние // Коммуникативные исследования. № 3 (17). С. 276–290.
- Горяев С. О., Полякова И. Г., 2023. Коммерческий ономастикон в сфере суррогатного материнства // Вопросы ономастики. Т. 20, № 1. С. 183–201. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.011
- Григорьева В. С., 2007. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. 288 с.
- Емельянова А. М., 2007. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 24 с.
- Ким Л. Г., 2012. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Кемерово : Изд-во Кемер. гос. ун-та. 272 с.
- Козлов Р. И., 2000. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 151 с.
- Крюкова И. В., 2004. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград. 40 с.
- Максимов В. О., 2015. Русский фамильный антропоним как свернутый текст и его лексикографическое описание // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 4. С. 83–89.
- Носенко Н. В., 2007. Названия городских объектов г. Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 22 с.
- Позднякова Е. Ю., 2021а. К вопросу о дискурсивной теории ономастики // Культура и текст. № 1 (44). С. 245–261. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-1-245-261
- Позднякова Е. Ю., 2021б. Экспериментальное исследование дискурсивного поля имени // Вопросы журналистики, языкознания, педагогики. Т. 40, № 4. С. 534–544. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-4-534-544
- Позднякова Е. Ю., 2022. Дискурсивный эксперимент как способ актуализации дискурса онима // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21,

- № 5. С. 155–166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.14>
- Потебня А. А., 1999. Полное собрание трудов : Мысль и язык. М. : Лабиринт. 300 с.
- Романова Т. П., 2020. Ивентоним как рекламно-информативный тип имени собственного // Вопросы ономастики. Т. 17, № 2. С. 220–240. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.025
- Рут М. Э., 2008. Образная номинация в русской ономастике. М. : УРСС. 192 с.
- Самсонова Е. С., 2012. Концепция системы эргонимов иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города // Вестник науки Сибири. № 4 (5). С. 247–251.
- Способы номинации в современном русском языке, 1982. М. : Наука. 298 с.
- Степовая О. А., 2014. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы // Филология и человек. № 4. С. 127–130.
- Степыкин Н. И., 2021. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 53 с.
- Суперанская А. В., 1973. Общая теория имени собственного. М. : Наука. 366 с.
- Трифонова Е. А., 2006. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 18 с.
- Шимкевич Н. В., 2002. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 22 с.
- Щербак Т. В., 2009. Искусственная номинация коммерческих предприятий (на материале тюменских наименований) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень. 23 с.
- Языковая номинация : Виды наименований, 1977. М. : Наука. 359 с.
- Akhmetova M.V., 2022. Neofitsialnye monumentonimy: k opredeleniyu onomasticheskogo statusa [Unofficial Monumentonyms: Towards the Definition of Their Onomastic Status]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 19, no. 3, pp. 195–220. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.037
- Vayrakh U.V., 2019. *Ergourbonimiya goroda Irkutsk: strukturno-semanticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty issledovaniya: monografiya* [Ergourbonyms of City Irkutsk: Structural-Semantic and Linguaculturological Aspects of the Research. Monograph]. Moscow, INFRA-M Publ. 96 p. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1009763>
- Gak V.G., 1998. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow, Shk. «Yaz. rus. kultury». 768 p.
- Golev N.D., 1972. O printsipakh nominatsii i metode ikh issledovaniya [On the Principles of Nomination and the Method of Their Research]. *Materialy nauchnoy konferentsii, posvashchennoy 50-letiyu obrazovaniya SSSR. Vyp. 5. Lingvistika. Teoreticheskiye voprosy russkogo yazyka I ego govorov* [Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Formation of the USSR. Iss. 5. Linguistics. Theoretical Issues of the Russian Language and Its Dialects]. Tomsk, Izd-vo TSU, pp. 94–99.
- Golev N.D., 1981. O nekotorykh obshchikh osobennostyakh printsipov nominatsii v dialektnoy leksike flory i fauny [On Some General Features of the Nomination Principles in the Dialect Vocabulary of Flora and Fauna]. *Russkie govory Sibiri* [Russian Dialects of Siberia]. Tomsk, Izd-vo TSU Publ., pp. 17–28.
- Golomidova M.V., 1998. *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoy onomastike* [Artificial Nomination in Russian Onomastics]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta. 232 p.
- Gorbanevskiy M.V., 1994. *Russkaya gorodskaya toponimiya: problemy istoriko-kulturnogo i sovremennogo leksikograficheskogo opisaniya: dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian Urban Toponymy: Problems of Historical and Cultural Study and Modern Lexicographic Description. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 432 p.
- Goryayev S.O., 2000. *Nominativnye intentsii subyekta onomasticheskoy nominatsii (na materiale russkikh pragmonimov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Nominative Intentions of the Subject of Onomastic Nomination (Based on the Material of Russian Pragmonyms). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg. 20 p.
- Goryaev S.O., Bugeshu A., 2018. *Commercheskoie imya v mirovoi onomastike: sovremennoye sostoyaniye* [Commercial Name in Global

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1977. Nominatsia, referentsiya, znachenie [Nomination, Reference, Meaning]. *Yazykovaya nominatsiya: Obshchie voprosy* [Language Nomination. General Questions], Moscow, Nauka Publ., pp. 188–206.
- Astafieva I.A., 1996. *Sposoby nominatsii v rechevoy situatsii goroda: na materiale oikodomonimov g. Omska: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Methods of Nomination in the Colloquial Situation of a City: On the Material of Oikodomonyms of Omsk. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 19 p.

- Onomastics: Contemporary Situation]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], no. 3 (17), pp. 276-290.
- Goryaev S.O., Polyakova I.G., 2023. Kommercheskiy onomastikon v sfere surrogatnogo materinstva [Commercial Names in the Field of Surrogacy Motherhood]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 20, no. 1, pp. 183-201. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.011
- Grigorieva V.S., 2007. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekt* [Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmalinguistic and Cognitive Aspects]. Tambov, Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta. 288 p.
- Yemelyanova A.M., 2007. *Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda (na primere nazvaniy delovykh, kommercheskiy, kulturnykh, sportivnykh obyektov g. Ufy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ergonyms in Linguistic Landscape of Polyethnic City (On the Example of Nominations of Business, Commercial, Cultural, Sportive Objects of Ufa). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Ufa. 24 p.
- Kim L.G., 2012. *Variativno-interpretatsionnoye funktsionirovaniye teksta* [Variative-Interpretative Functioning of the Text]. Kemerovo, Izd-vo Kemer. gos. un-ta. 272 p.
- Kozlov R.I., 2000. *Ergourbonimy kak noviy razryad gorodskoy onomastiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Ergourbonyms as a New Kind of Urban Onomastics. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 151 p.
- Kryukova I.V., 2004. *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Advertising Name: From Invention to Precedent. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 40 p.
- Maksimov V.O., 2015. Russkiy familnyy antroponim kak svernutyy tekst i yego leksikograficheskoe opisaniye [Russian Family Anthroponym as a Collapsed Text and Its Lexicographic Description]. *Vestnik RUDN. Seria: Russkiy i inostranniy yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of RUDN. Series of Russian and Foreign Languages and Methods of Their Teaching], no. 4, pp. 83-89.
- Nosenko N.V., 2007. *Nazvaniya gorodskikh obyektov Novosibirska: strukturno-semanticheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Proper Names of City Objects of Novosibirsk: Structural-Semantic and Communicative-Pragmatic Aspects. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Novosibirsk. 22 p.
- Pozdnyakova E. Yu., 2021a. K voprosu o diskursivnoy teorii onomastiki [On the Question of the Discursive Theory of Onomastics]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], no. 1 (44), pp. 245-261. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-1-245-261
- Pozdnyakova E. Yu., 2021b. Eksperimentalnoye issledovaniye diskursivnogo polya imeni [Experimental Study of the Discursive Field of a Proper Name]. *Voprosy zhurnalistiki, yazykoznaniya, pedagogiki* [Issues in Journalism, Education, Linguistics], vol. 40, no. 4, pp. 534-544. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-4-534-544
- Pozdnyakova E. Yu., 2022. Diskursivnyy eksperiment kak sposob aktualizatsii diskursa onima [Discursive Experiment as a Method of Onym Discourse Actualization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 5, pp. 155-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.14>
- Potebnya A.A., 1999. *Polnoye sobraniye trudov: Mysl i yazyk* [The Complete Works. Thought and Language]. Moscow, Labirint Publ. 300 p.
- Romanova T.P., 2020. Iventonim kak reklamno-informativnyy tip imeni sobstvennogo [Eventonym: A Specific Type of Advertising Proper Name]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 17, no. 2, pp. 220-240. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.025
- Rut M.E., 2008. *Obraznaya nominatsiya v russkoy onomastike* [Metaphorical Nomination in Russian Onomastic]. Moscow, URSS Publ. 192 p.
- Samsonova E.S. 2012. Kontseptsiiya ergonimov inoyazychnogo proiskhozhdeniia v kommunikativnom prostranstve goroda [The Conception of System of Ergonyms of Foreign Origin in the Communicative Space of the City]. *Vestnik nauki Sibiri* [Journal of Science of Siberia], no. 4 (5), pp. 247-251.
- Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke* [Methods of Nomination in modern Russian], 1982. Moscow, Nauka Publ. 298 p.
- Stepovaya O.A., 2014. Imia sobstvennoye kak svernutyy tekst: k postanovke problemy [Proper Name as a Collapsed Text: To the Problem Statement]. *Filologia i chelovek* [Philology and a Person], no. 4, pp. 127-130.
- Stepykin N.I., 2021. *Rechevoye deystviye kak psiholingvisticheskiy mekhanizm porozhdeniya i aktualizatsii smysla: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Speech Action as a Psycholinguistic Mechanism of Generation and Actualization of Meaning. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 53 p.
- Superanskaya A.V., 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Name]. Moscow, Nauka Publ. 366 p.

Trifonova E.A., 2006. *Nazvaniya delovykh ob'ektov: semantika, pragmatika, poetika (na materiale russkikh i angliyskikh ergonimov)* [The Proper Names of Business Objects (On the Material of Russian and English Ergonyms. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 18 p.

Shimkevich N.V., 2002. *Russkaya kommercheskaya ergonymia: pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Commercial Ergonyms: Pragmatic, Linguistic and Cultural

Aspects. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg. 22 p.

Shcherbakova T.V., 2009. *Iskusstvennaya nominatsiya kommercheskikh predpriyatiy (na materiale tumenskikh naimenovaniy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Artificial Nomination of Commercial Enterprises (On the Material of Tyumen Names). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tyumen. 23 p.

Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniy [Language Nomination. Types of Names], 1977. Moscow, Nauka Publ. 359 p.

Information About the Author

Elena Yu. Pozdnyakova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Polzunov Altai State Technical University, Prosp. Lenina, 46, 656038 Barnaul, Russia, helena_poz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Информация об авторе

Елена Юрьевна Позднякова, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, просп. Ленина, 46, 656038 г. Барнаул, Россия, helena_poz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.12>

UDC 81-119
LBC 81.02

Submitted: 07.07.2023
Accepted: 09.10.2023

**G. GUILLAUME'S GLOTTOGENESIS IN THE FRAMEWORKS
OF GENERAL, INDO-EUROPEAN AND ROMANCE LINGUISTICS**

Part 1

Mikhail V. Zelikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. In this article, the phenomenon of linguistic glottogenesis is studied, which in G. Guillaume's psychosystematic theory is interpreted not as the oldest process of formation of a natural sound language, but as a linguistic change that took place at a short cut of the evolution "Latin – French", and in the works of his followers is considered as a "phenomenon of the development of French analyticism". The article analyzes three concepts of the word-sentence in modern linguistics (none of them coincide with the interpretation of this term in the works of G. Guillaume's followers): 1) as an undifferentiated unit, that goes back to the "diffuse syntax", which fits in with the ideas of syncretism of the "primitive" culture of A.N. Veselovsky; 2) as one-part (nominative and impersonal) sentences; 3) as situational statements that perform the function of remarks in dialogical communication. The syntactic studies of the 20th – 21st centuries have shown that the core of the Indo-European utterance is not the nominality defended by G. Guillaume and his followers, but verbal predicativity (argumentative-and-predicate structure). The research into the process of the Indo-European language type evolution elicits the "pre-inflectional" character of Indo-European languages at the "initial" stage of the development, contrary to Guillaume's basic position. Empirical evidence suggests that, synthetism and analyticism, not being the main characteristics in typological classification, are shown to explicate its two types – inflectional and agglutinative. In the history of Indo-European languages, in addition to the shift from synthetic constructions to analytical ones, there was often a reverse process as well.

Key words: glottogenesis, Indo-European studies, Romance studies, French, Western Romance languages, analyticism, predicate-argumentative structure.

Citation. Zelikov M.V. G. Guillaume's Glottogenesis in the Frameworks of General, Indo-European and Romance Linguistics. Part 1. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 155-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.12>

УДК 81-119
ББК 81.02

Дата поступления статьи: 07.07.2023
Дата принятия статьи: 09.10.2023

**ГЛОТТОГЕНЕЗ Г. ГИЙОМА В СВЕТЕ ДАННЫХ
ОБЩЕГО, ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО И РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Часть 1

Михаил Викторович Зеликов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье характеризуется явление лингвистического глоттогенеза, трактуемое в психосистематической теории Г. Гийома не как древнейший процесс формирования естественного звукового языка, а как языковое изменение, происходившее на коротком отрезке эволюции «латынь – французский», которое в работах его последователей рассматривается как феномен развития французского аналитизма. Анализируются три понимания слова-предложения, существующие в современном языкознании, не совпадающие с трактовкой этого термина в работах последователей Г. Гийома: 1) как нерасчлененной единицы, восходящей к «диффузному синтаксису», что смыкается с идеями о синкретизме «первобытной» культуры А.Н. Веселовского; 2) как односоставных (номинативных и безличных) предложений; 3) как ситуативных высказываний, функционирующих в виде реплик диалогического общения. Показано, что в синтаксических исследованиях XX–XXI вв. ядром индоевропейского высказывания признается не отстаиваемая Г. Гийомом и его последователями номинальность, а глагольная предикативность (аргументно-предикатная структура). Рассмотрение процесса эволюции индоевропейского языкового типа позволяет говорить о том, что, вопреки основному положению Гийома, на «начальном» этапе развития индоевропейских языков он был «дофлективным». С опорой на эмпирические данные продемонстрировано, что синтетизм и аналитизм, не будучи основными характеристиками типологической классификации, эксплицируют два ее типа – флективный и агглютинативный. Утверждается, что в истории индоевропейских языков, помимо смены синтетических конструкций на аналитические, часто имело место и обратное развитие.

Ключевые слова: глоттогенез, индоевропеистика, романистика, французский язык, западнороманские языки, аналитизм, предикатно-аргументная структура.

Цитирование. Зеликов М. В. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания. Часть 1 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 155–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.12>

Введение

Общеизвестно, что глоттогенез (то есть «языка происхождение») используется как термин, обозначающий процесс становления (формирования) человеческого естественного звукового языка, отличного от других знаков (около 100 тыс. лет назад до образования макросемей, то есть 40–30 тысяч лет назад), предполагающий изучение вероятных путей становления (формирования) основных языковых категорий [Иванов, 1990, с. 108]. Как реконструкция «начал языка в целом», глоттогенез составляет одну из основных задач, решаемых палеонтологией языка [Иванов, 1990, с. 108] и, в частности, палеонтологией речи. Дополнительную значимость здесь при рассмотрении этого вопроса имеет обращение к идеям Л.С. Выготского о процессе создания внутренней речи, то есть палеонтологического механизма, лежащего в основе глоттогонического процесса формирования языка. По мнению В.С. Библера, эти идеи «сформированные как психологические... по существу... являются логическими» [Библер, 1975, с. 157]. Согласно Выготскому, главной особенностью внутренней речи, составляющей ее смысловую сторону и выступающей как средство трансформации мысли, является сокращен-

ный, свернутый, предельно предикативный (сливающий логический субъект-подлежащее и сказуемое) синтаксис [Выготский, 1934, с. 271], предполагающий диалогическое отношение (S1 → S2) [Библер, 1975, с. 55]. Это положение Выготского, представляющее развитие «мышление → речь → язык» резко противопоставлено основному постулату теории Г. Гийома о «языке как саморазвивающейся системе», определившему основное направление работ его последователей. Их внимание сосредоточено и на обосновании статуса французского как языка, находящегося на вершине индоевропейского глоттогенеза, что также восходит к одному из гипотетических положений Гийома.

Данное исследование будет опубликовано в двух частях. В первой части статьи, посвященной анализу изучения в современной психосистематике особенностей глоттогенетического процесса, рассматриваются три следующие проблемы: 1) глоттогенез Г. Гийома в контексте понятия «слово-предложение» в современном языкознании; 2) глагольная предикативность как ядро предикативного высказывания; 3) этапы эволюции индоевропейского языкового типа. Во второй части статьи будут рассмотрены две другие проблемы: 4) об аналитизме и синтетизме как фазах единого цик-

ла языковой эволюции; 5) о французском аналитизме в свете данных индоевропеистики и романской диалектологии.

Результаты и обсуждение

1. Глоттогенез Г. Гийома в контексте понятия «слово-предложение» в современном языкознании

Автор теории о ментальном и абстрактном характере языковой системы как саморазвивающейся «системы систем» [Становая, 2016, с. 51; Fuchs, Goffic, 1992, p. 42] Г. Гийом рассматривает французский как язык, находящийся на вершине индоевропейского глоттогенеза [Guillaume, 2005, p. 116]. Основываясь на этом положении, его последователи определяют глоттогенез как языковое изменение, имевшее место лишь на коротком отрезке эволюции – на этапе преобразования латинского языка в французский. Определены и границы этого преобразования. «Начальным этапом» объявляется латинское «слово-предложение», а «конечным» – «готовая единица» – французское слово – «феномен развития французского аналитизма» [Становая, 2013]. Экспликацией последнего является «вычленение или выделение грамматического форманта, выражающего логические лицо, выносимое за пределы синтетической формы: фр. *Il y a* ← лат. *ornat*» [Становая, 2013].

Это психосистематическое осознание значения термина «глоттогенез» неоправданно и уязвимо по многим очевидным причинам. Так, хорошо известно, что истоки собственно индоевропейского глоттогенеза датируются ранним праиндоевропейским периодом (4500–4000 гг. до н. э.) [Герценберг, 2010, с. 230], и начинать эволюцию с латыни (одного из языков италийской подгруппы, носители которых появились на Апеннинах в 1500–1000 гг. до н. э.) [Герценберг, 2020, с. 231], безусловно, некорректно. Рассуждать здесь можно лишь о французском глоттогенезе как об одном из вариантов, связанных с разрушением флексии, то есть феномена, общего для всех романских языков. Гийомовский «глоттогенез», таким образом, касается лишь последнего этапа эволюции. Ему предшествовали 2 этапа: синкретический (существование «безотноситель-

ных корней» типа *Nomenverba / Verbalnomina* В. фон Вундта и А.А. Потебни) и агглютинирующий (присоединение к корням отдельных слов, терявших свое самостоятельное значение Ф. Боппа).

В современном языкознании существует несколько трактовок слова-предложения (слова-фразы). **Одно из них** восходит к «диффузному синтаксису», предполагающему существование нерасчлененных единиц [Якушин, 1984, с. 84] и сложившемуся на основе идей Н.Я. Марра (в свою очередь опиравшегося на наследие Ф. Гегеля и А.Н. Веселовского) [Chown, 2005, p. 78], а позднее заимствованное у Марра Л. Теньером [Вельмезова, 2007, с. 157]. Речь идет о языковых единицах, совмещающих номинативную и коммуникативную функции в инкорпорирующих языках [Ахманова, 1969, с. 425], отображающих нерасчлененный процесс (состояние или действие). Ср. чукотск. *Н'эг-ны ы'лы-лг-ы-гь*, букв. «Гора снегорастаяла», то есть «На горе растаял снег» [Недялков, 1982, с. 139]¹. Баскская личная глагольная форма *dakit* «я знаю», букв. «это знаю я» (*da* – маркер 3-го л. ед. ч., *-ki* – корень глагола *jakin* «знать», *-t* – маркер 1-го л. ед. ч.) типологически напоминает ирландские агглютинированные комплексы типа *notbersa* «я тебя отнесу» (*no* – приглагольная частица, *-t* – инфигированное местоимение 2-го л. ед. ч., *ber* – «отнесу», *sa* – усиленное местоимение 1-го л. ед. ч.) [Ярцева, 1954, с. 8]. По мнению исследовательницы, грамматические черты ирландского, возможно, значительно контрастируют с индоевропейским типом, в особенности современных аналитических европейских языков. В их числе «инфиксация и суффиксация местоимений – одна из черт агглютинативной тенденции, отмечаемой также в скандинавских германских языках, объединяющая тех с финно-угорскими» [Кузьменко, 2012, с. 285], субстратное влияние которых также неоднократно отмечалось и для (древне)ирландского [Серебрянников, 1974, с. 77–78]. Кеттск. *батаб-таг* «я вытаску это», букв. «мое-вытаскивание-этого», типологически сходное с личными глагольными формами, развившимися из притяжательных конструкций с местоимениями в индоевропейском [Иванов, 1980, с. 187]². В этом же ряду – «слова-фразы» в романских

языках. Помимо хорошо известных французских моделей со вставленными «посторонними элементами» типа *tu ne l'a pas laisse* («ты его не оставил») [Мейе, 1938, с. 360] и португальских тмесисов типа *dou-lhos* «я ему их даю» и *falar-te-ei* «скажу тебе» (букв. «говорить-тебе-имею»), это иберо-романские формы с интеркаляцией обоих местоименных актантов типа диал. леонск. *Non a te lu crer* «они тебе в этом поверят», *se lo tu quiseres* «если это ты захочешь», араг. *Yo lo te decie* «я это тебе говорил» [Зеликов, 1988, с. 131] и старокатильские формы футурума с инфигированным местоимением типа *dart'he* (= *te daré*) (LBA, 965 bcd).

Другое понимание слова-предложения связывается с однокомпонентными безличными предложениями типа рус. *Морозит; Светает; Тошнит* (всегда кого-то). Сюда же можно отнести и номинативные предложения (*Зима; Ночь*), также имеющие компрессивную природу, но уже не требующие восстановления. От них следует отличать компрессивные одночленные предложения, совпадающие с номинативными по форме, но не являющиеся ими и не существующие самостоятельно, а в тесной связи (синтаксически и по смыслу) с предшествующим контекстом [Мещанинов, 1982, с. 255–256]. Ср.: *Об одном только жалею: годы...*

Третья трактовка связана с функционированием речевых образований, то есть высказываний, не укладывающихся в обычную схему предложения и функционирующих как реплики в процессе диалогического общения. Структурно-семантическая схема этих единиц обязательно включает модально-коммуникативный аспект, проявляющийся, прежде всего, в интонации. Они соотносены с конкретной ситуацией, то есть **ситуативны** [Гак, 1990, с. 90] и, противопоставленные развернутым высказываниям, компрессивны: используя в беглой диалогической речи они имеют сокращенный вид [Ахманова, 1969, с. 94]. Ср.: *Хорошо?* (вопросительное слово-предложение); *Верно; Конечно* (модально-ответные слова-предложения); *Разве?; Едва ли!* (модально-экспрессивные слова-предложения); *Нет* (← *не есть*), *неправда* (← *это не есть правда*) (отрицательные слова-предложения); *Красота!* (эмоционально-оценочное слово-

предложение) и др. [Ахманова, 1969, с. 425]. Здесь же – «усеченные» повелительные предложения: *В поход!* (← *выступайте в поход!*) [Мещанинов, 1982, с. 255]. Особняком в этом императивном ряду стоят слова-предложения, используемые вместо субстантивных терминов. Так, в итальянском, для обозначения бабочек существует *bassatièrra*, букв. «спуститься к земле», в Лигурии и в Верхней Италии – *cala-bassa*, букв. «сядь ниже», на Сицилии – *luci-luci-picuraru* «свети, свети, пастух»; в Пьемонте – *Maria-vula* «Мария-лети», в Венеции – *Maria svolla via* «Мария, лети (отсюда)!», в провинции Аквила – уже стянувшееся в одно слово *mariòla* «Мария, лети»; на севере Сардинии – *vola-vola* «лети-лети», в Калабрии – *vola-volèlla* [Зеликов, 2018, с. 74].

2. Глагольная предикативность как ядро предложения-высказывания

В рамках гийомовского «глоттогенеза» под словом-предложением понимаются личные формы глагола, то есть «связанные формы, составляющие одно слово, содержащие наиболее употребительную форму предложения “деятель-действие”» [Блумфилд, 1968, с. 181]. Речь идет только о глагольном предложении, единственным существенным и постоянным элементом которого является глагол, заключающий в себе указание на лица и числа и потому оказывающийся самодовлеющим: лат. *Uenio, uenis, uenimus* «прихожу, приходишь, приходим» и т. д. могут каждое в отдельности составлять целое предложение [Мейе, 1938, с. 367]. Это, однако, не исключает их естественной возможности входить в состав более развернутых предложений-высказываний в качестве глагольно-предикатного компонента: *Петр приходит в Рим*. От инкорпорирующего и агглютинирующего типов этот тип слов-предложений, помимо необязательной самодостаточности, отличается способностью указывать на процесс, предполагающий только одну предикатно-субъектную структуру («деятель – действие», шире – «участник процесса – процесс», ср. *(он спит)*), а от компрессивных слов-предложений третьего типа – отсутствием не только самодостаточности, но и ситуативности. Однокомпонентные безличные предложения, будучи

также самодостаточными, указания на деятеля или участника процесса в своей структуре не содержат, как и все безличные образования. Таким образом, основной признак действительных слов-предложений – самодостаточность, исключающая возможность их вхождения в состав развернутого предложения в качестве глагольно-предикатных компонентов. В отличие от инкорпорирующего / агглютинативного, модально-коммуникативного и безличного / именного типов, модели последнего типа, участвуя в построении простого предложения в качестве односоставного сказуемого, не являются самодостаточными и при функционировании в качестве слов-предложений. Так, формы 3-го л. ед. ч., вне зависимости от наличия / отсутствия маркера, указывающего на лицо, всегда требуют пояснения и избыточными, следовательно, не становятся. Ср. лат. *venit*, рус. *приходит*, итал. *viene*, которые на родовые различия сами по себе не указывают и обязательно предполагают связь с дифференцирующими их формами местоимений: *он / она приходит*. Направленная на актуализацию сообщаемого предикативность, которая соотносит содержание предложения с действительностью, выражается в категориях модальности, времени и лица и создается сочетанием структурно-смысловых центров предложения, обычно двух – субъекта и предиката [Золотова, 1967, с. 94]. Понимание предикативности как ядра предложения предполагает факт того, что только выражаемое глаголом сказуемое может быть самостоятельным компонентом. Остальные части речи (в том числе имена) определяются только по их связи с глаголом (а члены предложения, соответственно, по связям со сказуемым).

Весьма существенной при этом является опора на положение о том, что категории частей речи и членов предложения взаимно предполагают друг друга, исключаящее противоречие, имеющего место в условиях жесткого разделения морфологии и синтаксиса, а также «жесткого характера частей речи», закон о котором был сформулирован Г. Гийомом [Самигуллина, 2009, с. 66]. Так, уже терминологически подлежащее – *sub-jectum*, букв. «(то, что) лежит под словом», то есть некая сущность (*substantia*, существительное),

обозначаемая в структуре высказывания; сказуемое – *pre-dicatum*, букв. «(то что) сказывается (*praed-icere*)» в высказывании об этой сущности-субстанции. В современной философии «субъект» определяется как носитель предметно-практической *деятельности* и познания, источник *активности*, направленной на объект [Философский энциклопедический словарь, 1997, с. 137]. Это определение указывает, таким образом, на то, что ядром высказывания является именно *глагольная предикативность*. Это трактование предикативности, не востребованное популяризаторами Г. Гийома, всегда рассматривающими существительное как опору, а сказуемое – как вклад [Скрелина, 1999, с. 86], подтвердилось в индоевропеистике XX столетия.

Как было установлено, «три класса знаков в индоевропейских языках – местоимения, имена и глаголы... зависят друг от друга как на уровне высказывания, так и на уровне глубинных языковых структур» [Бадер, 1988, с. 203]. С расширением эмпирической базы (использование не только материала классических языков) привело: 1) к отходу от обязательного трактования именного компонента в ядре предложения в качестве главного; 2) к отказу от положения Н. Хомского о том, что каждая цепочка символов глубинного предложения включает именную составляющую, вспомогательный глагол и глагольную составляющую. Так, ведущая идея современной генеративной теории состоит в признании того, что именно ядерная синтаксическая структура (VP) предложения (а не NP *aux* VP), как это имело место в работах 70–80-х гг. [Rojas, 1977] представляет собой прямую проекцию аргументной структуры глагола (V) [Бабий, 2014] или предикатно-аргументную структуру.

Насколько свидетельствует материал древнейших индоевропейских диалектов, субъект не является главным компонентом предложения [Леман, 1988, с. 354], так как простое предложение в индоевропейском языке состояло из глагола и, в зависимости от его лексических характеристик, одного или нескольких объектов («лексические вхождения» по Ю.С. Степанову [Степанов, 1989, с. 10]). Субъект мог быть желательным, но не обязательным, но объекты (актанты, ар-

гументы) при переходных глаголах были обязательны. «К утверждению об обязательной субъектно-предикатной структуре предложения лингвисты пришли под влиянием западной логики, основанной на модели греческого предложения, когда греческий язык стал уже в значительной степени языком типа SVO» [Степанов, 1989, с. 10]. «По Готфриду Герману, каждое предложение состоит из субъекта, предиката и связи³. Однако, насколько свидетельствует материал древнейших индоевропейских диалектов... субъект не является главной компонентой предложения, особенно в языках OV-типа» [Леман, 1988, с. 354]. Исследование более ранних языков типа VSO или (S)OV ведет к заключению, что субъект является менее важным элементом предложения, чем объект, а глагол является основным элементом [Степанов, 1989, с. 10]. То же подчеркивал и А.А. Холодович: «Доминантность сказуемого лингвистически доказуема, доминантность подлежащего – нет» [Холодович, 1979, с. 298]. Как отмечают В.М. Павлов и А.Л. Сухачев, «несмотря на принципиальную допустимость двух подходов о выдвижении на роль “господствующего” члена предложения либо имени, поскольку оно отражает субстанцию (имяцентризм О. Есперсена и Г. Гийома, восходящий к категориям Аристотеля), либо глагола в качестве коммуникативного центра высказывания (Л. Теньер), для “европейского языкового стандарта” в чистом виде приемлема только вторая “вербоцентрическая” теория» [Павлов, Сухачев, 1992, с. 194]⁴.

Как отмечает также подчеркивающий зависимость имени от глагола, а не наоборот И.П. Сусов, в новейшем синтаксисе о предикате говорится по крайней мере в разных двух смыслах. Одна трактовка исходит из традиционного противопоставления субъекта и предиката как двух звеньев, на которые членится речемыслительный акт, другая опирается на представление о *предикате как конструктивно-семантическом ядре*, задающем свое окружение, в состав которых может входить определенное число членов, называемых аргументами, комплементарными, актантами или партиципантами [Сусов, 1981, с. 93]. О первостепенной важности глагола-предиката, по мнению Л.В. Щербы, свидетельствует и то, что именно он составляет рему (логический

предмет) предложения, в то время как логический субъект составляет только тему [Шевакова, 1990].

Несмотря на различия в трактовках, необходимость исследования всей субъектно-(предикатно)-объектной структуры остается неизменной. Важно только подчеркнуть, что акцент здесь всегда должен делаться на выражении *предикативности как ядра индоевропейского предложения*, потенциально осуществляемой как его именными, так и глагольными компонентами. Кроме того, как отметил А.А. Холодович: «Все то, что отображает суждение, является в предложении главным» [Холодович, 1979, с. 293]. Основываясь на фундаментальных работах А.А. Потебни, С.Д. Канцельсона, Ш. Балли, Ю.С. Степанова и других исследователей, отмечающих первостепенную важность именно синтаксической составляющей языка, В.А. Михайлов подчеркивает, что «в речемыслительной деятельности имеют место постоянные взаимодействия знака из предикативной позиции в непредикативную (т. е. в позицию номинализации и наоборот, что предполагает вербализацию). <...> Потенциально любой знак может быть как именем, так и предикатом» [Михайлов, 1992, с. 113]. При этом «любой знак есть потенциальный предикат», так как «подлинная сущность знака, проявляющаяся в его функционировании в речи, заключается в амбивалентности его сущности – в зависимости от позиции знак способен быть и именем, и предикатом» [Михайлов, 1992, с. 114], а не просто в том, что он составляет понятие, соотносящееся с полем виртуального, то есть языковое означаемое – сигнификат или номинат слова в системе языка, языковую единицу (шире – концепт) [Реферовская, 1977, с. 116], находящийся в фокусе внимания психосемантики. Последняя отделяется Гийомом от психосемиологии, в рамках которой, собственно, и рассматриваются вопросы грамматических форм знаков, участвующих в построении речи [Рыжова, 2007, с. 57].

При исследовании референциальных отношений высказывания (дискурса) особую важность имеет акцент на выявлении синтаксических отношений именно аргументной структуры с предикатно-глагольным ядром [Кибрик, 1982, с. 30]. Любые попытки заме-

нить ее на анализ жестких схем с иерархической доминантой субстантивных единиц, исключая рассмотрение функционирующих в условиях устной и письменной (дискурс = текст) коммуникации субъектно-предикатно-объектных структур, неразрывно связанных с параметрами «здесь» и «сейчас», и не учитывающих влияние контекста (ситуации, конситуации), как это имеет место в теории Г. Гийома, видятся бесперспективными.

О продуктивности внимания к определяющему уровню синтаксиса при исследовании референциальных отношений в аргументно-предикатной структуре, в частности, местоименных объектов, особенности функционирования которых зависят от глагольно-предикатного центра структуры высказывания, свидетельствуют работы И. Беллерт [Bellert, 1969, p. 172–175]. Исследованию референциальных свойств подлежащих как аргументных компонентах глагольного ядра посвящены статьи Л.Э. Кинена [Кинэн, 1982] и П. Шахтера [Шахтер, 1982]. Особая роль при выражении синтаксических (в частности, референциальных) отношений отводится референциально-ролевой грамматике Р. Ван Валина и У. Фоли, в которой исследуются прагматические свойства именных групп, играющих важную роль в обеспечении связности текста. В центре внимания грамматистов оказываются падежные, то есть именно синтаксические роли именных групп, зависящих от семантики предиката [Ван Валин, Фоли, 1982, с. 399]. Референциальная (прагматическая) структура в целом здесь понимается, естественно, как организация всех элементов простого предложения с точки зрения их роли в тексте [Ван Валин, Фоли, 1982, с. 403], а не как иерархическая зависимость глагола или прилагательного от существительного. Являясь многоуровневой, она, как отмечает А.Е. Кибрик, стремится учесть коммуникативную функцию языка, «соотношение между коммуникативной функцией, которую составляют семантические и прагматические (дискурсивные роли) факторы, и формой (синтаксические отношения) и приближает к построению глобальной модели языка» [Кибрик, 1982, с. 35–36], к созданию которой ведет, таким образом, именно синтаксис, а не теоретические построения, не находящие места синтаксическому уров-

ню в **языковой** системе. Эту же цель преследует основывающаяся на анализе аргументно-предикатной структуры и «Новая референциальная грамматика современного испанского языка» Дж. Бутта и К. Бенджамина [Butt, Benjamin, 2000].

Обозначая задачи контрастивной грамматики, В.Н. Ярцева особо отмечает определяющую роль синтаксического уровня. Выдвижение на первый план тесно связанного с понятийными и логическими категориями синтаксиса объясняется стремлением грамматистов проникнуть в содержательную сторону языка, осуществляющуюся в русле проблемы отношения языка и мышления, которая всегда (и задолго до появления лингвистического когнитивизма) была в центре внимания лучших представителей отечественного языкознания. «В историческом плане многие преобразования в морфологии... начинаются при употреблении тех или иных морфологических форм в рамках синтаксических конструкций. <...> Взаимозависимость фактов морфологии и синтаксиса неоднократно отмечалась в лингвистической науке» [Ярцева, 1981, с. 15]. Так, «при анализе связи лексических подгрупп глаголов с определенными синтаксическими построениями» [Ярцева, 1981, с. 16] выясняется, что с выбором различных грамматических моделей, отражающих те или иные конфигурации субъектно-(предикатно)-объектных отношений, связаны не только грамматические понятия подобные переходности-непереходности, но и семантические группы типа глаголов речи (говорения), чувственного восприятия и т. п. [Ярцева, 1981, с. 16].

О первостепенной важности глагольной составляющей в структуре высказывания иберо-романских языков свидетельствует и нормативное отсутствие грамматического субъектного аргумента в личных и неопределенно-личных предложениях, обычно выраженного в аналогичных русских, немецких, английских и французских структурах. Ср.: исп., порт. *digo* ≠ рус. (я) *говорю*, нем. *ich sage*, англ. *I say*, фр. *je parle*; исп. *dicen*, порт. *dizem* ≠ нем. *man sagt*, англ. *they (people) say*, фр. *on dit*. Отметим при этом, что отношение иберо-романских конструкций к односоставным предложениям не является корректным. Они двусоставны: логический субъект,

выраженный грамматической формой глагола-сказуемого, представлен и в тех случаях, когда эксплицируются личные местоимения (*Digo yo / eu* или *Yo / eu digo*). Высказывание в этом случае приобретает эмфатико-экспрессивный характер и следует говорить о составляющем третий раздел современной семиотики прагматическом факторе (подробно об этом см.: [Зеликов, 2005, с. 146–147]).

3. Этапы эволюции индоевропейского языкового типа

Обращаясь к вопросу о глоттогенезе в психосистематике, последователи Г. Гийома все изложенное выше игнорируют. Однако взявший патент на истину провозвестник «менталистской грамматики» никогда специально проблемами индоевропейистики не занимался. Так, уже ставший достоянием сравнительного языкознания 30-х гг. XX в. анатолийский (хеттский и лувийский) материал, им никогда не рассматривался⁵. В своих «индоевропейских» постулатах Гийом опирался только на общеизвестные факты греческого и латыни. Кроме того, остаются без какого-либо осмысления существенные данные, появившиеся в зарубежном (Х.К. Уленбек, М. Ван-Вейк, Х. Педерсен, Э. Ларош, А. Вайян, К. Шилдз и др.) и отечественном (Н.С. Трубецкой, С.Д. Кацнельсон, В.М. Жирмунский, М.М. Гухман, Г.А. Климов, Вяч. Вс. Иванов, Ю.С. Степанов) языкознании XX столетия и в работах современных гийомистов. Например, Л.А. Становая, рассматривая глоттогенез как эволюцию флективных («наиболее развитых») индоевропейских языков «от начального ареала к конечному» [Становая, 2013, с. 78], не учитывает впервые высказанного Б.И. Уилером в 1898 г. и давно устоявшегося положения, согласно которому «на ранних этапах своего развития индоевропейский праязык был, вероятно, изолирующим... типа китайского» [Шилдз, 1988, с. 224]. В этот «дофлективный» период основообразующих формантов (номинально-вербальных, либо прономинально-адвербиальных слов-корней) [Шилдз, 1990, с. 12]) собственно флексия еще не появилась [Adrados, 1986, p. 1]. Как отмечает К. Шилдз, «развиваясь различными путями... индоевропейский лишь постепенно пре-

вратился в язык с богатой флексией. Именно в таком качестве его обычно реконструируют на период, непосредственно предшествующий распаду индоевропейской языковой общности» [Шилдз, 1988, с. 225]. В дальнейшем (в агглютинативный период по Ф. Боппу) служебные слова, соединяясь с самостоятельными корнями, превращались в суффиксы [Савченко, 1974, с. 360]. В значимой статье «Мысли об индоевропейской проблеме» Н.С. Трубецкой, выявляя тенденции развития индоевропейского языкового типа, пришел к следующему заключению: «Если лингвисты до сих пор считали языки агглютинирующие более примитивными, чем флектирующие, то поступали они так, очевидно, только в силу эгоцентрических предрассудков, являясь сами представителями разных индоевропейских, а следовательно, флектирующих языков. Отрешившись от этих предрассудков, следует признать, что чисто агглютинирующие языки... представляют из себя гораздо более совершенное орудие, чем флектирующие» [Трубецкой, 1987, с. 57]. Одним из показателей этого является «небольшой инвентарь экономно используемых фонем» [Трубецкой, 1987, с. 57], и далее: «О том, что, вопреки утверждению индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй... представляется некоторым идеалом... свидетельствуют опыты создания искусственных языков, Ш. Балли совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее, является языком чисто агглютинативным... Между тем, обратное явление было бы немислимо... Итак, индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу... и продолжают эволюционировать все в том же направлении» [Трубецкой, 1987, с. 58–59]. Комментируя движение от флективного типа к агглютинативному, Вяч. Вс. Иванов интерпретирует его следующим образом: «В структуре древнего индоевропейского склонения и спряжения обнаруживается много проявлений агглютинации (ср. глагольные формы типа 3 л. ед. ч. повелит. накл. хетт. -t-ag-u, где за показателем 3 л. ед. ч. -t- следует примета медиопассива -г- и примета повелит. накл. -u- и т. п.). Поэтому развитие, скорее всего, происходило цикличес-

ки: от агглютинации к флексии и далее опять к агглютинации» [Комментарий, 1987, с. 419] (см. также: [Толстой, Иванов, 1957]). То же – в исследованиях 80-х гг. XX в.: «...уже одно наличие огромного числа местоименных частиц ставит под сомнение существующее представление об индоевропейском праязыке как о языке исключительно флективного строя... так как только *агглютинативной морфологии* может объясняться исходное отсутствие флексий у местоимений. Свидетельства этой морфологии многочисленны... например... агглютинативное присоединение местоимений к глаголу...» [Бадер, 1988, с. 208–209]. В этой связи особую ценность обретает замечание А. Мейе, называвшего личные местоимения современного французского языка (*je, tu, il, elle, nous, vous, ils, elles*) «словечками»⁶, которые «самостоятельно не существуют и встречаются только вместе с глаголом: таким образом, в формах *j'aime* “я люблю” или *je finis* “я оканчиваю” французский язык близок к восстановлению спряжения, но спряжения с префиксами вместо индоевропейского суффиксального спряжения» [Мейе, 1938, с. 736], а не *расчленению* на слова-предложения. Выделяя, согласно Г. Гийому, два движения, указывающие на эволюцию индоевропейских языков – нисходящее (операция анализа слова-предложения на составляющие его форманты) и восходящее (операция синтеза полученных формантов при формировании слова как новой языковой единицы), приводящих к образованию романских аналитических слов, Л.А. Становая отмечает, что «построения, сходные со словом-предложением можно встретить во многих индоевропейских языках, в том числе и современных» [Становая, 2013, с. 79–80]. При этом утверждается, что «анализ, позволяющий сделать (эти) очень существенные выводы, производится с учетом сведений, накопленных в исторической лингвистике относительно известных мертвых и живых языков» [Становая, 2013, с. 79].

Как показывают данные современной индоевропеистики, слова-предложения типа «деятель / участник процесса – действие» имеются абсолютно во всех индоевропейских языках. Это личные глагольные формы с окончаниями, восходящими к праиндоевропейским

первичным окончаниям презенса **-ti* [Семереньи, 1980, с. 250]. Например, форма 3-го л. ед. ч. презенса помимо лат. *venit* и рус. *приходит* представлена не только в индо-иранских, греческом, готском и балто-славянских [Семереньи, 1980, с. 249], но и в континентальных кельтских: кельтиб. *ropiseti, ausesti* и др.; галльск. *legat* [Калыгин, Королев, 1989, с. 65, 91] и, как можно предположить, в докельтском индоевропейском языке Пиренейского полуострова – лузитанском: *ioveat, singeiete* [Калыгин, Королев 1989, с. 69], также *rueti* [Gorochategui, 2005, p. 223]. То же – в анатolianских [Melcher, 1992]. Личные окончания глагольных форм давно рассматриваются как имеющие местоименное происхождение [Семереньи, 1980, с. 342–343; Одри, 1988, с. 87; Бадер, 1988, с. 209–210]. Окончание формы 3 л. ед. ч. преимущественно возводят к дейктическому местоимению **to-* (об этом и о других гипотезах см. выше, а также в: [Семереньи, 1980, с. 344]).

Приводя латинский пример *Petrus venit* – *Петр приходит*, где «словом-предложением выступает *venit*, а *Petrus* вынесено за его пределы и повторено в нем глагольным окончанием *-i(t)*, которое отсылает к номинативу *Petrus*» Л.А. Становая, цитируя работу Л.М. Скрелиной [2009, с. 119] и сообщая, что глагол «здесь... инцидентен сам по себе, заключая... грамматическое лицо (3 лицо)... предикат *ven-*, субъект *-(i)t*» [Становая, 2013, с. 80], далее замечает: «все то же самое можно сказать о русском языке, где... субъект действия (Петр) выражен глагольным окончанием *-ит*». При этом утверждается, что «в латинском языке... в случае добавления имени (*Petrus*) получается грамматическая избыточность» [Становая, 2013, с. 80]. С этим утверждением трудно согласиться уже по той причине, что формант *-(i)t* в латинской форме *venit* выражает просто 3-е л. ед. ч., но родовые различия (*ille* «он», *illa* «она», *illud* «оно») при этом не маркируются и формы 3-го л., в отличие от 1-го, обязательно требуют местоименной или субстантивной (нарицательной / конкретной) экспликации. Ср.: *Ille / illa / illud / Petrus / Maria / populus venit ≠ ego venio*, в котором *ego* действительно является избыточным (грамматический плеоназм по Ш. Балли), так как дальнейшая дифференциация не требуется. Это еще один пример, ука-

зывающий на недопустимость квалификации «избыточных» (лучше – «расширенных») структур как «речевых»⁷.

Что касается «граммемы лица, заключенной в личной глагольной форме», благодаря которой, как утверждает Л.А. Становая, «глагол сохраняет возможность быть словом-предложением» [Становая, 2013, с. 80], то индоевропейский формант *-t(i)*, помимо изменения в исходе слова в *-d* (ср. в древнелатинских надписях долитературного периода: *feced, kapiad, sied*, позднее *fecit, capitat, si(e)t* [Семереньи, 1980, с. 250])⁸, мог оставаться невыраженным, как это имеет место (в результате выпадения) в современных романских «словах-предложениях» этого типа. Ср.: итал. *canta* (<лат. *cantat*) «он (она, оно) поет». Форма 3-го л. без окончания отмечается прежде всего в греческой форме тематических глаголов (φέρει). То же – в балтийских (лит. *vėza*) и в славянских: серб. *несе*, болг. *носи* и др.) [Савченко 1974, с. 272]. Весьма примечательно, что глагольные формы 3-го л. ед. ч. презенса без показателя *-t-* засвидетельствованы уже в старославянском и древнерусском [Мещерский 1972, с. 185]. Как показано С.П. Обнорским, дейктическое местоимение *тъ* «это», присоединенное к глаголам, функционировало подобно определенному артиклю (ср. постпозитивный определенный артикль-член в болгарском: *жена-та*. – М. З.), показывая, что субъект действия известен, тогда как формы без *-тъ* соотносились с неопределенным субъектом [Обнорский, 1941]⁹. О раннем ослаблении и выпадении *-t* свидетельствуют данные италийской диалектологии; вольск. *facia* (<*faciat*), умбр. *habe* (<*habet*). В латыни это имело место в ранний имперский период в южной Италии, а позже в большей части Италии и в Дакии. Первые примеры этого феномена содержатся в помпейских надписях, «свидетельствующих о строе живой латинской речи» [Тронский, 1953, с. 17]. Другие появились позднее в эпоху распространения христианства в Риме и в Северной Италии: *ama* (<*amat*), *peria* (<*periat*) и др. В Галлии, Ретии и на Сардинии *-t* сохраняется, хотя в галльских надписях, сделанных каменотесами, она также отсутствует (*audivi, posui*). То же – в Хрониках Фридегария: *e* (<*et*); *capo* (<*caput*) [Grandgent, 1908, p. 120–121].

Заключение

Понятия «глоттогенез» и «слово-предложение», которыми оперируют последователи Г. Гийома, развивая одно из положений его теории, могут быть использованы только для отображения последнего этапа эволюции индоевропейского предложения (латынь → французский, а также некоторые другие романские языки), связанного с исчезновением флексии, которому предшествовало существование синкретического, а затем агглютинирующего этапов. Их особенности Гийомом и его последователями не рассматриваются. Основным ядерным центром романского, а шире индоевропейского предложения является не его именная составляющая, а глагольно-предикатный компонент. Флективность, вопреки мнению Г. Гийома, характеризует только поздний этап развития индоевропейского предложения.

Продолжение следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. русский неологизм *руконеподаваемый*, то есть человек, которому нельзя подавать руку.

² О. Семереньи отмечает «остроумную попытку» А. Вайяна объяснить «всю систему глагольного индоевропейского спряжения путем сочетания данной теории с эргативной теорией» [Семереньи, 1980, с. 344]. Так, «с абстрактными существительными на *-t-* агенс сочетался в эргативе, а с личными местоимениями – в косвенном падеже. <...> В 3-м лице выступало просто существительное **gwhen-t-i* “удар” (наносимый кем-то) = бьет» [Семереньи, 1980, с. 344]. О выражении «эргативного подлежащего» с посессивной притяжательной конструкцией, неразрывно связанной с родительным падежом, например: *Его взятие книги* (*Его книговзятие = Он берет книгу*), см.: [Качнельсон, 2001, с. 174; 2010, с. 73].

³ Роль «третьего элемента» – связи, эксплицитно или имплицитно в осуществлении связи между предикатом и субъектом в суждении, как логической форме мысли [Борзова, 2007, с. 526] в работах Г. Гийома никогда не рассматривалась.

⁴ Как отмечает В.И. Руденко, аристотелевско-средневековый («биоморфический») стиль мышления включает в себе предпосылки прежде всего философии имени [Руденко, 1992, с. 27]. «Для “новой науки”... характерно превалирование... категории движения... На месте мира, концептуализиру-

щегося главным образом в пространственных формах, с вневременной динамикой, появляется схема становления во времени...» [Руденко, 1992, с. 28]. При этом особенно важно, что «уже в работах классиков “новой науки” можно обнаружить формулировки, имеющие отчетливо предикатную “синтаксическую” направленность [Руденко, 1992, с. 29]. Очевидно, что абстрактно-имяцентрическая теория Гийома с его минимальным вниманием к синтаксису не имеет к этому никакого отношения.

⁵ В этом – причина анахронизма, пронизывающего абстрактные положения психосистематика. Например, древнейшие хеттские данные указывают на факт частого употребления местоимения 1-го л. ед. ч. [Оттен, Соучек, 1980, с. 173, 194]. Обозначение лица во фразе с личными местоимениями происходит и в «рудиментарных», с точки зрения Г. Гийома, неиндоевропейских языках, в частности в большинстве языков Дагестана (аварском, лакском, удинском, табасаранском и др.) [Трубецкой, 1987, с. 326]. Появление личного местоимения перед глагольной формой, несмотря на обязательность маркера лица, обычно в эргативной конструкции баскского: *Ni-k daramat* «Я (это) несу».

⁶ Это существенное замечание мэтра, благословившего на занятие языкознанием банковского служащего, последний как будто и не заметил: «словечки» Мейе у Гийома превратились в «опоры».

⁷ Такими же не избыточными, а полными (нормальными) являются и имеющие разное presupпозициональное (прагматическое) наполнение высказывания *Мы едим дома = Мы (а не вы и др. лица) едим дома ≠ Едим дома = Мы едим дома, а не в ресторане, кафе* и пр. [Зеликов, 2014, с. 80]. Обращение к составляющей третью часть семиотики прагматике в процессе «исследования абстрактных сущностей» [Гийом, 1992, с. 105], мало соотносимых с конкретикой фактов языков «в действии», само собой не предполагается.

⁸ То же – в древнеирландском: *berid <*bereti?* [Мейе, 1938, с. 242]. Об отпадении конечного *-d* в умбрском [Тронский 1953, с. 73].

⁹ Сторонники положения Г. Гийома об «архаической рудиментарности» безартиклевых славянских языков могли бы отнестись к этому факту с определенным вниманием. Подробнее см.: [Зеликов, 2016, с. 565].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 1969. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл. 608 с.
- Бабий Л., 2014. Синтаксис аргументной структуры. СПб. : Изд-во СПбГУ. 342 с.
- Бадер Ф., 1988. Области индоевропейской реконструкции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. : Прогресс. С. 202–223.
- Библер В. С., 1975. Мышление как творчество : (Введение в логику мысленного диалога). М. : Изд-во полит. лит. 398 с.
- Блумфилд Л., 1968. Язык. М. : Прогресс. 608 с.
- Борзова Е. П., 2007. Триадология. СПб. : СПбГУКИ. 671 с.
- Ван Валин Р., Фоли У., 1982. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 376–410.
- Вельмезова Е., 2007. Международная конференция, посвященная вопросам синтаксиса // Вопросы языкознания. № 3. С. 157–158.
- Выготский Л. С., 1934. Мышление и речь: психологические исследования. М. ; Л. : Соцэкгиз. 324 с.
- Гак В. Г., 1990. Высказывание // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 90.
- Герценберг Л. Г., 2010. Краткое введение в индоевропейистику. СПб. : Нестор История. 316 с.
- Гийом Г., 1992. Принципы теоретической лингвистики. М. : Прогресс : Культура. 224 с.
- Зеликов М. В., 2018. Баскская мифология. Опыт лингвистического анализа. СПб. : РГПУ. 235 с.
- Зеликов М. В., 2014. К вопросу о грамматической избыточности моделей с личными местоимениями в естественных языках // Герценовские чтения. Иностранные языки : материалы Всерос. межвуз. конф. (май 2014 г.). СПб. : РГПУ. С. 78–80.
- Зеликов М. В., 2005. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. СПб. : Изд-во СПбГУ. 443 с.
- Зеликов М. В., 2016. Читая Г. Гийома... // Древняя и новая Романия. СПб. : СПбГУ. С. 551–572.
- Зеликов М. В., 1988. Испано-баскские языковые параллели в произведениях Сервантеса // Сервантесовские чтения. Л. : Наука. С. 126–132.
- Золотова Г. А., 1967. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. № 6. С. 90–101.
- Иванов Вяч. Вс., 1990. Глоттогенез // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 108–109.
- Иванов Вяч. Вс., 1980. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира» // Теоретические основы классификации языков мира. М. : Наука. С. 181–207.
- Кальгин В. П., Королев А. А., 1989. Введение в кельтскую филологию. М. : Наука. 264 с.
- Кацнельсон С. Д., 2001. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М. : Яз. слав. культуры. 851 с.

- Кацнельсон С. Д., 2010. Историко-грамматические исследования. СПб. : Петербург. лингв. о-во. 419 с.
- Кибрик А. Е., 1982. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 5–36.
- Кинен Л. Э., 1982. К универсальному определению подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 236–276.
- Комментарий, 1987 / сост.: Вяч. Вс. Иванов [и др.] // Трубецкой А. С. Избранные труды по филологии. М. : Прогресс. С. 408–491.
- Кузьменко Ю. К., 2012. О причинах и путях редукции падежной системы в скандинавских языках // *Varietas delectans* : сб. ст. к 70-летию Н. Л. Сухачева. СПб. : Нестор-История. С. 284–298.
- Леман В. П., 1988. Из книги «Протоиндоевропейский синтаксис» // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. : Прогресс. С. 351–408.
- Мейе А., 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. : Госэгиз. 511 с.
- Мешанинов И. И., 1982. Глагол. Л. : Наука АН СССР. 272 с.
- Мещерский Н. А., 1972. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М. : Высш. шк. 303 с.
- Михайлов В. А., 1992. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб. : Изд-во СПбГУ. 197 с.
- Недялков В. П., 1982. Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим // Категория субъекта и объекта в языках различных типов Л. : Наука АН СССР. С. 135–153.
- Обнорский С. П., 1941. Образование глагольных форм 3 лица настоящего времени в русском языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. № 3. С. 29–48.
- Одри Ж., 1988. Индоевропейские языки // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. : Прогресс. С. 24–121.
- Оттен Г., Соучек В., 1980. Древнехеттский ритуал для царской четы // Древние языки Малой Азии. М. : Прогресс. С. 161–197.
- Павлов В. М., Сухачев А. Л., 1992. Когнитивные структуры языка (Вместо послесловия) // Михайлов В. А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 190–196.
- Реферовская Е. А., 1977. Лингвистическая концепция Г. Гийома // Вопросы языкознания. № 3. С. 113–124.
- Руденко В. И., 1992. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. № 6. С. 19–35.
- Рыжова Л. П., 2007. Французская прагматика. М. : URSS. 236 с.
- Савченко А. Н., 1974. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М. : Высш. шк. 412 с.
- Самигуллина А. С., 2009. Переосмысливая Г. Гийома, или Современная психомеханика языка и способы ее описания // Человек в зеркале языка. Кн. 4. М. : Ариадна. С. 62–78.
- Семереньи О., 1980. Введение в сравнительное языкознание. М. : Прогресс. 407 с.
- Серебрянников Б. А., 1974. Некоторые вопросы истории кельтских языков // Кельты и кельтские языки. М. : Наука. С. 72–83.
- Скрелина Л. М., 1999. Лекции по теоретической грамматике французского языка. В 2 ч. Ч. 2. СПб. : Изд-во РГПУ. 124 с.
- Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. М. : Высш. шк., 2009. 368 с.
- Становая Л. А., 2016. Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Т. 2, вып. 4. С. 50–75.
- Становая Л. А., 2013. От слова-предложения к слову, или: о развитии аналитизма французского языка // Человек и его язык : материалы XVI Междунар. конф. СПб. : Скифия. С. 76–81.
- Степанов Ю. С., 1989. Индоевропейское предложение. М. : Наука. 247 с.
- Сусов И. П., 1981. Предикат и предикация // Семантика и прагматика синтаксических единств : межвуз. темат. сб. Калинин : КГУ. С. 93–101.
- Толстой Н. И., Иванов Вяч. Вс., 1987. Послесловие // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М. : Прогресс. С. 492–519.
- Тронский И. М., 1953. Очерки по истории латинского языка. М. ; Л. : [б. и.]. 274 с.
- Трубецкой Н. С., 1987. Избранные труды по филологии. М. : Прогресс. 560 с. (Языковеды мира).
- Философский энциклопедический словарь, 1997 / ред.-сост.: Е. Ф. Губский [и др.]. М. : ИНФРА-М. 574 с.
- Холодович А. А., 1979. Проблемы грамматической теории. Л. : Наука. 304 с.
- Шахтер П., 1982. Роль и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 317–355.
- Шевякова В. Е., 1990. Тема // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 507.
- Шилдз К., 1990. Заметки о происхождении основообразующих формантов в индоевропейском языке // Вопросы языкознания. № 5. С. 12–17.
- Шилдз К., 1988. Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. : Прогресс. С. 224–250.
- Якушин Б. В., 1984. Гипотезы о происхождении языка. М. : Наука. 137 с.

- Ярцева В. Н., 1981. Контрастивная грамматика. М. : Наука. 112 с.
- Ярцева В. Н., 1954. Предисловие // Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М. : Изд-во иностр. лит. С. 3–12.
- Adrados F., 1986. Binary and Multiple Oppositions in the History of Indo-European // *Festschrift for Henry Hoenigswald*. Tübingen : Gunter Narr Verlag. S. 1–10.
- Bellert Y., 1969. Arguments Predicates in the Logico-Semantic Structure of Utterances // *Studies in Syntax and Semantics. Foundations of Language*. Vol. 10. Dordrecht : Springer. P. 34–54.
- Butt J., Benjamin C., 2000. *A New Reference Grammar of Modern Spanish*. L. : Routledge. 608 p.
- Chown E., 2005. Le motif syncrétique dans les théories grammaticales de Marr : sources, parallèles et perspectives // *Un paradigme perdu: la linguistique marriste*. P. 77–88. (Cahiers de l'ILSL ; № 20).
- Fuchs C., Goffic P. Le, 1992. *Les Linguistics contemporaines: Repères théorétiques*. P. : Hachette. 158 p.
- Gorrochategui J., 2005. La epigraffa y las lenguas paleohispánicas // *Revue des Études Anciennes*. T. 107, № 1. P. 205–224.
- Grandgent C. H. *An Introduction to Vulgar Latin*. Boston : Heath & Company, 1908. 248 p.
- Guillaume G., 2005. *Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1941–1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique : initiation et construction du mot à travers les langues*. Québec : Presses de l'Université Laval. 495 p. (Les PUL ; t. 17).
- Melcher H. C., 1992. The Third Person Present in Lydian // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 97. S. 31–55.
- Rojas N., 1977. Referentiality in Spanish Noun Phrases // *Language*. Vol. 53. P. 61–69.
- Bader F., 1988. Oblasti indoeuropeyskoy rekonstruktsii [Areas of Indo-European Reconstruction]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 21* [New in Foreign Linguistics. Iss. 21]. Moscow, Progress Publ., pp. 202–223.
- Bibler V.S., 1975. *Myshlenie kak tvorchestvo: (Vvedenie v logiku myslennogo dialoga)* [Thinking as Creativity (Introduction to the Logic of Mental Dialogue)]. Moscow, Izd-vo polit. lit. 398 p.
- Blumfeld L., 1968. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress Publ. 608 p.
- Borzova E.P., 2007. *Triadologiya* [Triadology]. Saint Petersburg, SPbGUKI. 671 p.
- Van Valin R., Foli U., 1982. Referentsialno-rolevaya grammatika [Role and Reference Grammar]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]. Moscow, Progress Publ., pp. 376–410.
- Velmezova E., 2007. Mezhdunarodnaya konferentsiya posvyashchennaya voprosam sintaksisa [An International Conference Dedicated to Syntax Issues]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 157–158.
- Vygotskiy L.S., 1934. *Myshlenie i rech* [Thinking and Speech]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ. 324 p.
- Gak V.G., 1990. Vskazyvanie [Utterance]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 90.
- Gertsenberg L.G., 2010. *Kratkoe vvedenie v indoeuropeistiku* [A Brief Introduction to Indo-European Studies]. Saint Petersburg, Nestor Istorija Publ. 316 p.
- Giyom G., 1992. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of Theoretical Linguistics]. Moscow, Progress Publ., Kultura Publ. 224 p.
- Zelikov M.V., 2018. *Baskskaya mifologiya. Opyt lingvisticheskogo analiza* [Basque Mythology. Experience of Linguistic Analysis]. Saint Petersburg, RGPU. 235 p.
- Zelikov M.V., 2014. K voprosu o grammaticheskoy izbytochnosti modeley s lichnymi mestoimeniyami v estestvennykh yazykakh [A Grammatical Redundancy of Models with Personal Pronouns in Natural Languages]. *Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki: materialy Vseros. mezhvuz. konf. (may 2014 g.)* [Herzen Readings. Foreign Languages. Proceedings of the All-Russian Interuniversity Conference (May, 2014)]. Saint Petersburg, RGPU, pp. 78–80.
- Zelikov M.V., 2005. *Kompressiya kak faktor struktury i funktsionirovaniya iberoromanskikh yazykov* [Compression as a Factor of Structure and Functioning of Ibero-Roman Languages]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 443 p.

ИСТОЧНИК

LBA – Ruíz J. Libro de buen amor. La Habana : Editorial Arte y Literatura, 1984.

REFERENCES

- Akhmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sov. entsikl. Publ. 608 p.
- Babiy L., 2014. *Sintaksis argumentnoy struktury* [Syntax of the Argument Structure]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 342 p.

- Zelikov M.V., 2016. Chitaya G. Giyoma... [Reading G. Guillaume]. *Drevnyaya i novaya Romaniya* [Ancient and New Romania]. Saint Petersburg, SPbGU, pp. 551-572.
- Zelikov M.V., 1988. Hispano-baskskie yazykovye paralleli v proizvedeniyakh Servantesa [Spanish-Basque Language Parallels in the Works of Cervantes]. *Servantesovskie chteniya* [Cervantes Readings]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 126-132.
- Zolotova G.A., 1967. O strukture prostogo predlozheniya v russkom yazyke [About the Structure of a Simple Sentence in Russian]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 90-101.
- Ivanov Vyach. Vs., 1990. Glottogenez [Glottogenesis]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., pp. 108-109.
- Ivanov Vyach. Vs., 1980. Prayazyki kak obyekty opisaniya v izdanii «Yazyki mira» [Proto-Languages as Objects of Description in the Publication “Languages of the World”]. *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira* [Theoretical Foundations of the Classification of Languages of the World]. Moscow, Nauka Publ., pp. 181-207.
- Kalygin V.P., Korolev A.A., 1989. *Vvedenie v keltskuyu filologiyu* [Introduction to Celtic Philology]. Moscow, Nauka Publ. 264 p.
- Katsnelson S.D., 2001. *Kategorii yazyka i myshleniya. Iz nauchnogo naslediya* [Categories of Language and Thinking. From the Scientific Heritage]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 851 p.
- Katsnelson S.D., 2010. *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya* [Historical and Grammatical Research]. Saint Petersburg, Peterburg. lingv. o-vo. 419 p.
- Kibrik A.E., 1982. Problema sintaksicheskikh otnosheniy v universalnoy grammatike [The Problem of Syntactic Relations in Universal Grammar]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]. Moscow, Progress Publ., pp. 5-36.
- Kinen L.E., 1982. K universalnomu opredeleniyu podlezhashchikh [Towards a Universal Definition of Subjects]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]. Moscow, Progress Publ., pp. 236-276.
- Ivanov Vyach. Vs. et al., eds., 1987. Kommentarii [Comments]. Trubetskoy A.S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow, Progress Publ., pp. 408-491.
- Kuzmenko Yu.K., 2012. O prichinakh i putyakh reduksii padezhnoy sistemy v skandinavskikh yazykakh [On the Causes and Ways of Reducing the Case System in the Scandinavian Languages]. *Varietas delectans: sb. st. k 70-letiyu N.L. Sukhacheva* [Varietas delectans. Collection of Articles to 70th Anniversary of N.L. Sukhachev]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 284-298.
- Leman V.P., 1988. Iz knigi «Protoindoevropeskiy sintaksis» [From the Book “Proto-Indo-European Syntax”]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 21* [New in Foreign Linguistics. Iss. 21]. Moscow, Progress Publ., pp. 351-408.
- Meye A., 1938. *Vvedenie v sravnitelnoe izuchenie indoevropeskiykh yazykov* [Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow, Gosegiz Publ. 511 p.
- Meshchaninov I.I., 1982. *Glagol* [The Verb]. Leningrad, Nauka AN SSSR Publ. 272 p.
- Meshcherskiy N.A., 1972. *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 303 p.
- Mikhaylov V.A., 1992. *Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitelnoy deyatel'nosti* [Meaning and Significance in the System of Speech-Thinking Activity]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 197 p.
- Nedyalkov V.P., 1982. Chukotskie glagoly s inkorporirovannym podlezhashchim [Chukchi Verbs with Incorporated Subject]. *Kategoriya subyekta i obyekta v yazykakh razlichnykh tipov* [The Category of Subject and Object in Languages of Various Types]. Leningrad, Nauka AN SSSR Publ., pp. 135-153.
- Obnorskiy S.P., 1941. Obrazovanie glagolnykh form 3 litsa nastoyashchego vremeni v russkom yazyke [Formation of Verb Forms of the 3rd Person of the Present Tense in the Russian Language]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language], no. 3, pp. 29-48.
- Odri Zh., 1988. Indoevropeskie yazyki [Indo-European Languages]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 21* [New in Foreign Linguistics. Iss. 21]. Moscow, Progress Publ., pp. 24-121.
- Otten G., Souček V., 1980. Drevnekhettskiyy ritual dlya tsarskoy chety [Ancient Hittite Ritual for the Royal Couple]. *Drevnie yazyki Maloy Azii* [Ancient Languages of Asia Minor]. Moscow Progress Publ., pp. 161-197.
- Pavlov V.M., Sukhachev A.L., 1992. Kognitivnye struktury yazyka (Vmesto poslesloviya) [Cognitive Structures of Language (Instead of an Afterword)]. Mikhaylov V.A. *Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitelnoy*

- deyatelnosti* [Meaning and Significance in the System of Speech-Thinking Activity]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 190-196.
- Referovskaya E.A., 1977. *Lingvisticheskaya kontseptsiya G. Giyoma* [The Linguistic Concept of G. Guillaume]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 113-124.
- Rudenko V.I., 1992. *Kognitivnaya nauka, lingvofilosofskie paradigmy i granitsy kultury* [Cognitive Science, Linguophilosophical Paradigms and Cultural Boundaries]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 19-35.
- Ryzhova L.P., 2007. *Frantsuzskaya pragmatika* [French Pragmatics]. Moscow, URSS. 236 p.
- Savchenko A.N., 1974. *Sravnitel'naya grammatika indoeuropeyskikh yazykov* [Comparative Grammar of Indo-European Languages]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 412 p.
- Samigullina A.S., 2009. *Pereosmyslivaya G. Giyoma, ili Sovremennaya psikhomekhanika yazyka i sposoby ee opisaniya* [Reconsidering G. Guillaume, or Modern Psychomechanics of Language and Ways of Its Description]. *Chelovek v zerkale yazyka. Kn. 4* [A Man in the Mirror of Language. Book 4]. Moscow, Ariadna Publ., pp. 62-78.
- Semerenyi O., 1980. *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie* [Introduction to Comparative Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 407 p.
- Serebrennikov B.A., 1974. *Nekotorye voprosy istorii keltskikh yazykov* [Some Questions of the History of Celtic Languages]. *Kelty i keltskie yazyki* [Celts and Celtic Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 72-83.
- Skrelina L.M., 1999. *Lektsii po teoreticheskoy grammatike Frantsuzskogo yazyka. V 2 ch. Ch. 2* [Lectures on the Theoretical Grammar of the French Language. In 2 Pts. Pt. 2]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU. 124 p.
- Skrelina L.M. *Shkola Gijoma: psihosistematika* [The School of Gillaume: Psicosisystematics]. Moscow, Vyssh. shk., 2009. 368 p.
- Stanovaya L.A., 2016. *Eshche raz k voprosu o printsipe yazykovoy ekonomii* [Once Again About the Principle of Language Economy]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], vol. 2, iss. 4, pp. 50-75.
- Stanovaya L.A., 2013. *Ot slova-predlozheniya k slovu, ili: o razvitiy analitizma frantsuzskogo yazyka* [From Word-Sentence to Word, or: On the Development of the Analyticism of the French Language]. *Chelovek i ego yazyk: materialy XVI Mezhdunar. konf.* [Men and Their Languages. Proceedings of the 16th International Conference]. Saint Petersburg, Skifiya Publ., pp. 76-81.
- Stepanov Yu.S., 1989. *Indoeuropeyskoe predlozhenie* [Indo-European Sentence]. Moscow, Nauka Publ. 247 p.
- Susov I.P., 1981. *Predikat i predikatsiya* [Predicate and Predication]. *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv: mezhvuz. temat. sb.* [Semantics and Pragmatics of Syntactic Units. Interuniversity Thematic Collection]. Kalinin, KGU, pp. 93-101.
- Tolstoy N.I., Ivanov Vyach. Vs., 1987. *Posleslovie* [Afterword]. Trubetskoy N.S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow, Progress Publ., pp. 492-519.
- Tronskiy I.M., 1953. *Ocherki po istorii latinskogo yazyka* [Essays on the History of the Latin Language]. Moscow, Leningrad, s. n. 274 p.
- Trubetskoy N.S., 1987. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow, Progress Publ. 560 p. (Yazykovedy mira [Linguists of the World]).
- Gubskiy E.F. et al., eds., 1997. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ. 574 p.
- Kholodovich A.A., 1979. *Problemy grammaticheskoy teorii* [Problems of Grammatical Theory]. Leningrad, Nauka Publ. 304 p.
- Shakhter P., 1982. *Rolevye i referentsialnye svoystva podlezhashchikh* [Role and Referential Properties of the Subjects]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]. Moscow, Progress Publ., pp. 317-355.
- Shevyakova V.Ye., 1990. *Tema* [Theme]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 507.
- Shildz K., 1990. *Zametki o proiskhozhdenii osnovoobrazuyushchikh formantov v indoeuropeyskom yazyke* [Notes on the Origin of the Basic Formants in the Indo-European Language]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 12-17.
- Shildz K., 1988. *Nekotorye zamechaniya o ranneindoeuropeyskoy imennoy fleksii* [Some Remarks on Early Indo-European Nominal Inflection]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 21* [New in Foreign Linguistics. Iss. 21]. Moscow, Progress Publ., pp. 224-250.
- Yakushin B.V., 1984. *Gipotezy o proiskhozhdenii yazyka* [Hypotheses About the Origin of Language]. Moscow, Nauka Publ. 137 p.
- Yartseva V.N., 1981. *Kontrastivnaya grammatika* [Contrastive Grammar]. Moscow, Nauka Publ. 112 p.

- Yartseva V.N., 1954. Predislovie [Preface]. Lyuis G., Pedersen Kh. *Kratkaya sravnitel'naya grammatika keltskikh yazykov* [A Brief Comparative Grammar of the Celtic Languages]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., pp. 3-12.
- Adrados F., 1986. Binary and Multiple Oppositions in the History of Indo-European. *Festschrift for Henry Hoenigswald*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, S. 1-10.
- Bellert Y., 1969. Arguments Predicates in the Logico-Semantic Structure of Utterances. *Studies in Syntax and Semantics. Foundations of Language. Vol. 10*. Dordrecht, Springer, pp. 34-54.
- Butt J., Benjamin C., 2000. *A New Reference Grammar of Modern Spanish*. London, Routledge. 608 p.
- Chown E., 2005. Le motif syncrétique dans les théories grammaticales de Marr : sources, parallèles et perspectives. *Un paradigme perdu: la linguistique marriste*, pp. 77-88. (Cahiers de l'ILSL, no. 20).
- Fuchs C., Goffic P., 1992. *Les Linguistics contemporaines: Repures théoretiques*. Paris, Hachette. 158 p.
- Gorrochategui J., 2005. La epigraffa y las lenguas paleohispánicas. *Revue des Études Anciennes*, t. 107, no. 1, pp. 205-224.
- Grandgent C.H. *An Introduction to Vulgar Latin*. Boston, Heath & Company, 1908. 248 p.
- Guillaume G., 2005. *Leçons de linguistique de Gustave Guilloume. 1941–1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique: initiation et construction du mot à travers les langues*. Québec, Presses de l'Université Laval. 495 p. (Les PUL, t. 17)
- Melcher H. Craing, 1992. The Third Person Present in Lydian. *Indogermanische Forschungen*, Bd. 97, S. 31-55.
- Rojas N., 1977. Referentiality in Spanish Noun Phrases. *Language*, vol. 53, pp. 61-69.

SOURCE

Ruíz J. *Libro de buen amor*. La Habana, Editorial Arte y Literatura, 1984.

Information About the Author

Mikhail V. Zelikov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russia, zelikovmv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-8689>

Информация об авторе

Михаил Викторович Зеликов, доктор филологических наук, профессор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Россия, zelikovmv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-8689>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

– комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

– поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

– расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

– повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

– поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2024 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2024 года
2624 руб. 40 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the Journal is aimed at achieving the objectives set:

– comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

– supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

– expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

– enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

– supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The Editorial Board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2024 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2024
is 2624.40 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

